М. М. РУБИНШТЕЙНЪ.

ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОБЩЕСТВЕННОЕ
ИЛИ
СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНІЕ?

Второе, вновь просмотрѣнное и дополненное изданіе.

ЗАДРУГА

МОСКВА—1918 г.

13к

ТИПОГРАФІЯ Т-ва „ЗАДРУГА“,
Москва, Воздвиженка, Крестовоздви-
женскій пер., д. 9. Телефонъ 5-87-02.

1461
31

Отъ автора.

Первоначально эта работа была напечатана въ журналѣ „Вѣстникъ воспитанія“, 1915 г. Здѣсь она появляется въ дополненномъ и расширенномъ видѣ. То обстоятельство, что въ обсужденіи даннаго педагогическаго вопроса я удѣляю много вниманія соціально-экономическимъ соображеніямъ, объясняется не только самой сущностью моей проблемы, но также и убѣжденіемъ, которое я проводилъ и въ другихъ моихъ работахъ, что педагогическія проблемы, особенно принципіальнаго свойства, вообще нельзя обсуждать иначе.

М. М. Рубинштейнъ.

Москва, Январь, 1916.

Ко второму изданію.

Во второмъ изданіи я внесъ рядъ мелкихъ поправокъ, особенно въ послѣдней главѣ, нѣсколько дополняющихъ первое изданіе; по существу-же работа вполнѣ сохраняетъ свой прежній характеръ.

М. М. Рубинштейнъ.

Москва, 1917.

I.

Проблема органа воспитанія, какъ основная педагогическая проблема.

Наше время, съ головой погрузившееся въ обсужденіе частныхъ педагогическихъ вопросовъ, сравнительно очень мало вниманія удѣляло и удѣляетъ принципіальнымъ и общимъ педагогическимъ вопросамъ. Отдѣлъ философіи педагогики это— наиболѣе заброшенная и забытая часть современныхъ педагогическихъ теорій. Экспериментальный методъ, все еще полновластно господствующій въ педагогикѣ, при всей его цѣнности, когда его берутъ *изолированно*, какъ ключъ ко всѣмъ вопросамъ, неизбѣжно ведетъ насъ по колеѣ значительнаго суженія обсужденія и выясненія вопросовъ воспитанія и обученія, въ томъ числѣ и многихъ такихъ вопросовъ, которыми по существу затрогиваются коренныя проблемы педагогической жизни. И это вполнѣ естественно: экспериментъ, въ особенности лабораторный, охватываетъ сферу только сравнительно простыхъ переживаній и тѣмъ болѣе утрачиваетъ свою силу и значеніе, чѣмъ болѣе сложно и широко то явленіе, которое мы изучаемъ. Въ нѣкоторыхъ жизненно широкихъ основныхъ педагогическихъ явленіяхъ экспериментальное изученіе мыслимо только въ видѣ широко организованнаго, большого и продолжительнаго жизненнаго опыта, въ итогѣ котораго только и можетъ рѣшиться поставленная жизнью задача. Но тогда этотъ итогъ является уже запоздалымъ, жизнь тогда прошла своей дорогой и назадъ ее уже не вернуть; намъ тогда останется только подвести итоги и признать совершившееся, будетъ ли это хорошее или дурное, безразлично. Такъ обстояло бы дѣло съ вопросомъ объ органѣ воспитанія, о семьѣ, если бы мы сузили свой педагогическій горизонтъ на одну экспериментальную педагогику; мы вынуждены были бы учитывать, въ концѣ-концовъ, экспериментъ ши-

рокой промышленной жизни, не имѣя возможности сознательно вмѣшаться въ рѣшеніе судьбы семьи и плывя по теченію того, что намъ диктуетъ текущая жизнь съ внѣшней стороны. Лабораторный экспериментъ явится здѣсь, можетъ быть, нѣкоторымъ подспорьемъ, помогая рѣшить частные вопросы, но для полнаго жизненнаго рѣшенія намъ необходимо выйти на широкій просторъ по возможности всесторонняго обсужденія судьбы семьи. Намъ для этого необходимо разобраться съ понятіемъ семьи, какъ органа воспитанія, съ ея элементами, важными въ педагогическомъ отношеніи; только это дастъ намъ возможность понять, что вывело этотъ традиціонный органъ воспитанія изъ его твердо уравновѣшеннаго и господствующаго положенія, въ чемъ заключается переживаемый семьей кризисъ; далѣе встаетъ самъ собой вопросъ, гдѣ найти замѣну того, въ чемъ семья уже неспособна удовлетворить требованіямъ современной жизни; въ силахъ ли общественное воспитаніе замѣнить семью, обладаетъ ли оно для этого необходимыми элементами? И, наконецъ, какъ же рѣшается въ общемъ итогѣ этотъ вопросъ объ органѣ воспитанія?

Наше время не удѣлило этому жизненному вопросу достаточно вниманія, а между тѣмъ здѣсь, по нашему глубокому убѣжденію, рѣшается судьба чуть ли не всей педагогики, а съ нею одного изъ наиболѣе важныхъ моментовъ всей нашей жизни. Здѣсь въ значительной степени рѣшается судьба современности. Констатированіе тяжкаго кризиса, переживаемаго семьей, становится теперь настолько общимъ и всѣми признаннымъ мѣстомъ, что это не требуетъ никакихъ доказательствъ. Споры возбуждаетъ только вопросъ о причинахъ и степени этого кризиса и, главное, вопросъ о томъ, на какую чашку вѣсовъ намъ положить нашу сознательную волю. Мы знаемъ, что этотъ всеобъемлющій жизненный вопросъ будутъ рѣшать и рѣшаютъ сложныя *соціально-экономическія* условія дѣйствительной жизни, но на одну чашку вѣсовъ долженъ быть положенъ „мечъ идеологіи“, наша сознательная цѣленаправленная воля, потому что хотя мы не можемъ одни рѣшить всего вопроса, но мы можемъ оказать значительное вліяніе на его рѣшеніе. Для этого намъ надо знать, что совершается въ дѣйствительности и каковъ смыслъ этого процесса.

На этотъ путь намъ недвусмысленно указываетъ сама живая дѣйствительность. Семья до сихъ поръ продолжаетъ оставаться почти единственнымъ органомъ воспитанія, т.-е., правильнѣе сказать, весь укладъ нашей общественной жизни приноровленъ къ мысли, что задача воспитанія дѣтей выполняется опредѣленнымъ, нормально функціонирующимъ соціальнымъ учрежденіемъ. На самомъ же дѣлѣ тамъ, гдѣ должна стоять на стражѣ семья, часто, слишкомъ часто оказывается или не дѣеспособный калѣка, или же прямо краснорѣчивое пустое мѣсто. Семейное воспитаніе слишкомъ часто въ нашихъ современныхъ культурныхъ условіяхъ становится тождественнымъ съ отсутствіемъ всякаго воспитанія, а то и прямо обращается въ разлагающій факторъ, какъ мы это увидимъ дальше. Уже это намъ ясно показываетъ, что поставить вопросъ объ органѣ воспитанія вовсе не значитъ ломиться въ открытыя двери. У насъ въ дѣйствительности уже также намѣчаются двѣ рѣзко расходящіяся линіи: одна — путь безусловной защиты семьи, какъ органа воспитанія, и твердой вѣры въ ея конечное торжество, а другая это — соціализація воспитанія, твердая увѣренность въ безнадежномъ положеніи семьи и необходимости ея замѣны общественнымъ воспитаніемъ. Въ большинствѣ интеллигентныхъ семей это характерно отразилось въ томъ, что дѣвочекъ, напримѣръ, — и въ семьѣ, и въ школѣ — ведутъ по такому пути воспитанія и обученія, который никакъ и ничѣмъ по существу не наводитъ на мысль о будущей семейной жизни, не готовитъ къ семьѣ. Здѣсь въ сущности мы встрѣчаемся съ наиболѣе рѣзкимъ расхожденіемъ семьи и школы, школы и жизни. Если семья сохранится и останется основной формой сожительства людей, то ея нельзя обходить молчаніемъ, нельзя не готовить къ ней дѣтей. Если же мы замалчиваемъ семью и не подготовляемъ къ ней съ дѣтства, то мы прямымъ путемъ помогаемъ разрушенію семьи, а пока что калѣчится жизнь людей, такъ какъ къ семьѣ они не подготовлены, у нихъ не воспитанъ „вкусъ къ семьѣ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь все еще ведетъ ихъ въ этой колеѣ. Для современнаго разброда, особенно характерно, что наряду съ выявляющимися двумя противоположностями, семейнымъ и общественнымъ воспитаніемъ, довольно громко прозвучалъ лозунгъ „дѣтей безъ мужа“, жалоба на трудъ-

ность долго жить съ однимъ лицомъ и т. д. А пока идетъ эта полоса безвременья, съ гибедью семьи гибнутъ и дѣти, такъ какъ некому или нечѣмъ замѣнить разрушенный органъ воспитанія.

Важность вопроса объ органѣ воспитанія съ внѣшней стороны ярко подчеркнута у насъ фактомъ состоявшагося перваго всероссійскаго съѣзда по семейному воспитанію. Но именно этотъ съѣздъ характеромъ докладовъ, преній и резолюцій лучше всего подтверждаетъ крайнюю запутанность и во многихъ случаяхъ внутреннюю противорѣчивость современнаго положенія. Въ нѣкоторыхъ и часто наиболѣе интересныхъ докладахъ выставлялись и принимались съѣздомъ взаимно исключающія другъ друга положенія [1]). Все заставляетъ насъ видѣть въ этомъ вопросъ не только интеллигентской жизни, но въ еще большей мѣрѣ вопросъ жизни широкихъ массъ, которыя при ихъ матеріальной необезпеченности прежде всего попадаютъ въ тиски промышленной жизни и несутъ на своихъ плечахъ всѣ тяготы этой жизни, не пользуясь въ то же время достаточно ея благами. Семья и материнство стали въ наше время труднѣйшими задачами, и диѳирамбы по ихъ адресу могутъ много говорить чувству личности, но при современныхъ условіяхъ они уже въ ихъ осуществленіи обусловливаются сложной дѣйствительностью, въ которой необходимо отдать себѣ ясный отчетъ.

Эта необходимость подчеркивается еще однимъ уже чисто педагогическимъ основаніемъ. Семья, какъ органъ воспитанія, выполняла въ прежнихъ, болѣе или менѣе простыхъ условіяхъ жизни свои задачи потому, что жизнь не предъявляла такихъ повышенныхъ требованій къ жизненной подготовкѣ человѣка, какія она предъявляетъ теперь. Принципъ „знаніе—сила“ не обострялся до такой степени и не шелъ такъ глубоко, какъ теперь. Поэтому семья и родители могли ограничиться физическимъ уходомъ за дѣтьми и заботой о развитіи ихъ характера и соціальныхъ привычекъ, или же просто предоставляли весь ростъ во власть подражательнаго воспитанія средой и обстановкой, полагаясь на силу семейныхъ и общественныхъ традицій. Мы теперь находимся въ иномъ положеніи. Не говоря уже

[1]) См., напримѣръ, въ трудахъ доклады *Сулима* „Объ обязанностяхъ женщины, какъ воспитательницы“.

о томъ, что традиціонная воспитательница мать уже не хочетъ и не можетъ исключительно жить семьей, жизнь колоссально повысила и повышаетъ свои требованія къ индивиду. Знаніе и образованіе перестаютъ понемногу быть удѣломъ привилегированныхъ группъ, размахъ жизни простого человѣка теперь въ принципѣ сталъ необъятно широкимъ, его перспективы все меньше загораживаются правовыми ограниченіями, арена борьбы открывается все больше на равныхъ правахъ для всѣхъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ значительно повышается и ея трудность. Вотъ почему съ демократизаціей культуры и съ усложненіемъ борьбы за существованіе, сознательное руководство дѣтьми и ихъ ростомъ должно начинаться возможно раньше. Дошкольный возрастъ уже реально пересталъ быть для педагогики безразличной порой, и мы все больше приходимъ къ выводу, что тамъ заложены самые важные истоки развитія характера, жизнеспособности и всего духа личности. Дѣти и сами предъявляютъ теперь къ жизни иныя требованія; они говорятъ о такихъ запросахъ, которыхъ нельзя не удовлетворить, а неподготовленные родители въ массѣ часто не въ силахъ дать имъ разумное удовлетвореніе и разумные подходящіе для дѣтей отвѣты. Для воспитанія дѣтей одного родительскаго инстинкта уже и въ пору дошкольной жизни дѣтей оказывается недостаточно, для этого нужны знанія и умѣнія, которыхъ у родителей можетъ и не быть. Современная, даже начальная школа, съ ея обширной программой предполагаетъ сравнительно большой кругъ представленій и развитія у дѣтей, а педагогическая психологія показываетъ, что кругъ представленій у дѣтей въ массѣ въ нашихъ современныхъ условіяхъ далеко не отвѣчаетъ требованіямъ вступленія въ школу. Въ результатѣ получается, что семья и школа, какъ и школа и жизнь, оторваны другъ отъ друга.

Такимъ образомъ, вопросъ о дошкольномъ воспитаніи и нормальной семьѣ пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что педагогика и педагогическая психологія въ конечномъ счетѣ во всѣхъ направленіяхъ показываютъ, что цѣлый рядъ свѣдѣній, способностей, шансовъ на ростъ стоитъ въ зависимости отъ того, развивали ли ихъ въ семьѣ, было ли дошкольное цѣлесообразное воспитаніе. Значеніе книги Монтессори „Домъ ребенка“, несмотря на обиліе промаховъ и ошибокъ въ ней, можетъ быть,

оцѣнивается такъ высоко именно потому, что она показала, чего можно добиться отъ дѣтей дошкольнаго періода при извѣстномъ умѣніи и системѣ. Надо только вдуматься въ то, что способность совершенствованія путемъ упражненія есть основная способность, въ которой вся сила человѣка. Когда теперь подчеркивается свѣтъ, идущій отъ теплаго чувства къ матери, отъ лицезрѣнія ея ребенкомъ и т. д., у насъ теперь все больше закрадывается тревожная мысль, много ли такихъ семей, гдѣ расцвѣтаетъ это чувство теперь, въ нашъ вѣкъ лихорадочной торопливости и нервозности. А между тѣмъ именно теперь намъ говорятъ (Л. Н. Толстой): „Отъ пятилѣтняго ребенка до меня— только одинъ шагъ. Отъ новорожденнаго до пятилѣтняго— страшное разстояніе". И вотъ на этомъ „страшно большомъ" пути мы также не должны оставлять дѣтей въ педагогической пустынѣ.

Къ числу мотивовъ, побуждающихъ всякаго мыслящаго человѣка внимательно вглядѣться въ вопросъ о семьѣ, жизнь, сама суровая современная дѣйствительность прибавила еще одинъ, и мотивъ необычайно важный. Подъ грохотъ пушекъ и военной бури осиротѣли милліоны дѣтей; многія и многія остались не только безъ отцовъ, но и безъ матерей, безъ крова, слабыя и безпомощныя, часто даже неспособныя сообщить, откуда они и кто они. Но и тѣ, кто сохранилъ внѣшне семью, переживаютъ безконечно тяжелую пору, чреватую всякими и возможно очень тяжелыми послѣдствіями. Въ сущности и сохранившаяся семья переживаетъ тяжелыя времена подъ натискомъ военнной и революціонной грозы, предъявившей новыя требованія ко всѣмъ. И вотъ теперь, когда ребромъ всталъ вопросъ о новой школѣ, о коренныхъ реформахъ, и реформахъ, которыя особенно радикально должны коснуться женскихъ учебныхъ заведеній, значительно отставшихъ отъ жизни, особенно важно вдуматься въ вопросъ о семьѣ: въ зависимости отъ него въ значительной мѣрѣ долженъ рѣшаться и вопросъ о постановкѣ женскаго образованія. Какъ своевременен этотъ вопросъ, это видно изъ того, что всѣмъ организаціямъ, стремившимся устроить сотни тысячъ дѣтей, обездоленныхъ войной, пришлось лицомъ къ лицу столкнуться съ вопросомъ, какъ быть; прибѣгнуть-ли къ семейному патронату, если семья необходима,

или же пойти по пути опредѣленно общественнаго воспитанія или-же устроить нѣкоторый общественный суррогатъ семьи. Всѣ эти мысли всплыли разомъ, какъ только началъ свои работы, напримѣръ, 1-ый съѣздъ дѣятелей всероссійскаго земскаго союза по призрѣнію дѣтей, жертвъ войны (въ Москвѣ). Вопросъ о семьѣ не только теоретически необходимъ, но онъ необычайно важенъ и практически.

Мы знаемъ, что въ вопросѣ о семьѣ, какъ органѣ воспитанія дѣтей, подымается настолько важный для насъ жизненный вопросъ, что онъ способенъ всколыхнуть не только нашъ умъ, но и нашу волю и чувство, онъ болѣе чѣмъ какой-либо иной вопросъ связанъ съ судьбой нашихъ интимнѣйшихъ переживаній. Въ такомъ вопросѣ трудно отыскать путь безпристрастности и объективности. Но и молчать о немъ нельзя. Мы при этомъ, конечно, не должны давать загипнотизировать себя видомъ разрушающейся семьи, какъ должны не слишкомъ возвышать свой голосъ и наши личныя симпатіи. Эти симпатіи и несимпатіи могутъ легко побудить насъ выставить опредѣленный идеалъ и нормы, не считаясь съ дѣйствительностью. Мы склонны очень высоко оцѣнивать нормативные элементы въ педагогикѣ, но когда подымается рѣчь о педагогическихъ задачахъ и *средствахъ и путяхъ* ихъ осуществленія, то тамъ уже дѣйствительныя условія должны быть строго приняты во вниманіе,—не для того, чтобы подчинить насъ этой дѣйствительности, а для болѣе увѣреннаго движенія впередъ по направленію къ идеалу.

II.

Изъ исторіи вопроса.

Вопросъ о семьѣ и ея роли въ воспитаніи дѣтей всплываетъ въ педагогикѣ не только не въ первый разъ, но у него имѣется своя исторія, тянущаяся изъ далекой старины вплоть до нашего времени. Уже это одно подчеркиваетъ его первостепенное значеніе. Бросимъ бѣглый взглядъ на нѣкоторые интересные этапы развитія нашей проблемы. Въ первобытныхъ условіяхъ жизни семья въ различныхъ ея формахъ являлась и является единственнымъ факторомъ воспитанія, единственнымъ

передаточнымъ пунктомъ для того наслѣдія, которымъ владѣло старшее поколѣніе и которое оно должно было передать младшему. Эта форма семейной передачи оказывается тѣмъ болѣе важной, что при низкомъ уровнѣ данной среды нельзя было разсчитывать на сознательную передачу и культуру, а безсознательнымъ путемъ могла на первыхъ порахъ явиться только семья,—источникъ, изъ котораго выросли различныя разновидности человѣческихъ обществъ. Но уже здѣсь необходимо вспомнить, что это была, такъ называемая, родовая семья. Семья въ современной ея формѣ единобрачія явилась результатомъ продолжительнаго культурнаго развитія.

Старая патріархальная семья собственно не была той маленькой ячейкой, какой она стала въ нашихъ культурныхъ условіяхъ, а чаще являлась довольно крупнымъ обществомъ, члены котораго были связаны другъ съ другомъ болѣе или менѣе близкимъ кровнымъ родствомъ. Въ такихъ семьяхъ-обществахъ дѣти являлись въ сущности общимъ достояніемъ, и потеря одного изъ родителей или обоихъ нисколько не мѣняла ихъ положенія и они проходили черезъ воспитаніе, которое,—если оно вообще заслуживаетъ этого названія,—было, внѣ всякаго сомнѣнія, общественнаго характера, а не семейнаго. Это вытекло въ сущности изъ самодержавно-централистическаго характера такой семьи-общества, изъ общей собственности, объединенной подъ властью главы семьи, изъ крайне тѣснаго сожительства и связанности судьбы всѣхъ членовъ семьи-общества.

Такимъ образомъ, было бы большой ошибкой думать, что человѣчество прошло пока только черезъ одну форму воспитанія, воспитанія семейнаго, а общественное воспитаніе есть нѣчто совершенно новое, долженствующее по всему ходу исторіи притти на смѣну старому. На самомъ дѣлѣ первоначальное воспитаніе правильнѣе всего будетъ назвать во многихъ случаяхъ семейно-общественнымъ и трудно рѣшить, какое изъ нихъ является болѣе старымъ. Одно можно сказать съ увѣренностью, что если общественное воспитаніе и не старше узко-семейнаго, то оно, во всякомъ случаѣ, и не моложе его. Можетъ быть, болѣе правильно будетъ предположить, что обѣ формы воспитанія, семейная и общественная, возникли въ обособленномъ видѣ только на пути дифференціаціи изъ одного общаго источника.

Во всякомъ случаѣ уже у колыбели современной европейской культуры, въ античномъ мірѣ, мы встрѣчаемъ такое смѣшанное семейно-общественное воспитаніе. Въ быстромъ культурномъ развитіи древняго греко-римскаго міра обнаружилась не только жизненно-практическая противоположность уклоненія отъ семьи и преклоненія передъ ней, но скоро античная философско-педагогическая мысль поставила вопросъ о семейномъ и общественномъ воспитаніи во всей его полнотѣ въ лицѣ Платона и Аристотеля (въ IV в. до Р. Хр.). Какъ спартанцы, такъ и аѳиняне сохранили форму семейной жизни, но ихъ дѣти сравнительно быстро переходили въ вѣдѣніе общественнаго воспитанія. Хотя спартанцы никогда радикально не порывали связи съ семьей, но все-таки ихъ воспитаніе шло по опредѣленно общественному руслу, включительно до питанія. Древне-греческое общество настолько полно сознанія, что дѣти являются общественнымъ достояніемъ, что родиться въ то время далеко еще не значило въ массѣ получить право на жизнь. Это право получали только тѣ дѣти, которые по своимъ физическимъ свойствамъ обѣщали стать въ будущемъ полезными и достойными членами военнаго государства Мальчики въ Спартѣ уже въ раннемъ дѣтствѣ поступали въ вѣдѣніе общественнаго воспитанія и оставались на этой колеѣ вплоть до того момента, когда государство признавало ихъ зрѣлость и право на бракъ. Но и аѳиняне, менѣе суровые и культурно болѣе подвижные и одаренные, во многихъ отношеніяхъ уклонялись въ сторону широкаго общественнаго воспитанія. И у нихъ семья занимаетъ очень скромное положеніе и совершенно затмевается общественной жизнью, неудержимо привлекавшей къ себѣ живой духъ аѳинскихъ гражданъ. Второстепенное положеніе семьи, какъ органа воспитанія, ярко сказалось у грековъ въ томъ общемъ приниженномъ и безправномъ положеніи, которое тамъ занимала женщина-мать, не смѣвшая, напримѣръ, участвовать въ трапезѣ за столомъ своего мужа въ присутствіи постороннихъ людей. Иначе обстояло дѣло въ древнемъ Римѣ: воспитаніе дѣтей было тамъ всецѣло задачей семьи; даже подготовка къ военной службѣ поручалась отцу мальчика, и римская матрона, какъ блюстительница домашняго очага, занимала совершенно иное положеніе, чѣмъ женщина древней Греціи: она пользуется огром-

нымъ почетомъ и положеніемъ. Исторія Рима не разъ рисуетъ намъ въ отдѣльныхъ эпизодахъ, въ біографіяхъ великихъ людей того времени крупную выдающуюся *воспитательную* роль римскихъ женщинъ. Уже здѣсь бросается намъ въ глаза та противоположность, которую въ дальнѣйшемъ развитіи отмѣчаетъ исторія интересующаго насъ вопроса: греки обнаруживали много интереса къ отвлеченнымъ элементамъ, къ метафизическимъ задачамъ, въ конечномъ счетѣ къ потустороннему царству, и семья у нихъ стоитъ на второмъ планѣ; римлянамъ болѣе присущъ земной, практическій характеръ и они крѣпко держатся за семью. Эта интересная деталь особенно ярко обнаружилась у двухъ греческихъ мыслителей, у Платона и Аристотеля, а позже ее подчеркнуло христіанство и цѣлый рядъ педагоговъ-теоретиковъ, какъ Фихте.

На примѣрѣ Платона мы прежде всего встрѣчаемъ подтвержденіе той мысли, что трудно сказать, какая форма воспитанія должна считаться болѣе древней. Появленіе его теоріи, радикально выступающей на защиту общественнаго воспитанія, показываетъ намъ, что при возникновеніи вопроса первымъ нашло себѣ теоретическую защиту общественное, а не семейное воспитаніе. Платонъ, разсматривавшій нашъ міръ, какъ только отдаленный отблескъ божественнаго міра идей, направляетъ всѣ помыслы какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего общества на одну цѣль, на задачу постиженія міра идей, на пріобщеніе къ этому божественному, неземному царству. Это приводитъ его къ мысли о необходимости создать идеальное государство, способное повести своихъ гражданъ къ метафизической цѣли. И вотъ тутъ то Платонъ и усмотрѣлъ въ семьѣ факторъ, способный питать своекорыстіе, прикованность къ землѣ и земнымъ цѣлямъ, и онъ, не колеблясь, уничтожаетъ ее самымъ радикальнымъ образомъ. Платонъ первый додумалъ проблему абсолютнаго общественнаго воспитанія до ея крайнихъ слѣдствій. Онъ рѣшаетъ передать дѣтей общественному воспитанію, но идетъ гораздо дальше въ томъ отношеніи, что и ихъ питаніе съ первыхъ дней жизни должно стать общественнымъ въ томъ смыслѣ, что оно подчиняется строжайшему общественному контролю. Платонъ не остановился и на этомъ: видя въ дѣтяхъ самое дорогое общественное достояніе, онъ считаетъ необходимымъ

исключить произволъ и хаосъ въ ихъ зарожденіи; онъ уничтожаетъ не только семью, но и свободное право представителей половъ на спариваніе по своему усмотрѣнію, чтобы радикально исключить возможность дурной наслѣдственности или неблагопріятныхъ условій зарожденія.

Иначе взглянулъ на вопросъ Аристотель, философъ болѣе положительнаго, реалистическаго характера, снова объединившій раздвоенный Платоновскій міръ въ единый эмпирическій міръ и обнаруживший большую склонность считаться съ фактами. Хотя и онъ остается въ этомъ отношеніи грекомъ и очень цѣнитъ общественное воспитаніе, но онъ относится къ семьѣ вполнѣ положительно и во всякомъ случаѣ довѣряетъ ей воспитаніе въ раннемъ дошкольномъ періодѣ. Онъ считаетъ семью союзомъ, предназначеннымъ для дѣторожденія и продиктованнымъ самой природой. Аристотель видитъ въ ней основную вѣчную, неизмѣнную ячейку общественной жизни; съ его точки зрѣнія общество и семья не только не исключаютъ, но, наоборотъ, необходимо обусловливаютъ другъ друга; главный и наиболѣе надежный ферментъ семьи онъ видитъ въ дѣтяхъ и ихъ воспитаніи, и Аристотель съ большимъ вниманіемъ и тонкимъ знаніемъ жизни разбираетъ условія здороваго взращиванія и воспитанія дѣтей въ семьѣ, очень жизненно освѣщая взаимоотношенія родителей и дѣтей. Во взглядахъ этого античнаго мыслителя особенно важно то, что онъ считалъ общество совершенно немыслимымъ безъ семьи.

На дальнѣйшихъ этапахъ мы можемъ не останавливаться и ограничимся только краткими бѣглыми указаніями. Когда въ греческой жизни въ эллинистическую пору рѣзко проявились всѣ признаки распада, и Грецiя быстрымъ темпомъ покатилась къ утратѣ своей самостоятельности и независимости, воспитаніе пришло также въ упадокъ; но пала не только семья, но особенно пострадали всѣ виды общественнаго воспитанія, съ которыми мы встрѣчаемся въ жизни греческихъ государствъ. Наоборотъ, въ Римѣ послѣ пуническихъ войнъ былъ особенно замѣтенъ и чувствителенъ тотъ кризисъ, который пережила римская семья. Цѣлый рядъ философскихъ школъ и тамъ, и здѣсь, какъ стоики, эпикурейцы и скептики, въ поискахъ утраченнаго душевнаго равновѣсія и блаженства проповѣдовали, что общество

и семья налагаютъ на индивида обязательства и тяготы и связываютъ его, и поэтому лучше всего не вступать въ эти связи. Особенно интересна позиція христіанъ первыхъ вѣковъ по отношенію къ семьѣ и государству или свѣтскому обществу. Разсматривая земную жизнь какъ временную и усматривая цѣль всѣхъ своихъ чаяній и стремленій въ жизни вѣчной, въ царствѣ Божіемъ, гдѣ всѣ люди—братья, гдѣ кончается плотская жизнь и плотскіе интересы, первые христіане не могли проявить особенно благожелательнаго отношенія ни къ обществу, ни къ семьѣ, къ этимъ земнымъ учрежденіямъ. Спасеніе было возможно, по ихъ воззрѣніямъ, только въ лонѣ христіанства, и ради истиной вѣры ко всѣмъ истиннымъ сынамъ ея предъявлялось требованіе пожертвовать земными родителями ради небеснаго. Эти основанія отчасти повели къ тому, что въ средніе вѣка, когда на міровую римскую имперію нахлынули разные юные народы и принесли съ собой новую, свѣжую, еще неиспорченную семью, всемогущая католическая церковь разсматривала ее, какъ законное явленіе, но выше все-таки ставила принадлежность къ церковной семьѣ, и всѣ права отца на дѣтей, какъ бы они высоки ни были, кончались у той грани, которая намѣчала столкновеніе съ интересами церкви. Средневѣковое монастырское воспитаніе также представляется особой своеобразной формой общественнаго воспитанія, но оно, конечно, охватывало сравнительно не очень большой кругъ лицъ. Масса фактически жила въ крѣпкой устойчивой семьѣ, и дѣти проходили черезъ твердо установленное жизнью и вѣрою отцовъ воспитаніе.

На рубежѣ новаго времени появляются первые признаки свѣтскаго критическаго отношенія къ семьѣ, какъ органу воспитанія. Радикально измѣнившіяся условія, явившіяся въ результатѣ ломки феодальнаго строя и естественной формы хозяйства, привели къ демократизаціи знанія и въ очень сильной степени повышали требованія къ воспитанію и образованію. Съ той поры и началось наростаніе принципа „знаніе—сила“ въ большой дѣйствительный факторъ. Это и повело къ тому, что уже въ XVI в. мы встрѣчаемся съ оригинальной попыткой выйти за предѣлы семейнаго воспитанія у французскаго писателя Монтэня, предшественника Руссо. Подъ вліяніемъ общаго стремленія эпохи Возрожденія къ природѣ и естественности онъ вводитъ этотъ

идеалъ и въ свою педагогическую теорію и рекомендуетъ воспитывать ребенка на лонѣ природы, въ чужой трудовой семьѣ. Сознаніе, что семья не удовлетворяетъ всѣмъ современнымъ требованіямъ къ воспитанію, привело утопистовъ къ проектамъ общественнаго воспитанія, навѣяннымъ, безъ сомнѣнія, античнымъ міромъ. То же убѣжденіе въ неудовлетворительности традиціоннаго семейнаго воспитанія привело Локка къ идеѣ замѣнить неподготовленныхъ родителей умѣлымъ воспитателемъ, а у Коменскаго въ XVII в. появляется идея притти на помощь семьѣ материнскими школами, которыя служатъ своего рода предтечами дѣтскихъ садовъ.

Чѣмъ дальше развивалась широкая торгово-промышленная жизнь Европы, тѣмъ больше пробуждалось сознаніе, что въ семейномъ воспитаніи кроются большіе недочеты. Всѣ эти мотивы претворились въ XVII вѣкѣ у Руссо въ пламенный протестъ противъ культуры и культурнаго распада, принесшаго естественно и упадокъ семейныхъ нравовъ и семьи, какъ органа воспитанія. Съ присущимъ ему темпераментомъ Руссо констатируетъ, что отцы и матери бросаютъ своихъ дѣтей на руки чужихъ людей. Руссо рисуетъ идеалъ естественнаго воспитанія на лонѣ природы, вдали отъ культурнаго общества, но было бы большой ошибкой думать, что онъ отказался отъ семьи и семейнаго воспитанія. Наоборотъ, весь ходъ его мыслей опредѣляется тѣмъ, что онъ стремился создать своего рода педагогическихъ Адама и Еву, которые основали бы *новую* здоровую *семью*, способную воспитывать дѣтей, и понесли бы обновленіе и оздоровленіе во все человѣчество. „Нѣтъ матери, нѣтъ и дитяти“, говоритъ онъ.

До сихъ поръ въ новое время рѣчь шла, главнымъ образомъ, о воспитаніи дѣтей болѣе или менѣе привилегированныхъ состояніемъ или рожденіемъ сословій. Весь вопросъ въ его современной широкой *народной* постановкѣ выросъ впервые у Песталоцци. Онъ видѣлъ, что переживала *массовая* семья на его глазахъ во второй половинѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX в. и, болѣя всей душой за человѣчество, онъ выступилъ съ идеаломъ воспитанія народа къ самопомощи. Спасеніе онъ видѣлъ въ оздоровленіи семьи и въ возстановленіи трудового семейнаго воспитанія. Всѣ труды Песталоцци краснорѣчиво говорятъ намъ о томъ, какъ сердце Песталоцци переполняется умиленіемъ и вос-

торгомъ, когда онъ произноситъ слово „мать“. „О, мать!“ восклицаетъ онъ, „я лишь около тебя могу сохранить свою невинность, свою любовь, свое послушаніе... Мать, мать! Если есть еще у тебя рука, если есть еще у тебя сердце для меня, то не дай мнѣ уклониться отъ тебя. Мать, мать! Если я тебя люблю, то люблю и Бога!“

Рѣзкимъ сторонникомъ общественнаго воспитанія, включительно до полной передачи дѣтей вѣдѣнію воспитательныхъ учрежденій, выступилъ нѣмецкій философъ Фихте, но и онъ оговаривается: все это дѣлается для того, чтобы изолировать дѣтей отъ испорченнаго общества, а когда общество оздоровится въ достаточной мѣрѣ путемъ новаго общественнаго воспитанія, тогда можно будетъ пересмотрѣть весь вопросъ и установить, какія задачи воспитанія можно снова вернуть семьѣ. Этотъ проектъ встрѣтилъ цѣлый рядъ бурныхъ протестовъ крупныхъ людей того времени, напримѣръ, со стороны Гумбольдта, назвавшаго взглядъ Фихте „душепродажничествомъ“. Съ тѣхъ поръ споръ о семейномъ и общественномъ воспитаніи никогда не прекращался, онъ велся то въ болѣе бурной, то въ менѣе замѣтной формѣ и только въ наше время споры эти стушевались передъ другими вопросами. Много сторонниковъ въ XIX в. общественное воспитаніе нашло въ средѣ соціалистовъ, хотя и тамъ далеко не всѣ примкнули къ теоріи, разсматривающей семью какъ пережитокъ и отдающей дѣтей всецѣло на попеченіе общественнаго воспитанія [1]).

III.

Элементы семьи, какъ органа воспитанія.

Чтобы понять, что совершается въ семьѣ въ наше время, чѣмъ обусловливается переживаемый ею, какъ органомъ воспитанія, тяжелый кризисъ, необходимо отдать себѣ отчетъ въ томъ, чѣмъ живетъ она, какіе элементы дѣлаютъ ее способной выполнять роль органа воспитанія. Опредѣленіе семьи является чрезвычайно сложной задачей, но мы и не стремимся къ исчерпы-

---

[1]) См. *А. Менгеръ*, „Новое ученіе о государствѣ“.

вающему опредѣленію понятія семьи; намъ важно выдѣлить только элементы, наиболѣе существенные въ *педагогическомъ* отношеніи, которые дали бы намъ возможность понять то, что совершается въ этомъ органѣ воспитанія, и намѣтить пути жизненнаго рѣшенія этого вопроса.

Какъ легко въ этомъ случаѣ перейти на крайне поверхностную или чисто внѣшнюю почву, это лучше всего видно изъ той сумятицы понятій, которая господствовала въ отношеніи семьи на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ по семейному воспитанію. Тамъ мы встрѣчаемся, напримѣръ, съ такими опредѣленіями: семья въ ея существенныхъ чертахъ—это „родители и ребенокъ, связанные особой группой чувствъ, обладающіе цѣннѣйшимъ знаніемъ наслѣдственныхъ и индивидуальныхъ свойствъ“ [1]). Прежде всего, конечно, подымается вопросъ о природѣ или характерѣ тѣхъ чувствъ, которымъ отводится здѣсь роль связующихъ звеньевъ. Общаго указанія на эти чувства совершенно недостаточно, а такъ какъ извѣстнымъ духовнымъ элементамъ, на которые мы укажемъ дальше, должно быть дѣйствительно отведено центральное мѣсто въ педагогическомъ понятіи семьи, то здѣсь остается открытой возможность вложить въ эти чувства все, что угодно; самъ авторъ этого опредѣленія ничѣмъ не помогъ намъ разобраться, по крайней мѣрѣ, въ самыхъ существенныхъ элементахъ Если бы внѣшнія отношенія родителей и дѣтей, ихъ внѣшняя совмѣстная жизнь составляла сущность семьи, то всѣ современныя жалобы на кризисъ семьи утратили бы всякій смыслъ, потому что это сожительство продолжается благополучно и дальше; а тѣмъ не менѣе всѣ, въ томъ числѣ участники перваго всероссійскаго съѣзда по семейному воспитанію, вынуждены признать, что семья переживаетъ очень тяжелыя испытанія. Несостоятельно также и указанія на „знаніе наслѣдственныхъ и индивидуальныхъ свойствъ“. На самомъ дѣлѣ въ большинствѣ семей этого знанія нѣтъ и не можетъ быть при томъ уровнѣ, на какомъ находится масса современнаго человѣчества. Не отрицая нѣкоторой доли правды въ этомъ опредѣленіи семьи, мы все-таки должны признать его съ педагогической точки зрѣнія неудовлетворительнымъ.

---

[1]) Труды съѣзда I, стр. 96.

Если первое опредѣленіе обнаруживаетъ все-таки попытку пойти въ глубь, въ указаніе внутреннихъ элементовъ, то слѣдующее опредѣленіе сводится на указаніе уже чисто внѣшнихъ признаковъ [1]: „семья представляетъ собою соціальную группу, состоящую изъ родителей, родственниковъ, живущихъ съ ними, дѣтей и прислуги (?). Семья находится въ средѣ, которая состоитъ изъ знакомыхъ и родственниковъ, не живущихъ въ семьѣ, и изъ общегосударственнаго строя, т.-е. того класса народонаселенія, къ которому принадлежитъ семья по своему соціальному положенію". Это опредѣленіе носитъ настолько ясный характеръ описанія чисто внѣшнихъ и при томъ не всегда существенныхъ сторонъ существованія семьи, что мы на немъ останавливаться не будемъ и попытаемся собственными силами выявить педагогически важные элементы семьи, какъ органа воспитанія.

Прежде всего мы должны отмѣтить въ понятіи семьи характеръ *коллектива*, хотя и сравнительно малаго коллектива. Этотъ коллективъ создался на естественной почвѣ жизненной связи и объединенъ прежде всего основной пѣлью *совмѣстной борьбы за существованіе*. Цѣль эта, конечно, не единственная, но она—въ особенности для массовой семьи—является той подпочвой, на которой выростаютъ и иныя цѣли. Въ этомъ заключается первая сторона семьи, существенная въ педагогическомъ отношеніи. Въ исторіи человѣческой мысли шли—да они не замерли и теперь—безконечные споры о томъ, кто обладаетъ реальностью, человѣкъ или общество, и въ той же исторіи намѣтился путь примиренія этихъ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія: нѣтъ общества безъ индивида, но и индивидъ, какъ человѣческая личность, мыслимъ вообще только въ обществѣ и на почвѣ общенія: въ этомъ случаѣ и аскетъ не есть опроверженіе, потому что аскетизмъ, какъ духовное теченіе, родился на почвѣ уже сравнительно развитой духовно-общественной жизни. Въ особенности для педагогики важно отдать себѣ отчетъ, что изоляція человѣка является во всѣхъ отношеніяхъ не только большимъ препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію, но при извѣстной продолжительности уничтожаетъ плоды уже пріобрѣтеннаго богатства психической жизни. Жизнь въ коллективѣ,

[1] Труды II, стр. 633.

открывающемъ возможность нормальнаго общенія съ другими людьми, есть не только явленіе, вытекающее изъ инстинкта общественнаго животнаго, но и неотъемлемое условіе всякаго воспитанія. Воспитаніе предполагаетъ общеніе и взаимодѣйствіе по меньшей мѣрѣ двухъ индивидовъ, воспитателя и воспитанника. Такъ какъ общество является основнымъ средствомъ воспитанія, то вполнѣ естественно, что въ исторіи человѣчества вездѣ, гдѣ возможно говоритъ о воспитаніи, эту миссію выполняла минимальная общественная ячейка, семья. Она должна была естественно взять на себя эту роль, потому что всѣ иныя формы сообщества и болѣе сложны, и, повидимому, развились изъ нея: „простѣйшая и потому безспорно древнѣйшая форма семейной организаціи основывается въ силу инстинктивнаго побужденія и вытекаетъ изъ животной природы человѣка“ [1]).

Тамъ, гдѣ выступаетъ воспитатель, онъ является только замѣстителемъ семьи и выступаетъ по ея порученію. Это чрезвычайно важная черта въ семьѣ, какъ органѣ воспитанія. Въ силу естественно устанавливавшагося тѣснаго сожительства и сплоченности интересовъ членовъ семьи, она открыла широкую возможность воздѣйствія на подрастающее поколѣніе. Самое же главное, въ формѣ семейныхъ связей устанавливалась непрерывная живая связь отдѣльныхъ поколѣній и открывалась возможность уберечь человѣка отъ необходимости начинать каждый разъ свой жизненный опытъ заново, что называется ab ovo, и передавать отъ поколѣнія къ поколѣнію все увеличивавшееся богатство жизненнаго опыта и накоплявшихся жизненно необходимыхъ свѣдѣній. Только эта экономія человѣческихъ силъ и могла открыть человѣку возможность оторваться отъ уровня чисто животнаго существованія. Семья являлась до сихъ поръ основной организаціей для передачи жизненнаго опыта, и именно это и открывало ей широкую возможность воспитательнаго воздѣйствія; это давало задачу и матеріалъ, а путь опредѣлялся самъ собой естественной формой семейнаго общенія: это—путь подражанія, воспитанія живымъ примѣромъ,—тотъ путь, который и до сихъ поръ остается основнымъ, поскольку рѣчь идетъ о воспитаніи въ противоположность обученію. Всѣ иныя формы жизни въ

---

[1]) *Липпертъ*, „Исторія культуры“, перев. Струве, стр. 146.

сообществѣ, какъ общество, государство, товарищество, требуютъ уже до извѣстной степени созрѣвшаго индивида, между тѣмъ какъ семья принимаетъ его со всей его первоначальной безпомощностью.

Такимъ образомъ мы уже здѣсь можемъ подчеркнуть, что если семья нуждается въ замѣнѣ или дополненіи, то въ роли такого дополненіи можетъ выступить только факторъ, въ которомъ будетъ содержаться этотъ признакъ коллектива, *сообщества*.

Но только что отмѣченнымъ нами свойствомъ семьи ея сущность, какъ органа воспитанія, не только не исчерпывается, но именно въ этомъ пунктѣ открывается крайняя сложность этого явленія. Раздумывая надъ понятіемъ семьи, мы съ первыхъ же шаговъ убѣждаемся въ томъ, что эту маленькую общественную ячейку необходимо по существу рѣзко отличать отъ другихъ общественныхъ группъ. Не всякая группа лицъ способна составить семью: общество товарищей по ремеслу или по жилищу, напримѣръ, ни въ какомъ отношеніи не можетъ разсматриватся нами какъ семья. Даже не всякое спариваніе или сожительство представителей двухъ половъ создаетъ семью. Это сожительство должно быть дополнено цѣлымъ рядомъ другихъ условій, чтобы получилось то явленіе, которое мы въ строгомъ смыслѣ этого слова можемъ назвать семьей.

Въ числѣ этихъ условій необходимо отмѣтить прежде всего громадное значеніе *жилищнаго* объединенія. Какъ это ни странно на первый взглядъ, но семья, хотя по существу и духовное явленіе, нуждается при нормальныхъ условіяхъ въ существованіи внѣшняго объединенія, какъ картина въ рамѣ. Можно, конечно, мыслить существованіе семьи и при отсутствіи этого условія, но это уже уклоненіе отъ нормальнаго явленія, если рѣчь идетъ о семьѣ въ узкомъ смыслѣ слова, или же расширеніе понятія семьи, когда рѣчь идетъ о группѣ родственныхъ семей. Это внѣшнее объединеніе, можетъ быть, не столь важное соціологически, должно быть отмѣчено здѣсь, гдѣ для насъ на первый планъ выступаютъ педагогически важныя стороны семьи. Однимъ изъ симптомовъ разложенія семьи или переживаемыхъ ею внутреннихъ неладовъ, какъ извѣстно, и является стремленіе членовъ ея къ раздѣльной жизни не только духовно, но и съ внѣшней стороны: такъ расходятся другъ съ другомъ мужъ и жена

и родители съ дѣтьми. При отсутвіи этого внѣшняго объединяющаго начала семья можетъ, конечно, продолжать существовать, но жизнь уже утрачиваетъ свою первоначальную непосредственную цѣльность. Такъ обстоитъ дѣло въ сущности и съ большинствомъ другихъ признаковъ семьи: только уничтоженіе совокупности ихъ уничтожаетъ семью окончательно и только существованіе всѣхъ ихъ открываетъ возможность нормальной цѣльной жизни семьи. То же явленіе наблюдается и въ жизни отдѣльнаго организма: человѣкъ, напримѣръ, можетъ лишиться руки или ноги и все-таки продолжать свою жизнь. Какъ мы увидимъ дальше, цѣлый рядъ ненормальностей въ жизни современной массовой семьи объясняется отчасти отсутствіемъ этого условія, отсутствіемъ возможности жить собственной семьей въ отдѣльномъ достаточномъ помѣщеніи. Важность этого условія становится вполнѣ понятной, если мы вспомнимъ, что семья, какъ семья, только тогда сохраняетъ свой нормальный видъ и возможность *полной* нормальной жизни, когда она представляетъ законченную, въ извѣстной степени, замкнутую и въ своей внутренней жизни самодовлѣющую и цѣльную единицу, а для этого нужны не только духовное сплоченіе, но какъ базисъ, какъ подпочва и соотвѣтствующія матеріальныя условія, въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ—жилище, какъ бы внѣшнее „квартирное“ объединеніе.

Къ этимъ элементамъ приступаетъ условіе, что это объединеніе осуществляется не только съ внѣшней, но и съ внутренней стороны, что это—*тѣлесно-духовное* обединеніе. Прежде всего объединенная такимъ образомъ группа не является случайной по своему составу, а въ основѣ всего лежитъ *органическая* связь всѣхъ членовъ, входящихъ въ ея составъ. Это прежде всего группа лицъ, объединенная рожденіемъ и основаннымъ на немъ кровнымъ родствомъ. Это и есть тотъ факторъ, который создаетъ цѣлую гамму чувствъ, крѣпко связующихъ входящихъ въ нее отдѣльныхъ членовъ семьи. Въ составъ семьи входятъ прежде всего родители. Это обстоятельство является педагогически чрезвычайно важнымъ, потому что оно говоритъ о необходимости для полной, нормальной семьи сожительства отца и матери. Уклоненіе или исчезновеніе одного изъ родителей обозначаетъ уже болѣе или менѣе существенное нарушеніе нормальной жизни

семьи. Какъ извѣстно, даже въ животной семьѣ самецъ далеко не всегда устраняется отъ непосредственныхъ заботъ о своемъ потомствѣ. Эту сторону нормальной жизни семьи необходимо серьезно учесть, особенно въ наше время. Забота о добываніи средствъ къ жизни или особый укладъ жизни приводитъ къ тому, что отецъ не является постояннымъ членомъ семьи и дѣти растутъ внѣ всякаго воздѣйствія съ его стороны, какъ мы это увидимъ дальше. Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что въ наиболѣе состоятельныхъ и интеллигентныхъ семьяхъ и, въ семьяхъ наиболѣе бѣдныхъ мы встрѣчаемся даже съ явленіемъ уклоненія матери отъ воспитанія своихъ дѣтей. Тѣмъ энергичнѣе приходится подчеркнуть здѣсь, какъ важно присутствіе въ семьѣ обоихъ родителей, какъ постоянныхъ элементовъ. Ихъ жизнью въ семьѣ, характеромъ ихъ отношеній опредѣляется въ значительной степени и характеръ жизни семьи и всѣхъ отношеній внутри ея. При томъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ воспитательное воздѣйствіе далеко не одинаково и каждый изъ нихъ, отецъ и мать, вносятъ на ряду съ одинаковыми еще свои совершенно особые незамѣнимые элементы [1]). И съ этой стороны падаетъ свѣтъ на тотъ кризисъ, который переживаетъ современная семья, какъ органъ воспитанія. Этимъ факторомъ, наличностью родителей, опредѣляется не только источникъ возникновенія и роста семьи, но и весь характеръ ея.

Подчеркивая громадное значеніе родителей, какъ необходимаго элемента семьи, и считая въ этомъ смыслѣ необходимой жизнь въ семьѣ не только матери, но и отца, мы тѣмъ не менѣе должны уяснить себѣ, что роль отца и матери въ семьѣ, какъ органѣ воспитанія, безусловно не равноцѣнна. Конечно, и тутъ дѣйствительная жизнь не укладывается въ узкое русло готовыхъ формулъ, и въ индивидуальныхъ фактахъ мы находимъ много отклоненій отъ нихъ, но все-таки матери должно быть отведено въ семьѣ болѣе важное и органически болѣе необходимое мѣсто. Она по существу дѣла, какъ это подтверждаетъ исторія, является настоящей душой семьи. Она создала, повидимому, этотъ институтъ, и она является его настоящей вдохно-

[1]) Коротко это подчеркнуто въ различныхъ мѣстахъ моей книги „Очеркъ педагогической психологіи въ связи съ общей педагогикой", печатается 3 ье изд. Москва. 1918

вительницей, несмотря на все видимое внѣшнее господство мужчины надъ семьей. Женщина-мать есть то солнце, которое согрѣваетъ семью; это она приводитъ въ движеніе глубины человѣческой души, пробуждая въ ней неразрывно связующія чувства родственной любви и кровныхъ связей. Семья безъ отца ненормальна, но ее все-таки можно мыслить какъ жизненное явленіе, такъ или иначе способное пробить себѣ дорогу; семья безъ матери мыслима только какъ очень рѣдкое исключеніе; она является въ этомъ случаѣ даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ тяжкимъ соціальнымъ калѣкой. Жизнь ея налаживается на сносный ладъ, только если кому-нибудь изъ членовъ семьи (старшей дочери) удается взять на себя и удачно выполнить роль матери, т.-е. заполнить этотъ важный пробѣлъ. Это несравненно большая органическая связь женщины-матери съ семьей лучше всего подтверждается тою связью, которая уже чисто физіологически устанавливается между матерью и ребенкомъ. Отецъ долгое время не чувствуетъ и не знаетъ этой связи, онъ остается въ полномъ невѣдѣніи, когда мать уже живетъ единой жизнью съ ребенкомъ; эта связь для него устанавливается только черезъ мать, какой-бы крѣпкой ни оказалась въ дальнѣйшемъ эта связь между отцомъ и дѣтьми. Отецъ можетъ и не подозрѣвать о томъ, что у него есть ребенокъ; вѣдь тысячи такъ называемыхъ незаконнорожденныхъ дѣтей рождаются такъ, что отцы ихъ не имѣютъ объ этомъ ни малѣйшаго представленія; у матери это абсолютно невозможно: она вынашиваетъ ребенка и девять мѣсяцевъ неизмѣнно живетъ съ нимъ единой жизнью. Извѣстный врачъ Дригальскій подчеркиваетъ [1]), что „дѣтскій организмъ развивается сначала съ удивительной закономѣрностью, въ величайшей зависимости отъ материнскаго".

Этой живой неразрывной связью женщины съ семьей и объясняется то, что судьбы семьи и въ прошломъ, и въ настоящемъ человѣчества такъ тѣсно переплетаются съ судьбой женщины [2]).

---

[1]) *Drigalsky*, „Das Entwicklungsalter und seine Gefahren", Zeitschrift für pädagogische Psychologie, 1914 г., 17.

[2]) На мать, какъ на „средоточіе" семьи, указываетъ и извѣстный историкъ культуры *Липпертъ*, „Исторія культуры", стр. 146. Руссо былъ такъ глубоко убѣжденъ въ рѣшающемъ значеніи матери, что тутъ видитъ главный факторъ какъ нравственной и иной гибели человѣчества, такъ и его возрожденія.

На этой почвѣ создается даже склонность слишкомъ переоцѣнивать эту связь и роль матери. Такъ одна докладчица на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ по семейному воспитанію, Сулима, восклицаетъ: „Каковы матери,—таковы дѣти, каковы дѣти—таковъ и народъ“ [1]). „Въ понятіи „мать“ заключаются великія возможности осуществленія лучшей семьи и формированія человѣка въ высшемъ значеніи этого слова... Если родъ человѣческій до сихъ поръ еще не погибъ окончательно въ потокѣ золъ и бѣдствій, непрестанно изливающихся на него, то причиной этому могущественная сила, имѣющая источникомъ мать“ [2]) и т. д.

Какъ ни ошибочно это, напоенное искреннимъ пафосомъ восклицаніе въ его цѣломъ, оно все-таки оправдывается до нѣкоторой степени крѣпостью связей между матерями и дѣтьми и заключаетъ въ себѣ довольно большую долю правды. Въ этомъ насъ убѣждаетъ раздумье надъ тѣми причинами, которыя внесли въ жизнь современной семьи внутренній разладъ и неурядицы.

Уже этимъ самымъ намѣчается ясно слѣдующая черта полной законченной семьи: въ нормальную, безболѣзненно развившуюся семью входятъ, кромѣ мужа и жены, еще и дѣти, т.-е. въ семьѣ *три* участвующихъ стороны. Этому нисколько не противорѣчитъ то, что жизнь въ прошломъ и настоящемъ знакомитъ насъ съ семьей, значительно усложненной многобрачіемъ, многоженствомъ и многомужествомъ. На самомъ дѣлѣ и въ такой семьѣ представлены *три* стороны или три группы интересовъ, поскольку рѣчь идетъ о семьѣ: мужъ, жены и дѣти, или жена, дѣти и мужья. Число женъ или мужей мы въ данномъ случаѣ въ правѣ оставить въ сторонѣ такъ же, какъ число дѣтей не мѣшаетъ намъ устанавливать въ нормальной, неразбившейся семьѣ *три* элемента. Для пониманія жизни семьи и совершающагося въ ней въ наше время кризиса важно не потерять изъ вида эту мысль. Можно пойти дальше и сказать, что любовный, даже самый прочный, устойчивый союзъ представителей двухъ половъ только тогда обращается въ семью, когда въ ихъ взаимоотношенія и взаимно питаемыя чувства вплетается, какъ основная связь, отношеніе родителей къ дѣтямъ, которымъ они дали жизнь. Дѣти такимъ

---

[1]) Труды, I, стр. 153.
[2]) Труды, I, стр. 144.

образомъ служатъ самымъ крѣпкимъ цементомъ въ семейной жизни. Желаніе и возможность имѣть дѣтей является основнымъ условіемъ возникновенія прочной жизнеспособной семьи. Этимъ объясняется и центральное положеніе женщины въ семьѣ, такъ какъ она болѣе прочно и близко связана съ дѣтьми. Утвержденіе, что отношеніе родителей къ дѣтямъ является однимъ изъ основныхъ моментовъ семьи, подкрѣпляется и тѣмъ, что мы узнаемъ изъ исторіи культуры. Такъ, мы читаемъ у Липперта [1]): „Не отношеніе между мужемъ и женой, которому отъ природы не присуще постоянство, есть зародышъ семьи: его слѣдуетъ искать въ отношеніи между матерью и ребенкомъ,—отношеніи, которому сама природа дала извѣстную степень устойчивости, вначалѣ совершенно отсутствующей въ супружескихъ отношеніяхъ". Разсматривая судьбы семьи, необходимо спросить себя не только о томъ, сохранились ли въ ней тѣ же возможности прочныхъ отношеній между мужемъ и женой, но не менѣе важно уяснить, сохранились ли во всей ихъ полнотѣ условія нормальной связи и взаимодѣйствія между родителями и дѣтьми, въ особенности между матерью и ребенкомъ. Надо не забывать, что на этомъ отношеніи родителей и дѣтей зиждется, какъ на своемъ основномъ устоѣ, великая культурная миссія семьи: на этомъ основывается возможность передачи накопленнаго опыта и человѣческихъ завоеваній отъ поколѣнія къ поколѣнію; въ особенности такъ было въ прежнія времена.

Въ сущности бездѣтное сожительство, даже при условіи устойчивыхъ и прочныхъ отношеній между мужемъ и женой, получаетъ характеръ семьи только въ томъ случаѣ, если оно носитъ не только устойчивый половой характеръ, но и является маленькимъ духовно-трудовымъ сообществомъ, обезпечивающимъ не только взаимную поддержку, но и возможность прокормленія и воспитанія дѣтей. Семьи, оставшіяся вольно или невольно бездѣтными, все-таки въ идеѣ, въ принципѣ содержатъ эту возможность. Одни любовныя отношенія по существу не способны дать гарантіи устойчивости семьи, потому что они вообще стоятъ внѣ всякихъ обязательствъ: любовь не подчиняется правиламъ и требованіямъ. Жизнь вездѣ подтверждаетъ, что без-

---

[1]) „Исторія культуры", 146.

дѣтная семья оказывается наименѣе прочной и жизнеспособной. Такое явленіе наблюдается во всей исторіи человѣчества. „Что касается," говоритъ Мюллеръ-Ліэръ [1]) „положенія дѣтей при шаткихъ брачныхъ нравахъ, то необходимо подчеркнуть слѣдующее: *почти повсюду дѣти являются причиной, затрудняющей расторженіе брака*, хотя далеко не въ такой мѣрѣ, какъ у цивилизованныхъ народовъ". Договорная, обязательственная сторона брака, внѣ всякаго сомнѣнія, возникла и имѣетъ смыслъ именно какъ защита интересовъ дѣтей этого третьяго элемента семьи.

Этотъ элементъ особенно важенъ какъ усиленіе того *духовнаго* единства, которое должно существовать во всякой нормальной семьѣ. Только супружескія отношенія, усложненныя отношеніемъ къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ и другъ къ другу, создаютъ настоящую семейную духовную атмосферу, сотканную изъ разнообразныхъ родственныхъ чувствъ, сознанія общей значительной связанности отдѣльныхъ членовъ въ ихъ положеніи взаимной зависимости, а также изъ сознанія связи своей судьбы съ судьбами отдѣльныхъ членовъ семьи въ экономическомъ отношеніи. Семья нуждается не только въ жилищномъ, не только въ инстинктивномъ, родственномъ объединеніи, но она прежде всего явленіе духовнаго порядка. Она живетъ внутри себя болѣе или менѣе объединенной, особой, цѣльной, духовной атмосферой. Въ этомъ смыслѣ нормальная семья есть законченная цѣлая духовная единица; даже когда она находится на низкомъ уровнѣ развитія и всѣ ея интересы направлены на матеріальные, земные интересы, все-таки взаимоотношенія родителей и дѣтей взводятъ семью, хотя бы только въ самой элементарной формѣ, на ступень духовнаго явленія.

Эта сторона семьи, какъ духовнаго явленія, выступаетъ особенно ярко въ дальнѣйшемъ необходимомъ элементѣ нормальной семьи: семья не только духовное единство, но она непремѣнно должна быть духовно-*нравственнымъ* сообществомъ. Этотъ свой характеръ семья обнаруживаетъ даже тогда, когда жизнь ея въ цѣломъ направлена на голую борьбу за существованіе, потому что внутри ея даже при пониженномъ уровнѣ семьи

[1]) „Формы брака, семьи и родства", стр. 61.

господствуетъ забота о другихъ сочленахъ семьи: мужъ-отецъ думаетъ и заботится не только о пропитаніи самого себя, но также и о жизни своей жены и дѣтей; мать-женщина живетъ заботой о мужѣ и дѣтяхъ; дѣти, хоть отчасти, пріучаются на примѣрѣ родителей къ мысли и сознанію, что въ жизни нужно не всѣ усилія затрачивать на себя, но много давать и другимъ людямъ, въ особенности близкимъ. Чувство любви къ матери и отцу и благодарности за заботу и защиту способно стать плодотворнымъ питомникомъ цѣлой гаммы альтруистическихъ чувствъ. Вся эта сторона жизни зиждется на прочномъ фундаментѣ кровнаго родства и поддерживается такимъ могучимъ факторомъ, какъ родительскій инстинктъ. У человѣка этотъ факторъ становится тѣмъ болѣе значительнымъ, что онъ переносится въ плоскость яснаго одухотвореннаго претворенія въ нашемъ сознаніи, — это то, чего нѣтъ у животныхъ. Нельзя, конечно, отрицать, что семья, какъ единица, конкурирующая съ другими такими же единицами, вынуждена проявлять въ своей жизни значительную долю эгоизма; но эта сторона выявляется только вовнѣ, а центръ вниманія дѣтей и педагогики переносится во внутрь ея, такъ какъ внутренняя жизнь семьи и есть то, что дано непосредственно, конкретно и что является чрезвычайно поучительнымъ.

И вотъ, въ этой внутренней своей жизни семья при нормальныхъ условіяхъ несетъ въ себѣ очень важный *альтруистическій* моментъ. На глазахъ дѣтей протекаетъ жизнь родителей, къ которымъ каждый день жизни семьи предъявляетъ большія альтруистическія требованія, требованія извѣстнаго самопожертвованія, требованія отдать свои силы другимъ существамъ, своимъ дѣтямъ; отчасти тѣ же требованія, хотя и въ нѣсколько пониженномъ видѣ, предъявляются и къ дѣтямъ. Этотъ нравственный элементъ очень важенъ для нормальной жизни семьи, и замѣна непосредственныхъ дѣятелей, отца и матери, наемными замѣстителями, боннами, нянями, гувернерами и т. д., способна внести большое разрушеніе въ семью. Эгоизмъ,—это какъ бы туберкулезъ семьи, потому что нормально она должна быть внутри себя альтруистической организаціей. Основываясь на авторитарномъ принципѣ, семья предъявляетъ къ своимъ членамъ требованіе необходимаго подчиненія, послушанія, солидарности и из-

вѣстныхъ соціальныхъ привычекъ и воспитываетъ не только авторитетомъ, но и любовью и взаимнымъ довѣріемъ [1]). Насколько всѣ эти элементы необходимы для жизни семьи, такъ какъ они входятъ въ ея сущность, это видно изъ того, что даже тогда, когда семья, какъ цѣлое, въ своей внѣшней дѣятельности вступаетъ на путь преступленія, она обыкновенно внутри себя стремится сохранить и часто сохраняетъ альтруистическія отношенія; во всякомъ случаѣ въ такой семьѣ члены ея продолжаютъ жить съ сознаніемъ своего права предъявлять другъ къ другу такія требованія.

Только развивающаяся на этой почвѣ сложная группа чувствъ и лежащая въ основѣ семьи духовно-нравственная связь придаютъ ей ту устойчивость и постоянство, безъ которыхъ семья не семья. Половая связь въ чистомъ видѣ сама по себѣ ничѣмъ не гарантируетъ этихъ свойствъ; можетъ быть, будетъ болѣе правильно утверждать, что половыя влеченія, предоставленныя самимъ себѣ, скорѣе могутъ увести въ обратную сторону, именно въ сторону непостоянства и даже быстрыхъ смѣнъ. Это въ особенности важно сознать, поскольку рѣчь идетъ о семьѣ, какъ *органѣ воспитанія;* только тотъ бракъ способенъ привести къ образованію нормальной семьи и сдѣлать ее способной выполнить роль органа воспитанія, который устойчивъ и постояненъ, т. е., который является *длительнымъ* союзомъ мужчины и женщины. По существу „бракъ на моментъ", „на время" внутренно противорѣчивъ и не есть бракъ въ строгомъ смыслѣ этого понятія, потому что онъ ставитъ семью на слишкомъ шаткую почву. Такимъ образомъ, кто настаиваетъ на семьѣ, какъ на необходимомъ органѣ воспитанія, тотъ долженъ настаивать на прочномъ характерѣ семьи и, конечно, долженъ требовать соотвѣтствующаго воспитанія подростающихъ поколѣній. Это та сторона, въ которой жизненно заинтересованы дѣти, третій элементъ семьи; такъ какъ они входятъ въ семью только какъ возможность, еще не существуя, или же вообще не въ состоя-

---

1). *Галкинъ* въ докладѣ „Теоретическія основы воспитанія" („Труды 1-го съѣзда по семейному воспитанію, т. II, стр. 633) удачно подчеркиваетъ въ нормальной семьѣ три „закона", правильнѣе принципа: принципъ нравственнаго авторитета, принципъ экономической зависимости и принципъ духовной связи или любви.

ніи отстаивать своихъ правъ и интересовъ, то болѣе объемлющая соціально-правовая организація, какъ общество или государство, вынуждена брать на себя представительство ихъ интересовъ и, охраняя въ лучшихъ условіяхъ свободу личности и полнсе право ея на самоопредѣленіе въ интимной жизни, оно—именно во имя идеи (подрастающей) личности—должно сремиться исключить произволъ лицъ, вступающихъ въ бракъ, извѣстнымъ договоромъ и обязательствами въ какой-нибудь формѣ, церковной или гражданской. Свободный бракъ или свободная семья въ сущности ни то, ни другое, потому что онъ исключаетъ всякую прочную связь. Сторонники такихъ союзовъ должны исключить семью абсолютно, какъ органъ воспитанія, и подумать о ея по меньшей мѣрѣ равноцѣнной или даже полной замѣнѣ.

Требованіямъ внутренней сплоченности и устойчивости соотвѣтствуетъ требованіе внѣшней устойчивости, извѣстной осѣдлости. Если даже мы можемъ признать условіе осѣдлости необязательнымъ, какъ это показываетъ намъ жизнь кочевыхъ племенъ, то все-таки это возможно только на сравнительно примитивной ступени жизни человѣка, а главное условіе осѣдлости пріобрѣтаетъ все большее значеніе въ культурныхъ условіяхъ и съ точки зрѣнія педагогики. Семья должна предполагать, какъ фундаментъ для воспитанія дѣтей, извѣстное постоянство жизненныхъ условій. Насколько необходимо это условіе для нормальной жизни семьи, это видно, какъ мы убѣдимся дальше, изъ разрушительнаго вліянія вѣчныхъ передвиженій на современную рабочую семью.

По отношенію къ современнымъ культурнымъ условіямъ, намъ въ особенности необходимо отмѣтить элементъ, который уже намѣчался указаніемъ всѣхъ предыдущихъ элементовъ семьи: это трудовой и *производительно-трудовой* характеръ семьи. Только при наличности этого элемента ее можно въ строгомъ смыслѣ разсматривать какъ духовно-нравственное сообщество: только атмосфера дѣятельности и труда даетъ возможность развернуться нравственнымъ мотивамъ, взаимоотношеніямъ и альтруизму. Какъ органъ воспитанія, семья, сохраняющая характеръ естественного трудового сообщества, сама собой становится хорошей естественной подготовительной школой для формированаія характера. Этотъ элементъ ея настолько положительно

силенъ, что способенъ взять верхъ даже надъ очень крупными недочетами семейной жизни. Семья, какъ только потребительская единица, утрачиваетъ не одинъ, а нѣсколько важныхъ воспитательныхъ факторовъ. Потребленіе, какъ потребленіе, можетъ явиться при извѣстныхъ условіяхъ даже развращающимъ факторомъ. Только потребленіе, сопровождающееся созиданіемъ, производствомъ, воспитываетъ здоровымъ образомъ, потому что трудъ-созиданіе освящаетъ наше право на потребленіе и дѣлаетъ его человѣчески достойнымъ явленіемъ. Въ этомъ смыслѣ семья, какъ маленькій трудовой союзъ, гдѣ дѣти изо дня въ день созерцаютъ производительный трудъ взрослыхъ членовъ семьи и отчасти могутъ и сами, по мѣрѣ силъ, участвовать въ этомъ производственномъ процессѣ, а не только потреблять, сыграла въ исторіи и воспитаніи человѣчества чрезвычайно крупную роль.

Наконецъ все эти элементы завершаются иногда существующей только въ принципѣ—*родительской властью*, въ нашу эпоху прежде всего отцовской, — которая возглавляетъ всю эту организацію и скрѣпляетъ ее своимъ авторитетомъ и чувствомъ отвѣтственности передъ собой. Намъ остается только добавить, что отсюда проливается нѣкоторый свѣтъ на современное положеніе семьи и ея перспективы въ будущемъ, поскольку ихъ вообще можно учесть.

Такимъ образомъ, разсматривая понятіе семьи, какъ органа воспитанія, въ цѣляхъ выясненія элементовъ, дѣлающихъ ее способной выполнить эту роль, мы пришли къ слѣдующему выводу: *полная семья, какъ органъ воспитанія, это—духовно-нравственный, внутри себя альтруистическій, производительно-трудовой союзъ (сообщество), состоящій изъ родителей и дѣтей, и основанный на родительской власти и отвѣтственности, обладающій устойчивымъ, постояннымъ характеромъ и связанный въ единство не только жилищемъ и экономической зависимостью, но и группою чувствъ, основанныхъ на кровномъ родствѣ.* Въ дѣйствительности, конечно, нѣкоторыя условія могутъ быть и не выполнены, напримѣръ, отсутствіе дѣтей, но это уже неполная семья.

Горячіе апологеты семьи, какъ призваннаго органа воспитанія, опираются въ своей защитѣ ея именно на всю полноту ея элементовъ, которая и придаетъ ей огромную привлекательную

силу. Эта полнота, очевидно, и помирила древнихъ христіанъ съ семьей и заставила видѣть въ ней уже не „запутанность въ грѣховномъ мірѣ“, а большое положительное явленіе, способное помочь совершенствованію міра. Постепенно это примиреніе перешло уже въ положительное утвержденіе, какъ, напримѣръ, у Климента Александрійскаго, который говоритъ: самое прекрасное это—домовитая жена, окутывающая своей собственной привлекательностью самую себя и своего мужа, такъ что всѣ радуются: дѣти—матери, мужъ—женѣ, она—имъ, а всѣ вмѣстѣ—Богу“.

И вотъ подымается вопросъ, какова эта семья въ нашей дѣйствительности? Сохранила ли она свою полноту и цѣнность и свои наиболѣе существенные элементы? И гдѣ причины ея паденія? Отсюда мы, естественно, перейдемъ къ вопросу о дальнѣйшей судьбѣ ея.

IV.

Современный кризисъ семьи, какъ органа воспитанія.

Какъ бы ни была дорога намъ семья и какъ органъ воспитанія, и какъ общая форма жизни личности, теперь уже никто не можетъ отрицать, что мы переживаемъ тяжелую полосу въ развитіи семьи, приблизившемъ насъ къ опасности почти полнаго ея разрушенія. Факты носятъ здѣсь настолько яркій и не оставляющій сомнѣнія характеръ, что мы можемъ ограничиться въ констатированіи ихъ нѣсколькими словами, чтобы затѣмъ обратиться прямо къ изслѣдованію *причинъ* этого кризиса. Рѣзко проявилась эта картина разрушенія въ городахъ, особенно большихъ. Достаточно вспомнить о колоссально разросшейся арміи дѣтей-преступниковъ, дѣтей-проституткъ, бездомовыхъ, безпріютныхъ дѣтей, дѣтей-бродягъ т. д.—объ арміи, которая растетъ и увеличивается съ ужасающей быстротой, обогащаемая жертвами войны и широкой общественной разрухи,—и мы поймемъ всю тяжесть переживаемаго общественнаго кризиса, прежде всего, конечно, тяжко отражающагося на положеніи семьи. Распадъ семьи является одной изъ важныхъ причинъ дѣтской преступности. Гибнетъ семья, въ нашихъ условіяхъ нерѣдко гибнутъ за

ней и дѣти[1]). Не менѣе яркія указанія даютъ различныя анкеты среди широкихъ круговъ учащейся молодежи. Какъ указываетъ д-ръ Г. И. Гордонъ[2]), по московской анкетѣ 1903—4 гг. 29% опрошенныхъ студентовъ отвѣтили, что они не имѣютъ никакой духовной связи съ семьей и что отсутствіе ея и дефекты семейнаго воспитанія во многихъ случаяхъ явились причиной разврата молодыхъ людей. По общестуденческой анкетѣ 1912 г., проведенной въ Петроградѣ, эта цифра возросла даже до 50%. Такихъ примѣровъ можно привести безчисленное множество; вся наша литература переполнена описаніемъ неисчислимыхъ и самыхъ разнообразныхъ надломовъ семьи и гибели личности на почвѣ всякаго рода современныхъ неурядицъ семьи. Это то, что каждый внимательный, вдумчивый человѣкъ, какъ ни горько это констатировать, можетъ наблюдать часто въ повседневной широкой дѣйствительности. Фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію, обратимся къ его причинамъ.

Такъ какъ насъ интересуютъ не узкіе интеллигентскіе или обезпеченные круги, а семейная жизнь въ широкихъ массахъ народа, то естественно прежде всего указать на экономическія причины. Капиталистическое промышленное развитіе внесло въ сферу семейной жизни едва ли не самыя ужасающія опустошенія и разрушенія. Создавая колоссальныя экономическія противоположности, несмѣтныя богатства и неслыханную нищету, атмосферу ожесточенной лихорадочной борьбы за существованіе, оно вывело человѣка на колею крайней экономической зависимости и неустойчивости. Теперь въ сущности на нашихъ глазахъ осуществляются пророческія слова аѳинскаго мудреца Платона, опасавшагося, что на человѣчество нагрянетъ разрушительная бѣда съ двухъ сторонъ: со стороны излишняго богатства и чрезмѣрной бѣдности; они будутъ губить людей, одна—излишествомъ, другая—голодомъ, изморомъ. Крайне ожесточенная безостановочная экономическая борьба значительно повысила потребность въ наслажденіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшились значительно шансы на возможность удовлетворенія большой массы людей. Потребность почувствовать интенсивно самого себя приводитъ

[1]) *Закз.* „Типы дѣтской безпризорности", Вѣстн. Воспит. 1914, VIII.

[2]) Труды 1-го всероссійскаго съѣзда по семейному воспитанію, т. I, стр. 123/4.

къ все большей неудовлетворенности и гонитъ индивида на путь эгоизма и крайняго индивидуализма. Все это должно неминуемо тяжко отразиться на всемъ укладѣ жизни семьи, на всѣхъ отношеніяхъ, господствующихъ или предполагающихся внутри ея. Капиталистическое развитіе разрушало и разрушаетъ одинъ важный устой семьи за другимъ и какъ будто устраняетъ почти всякую возможность помочь этой бѣдѣ въ данныхъ условіяхъ.

Мы уже упомянули, что яркимъ характернымъ показателемъ разрушенія семьи, этой основной ячейки общественной жизни, служатъ дѣтская безпризорность, преступность и проституція, нарастающія въ ужасающихъ размѣрахъ среди роскоши культуры, въ особенности въ современныхъ Вавилонахъ, въ большихъ городахъ. Все это элементы, такъ или иначе оторванные или отбившіеся отъ семьи тогда, когда они еще абсолютно не могутъ обойтись безъ нея; но семья эта раздавлена нищетой, непосильной работой; фабрики и заводы отняли у дѣтей и родителей принадлежащее дѣтямъ время. Но не только нищета вершитъ свое разрушительное дѣло. Въ частности, въ возникновеніи дѣтскихъ пороковъ, какъ и у взрослыхъ, огромное значеніе имѣетъ не только прямая нужда, но и соблазны современной капиталистической культуры: дѣти и взрослые видятъ театры, кинематографы, сласти, блескъ, мишуру и т. д. и все это кричитъ и зоветъ ихъ на всѣхъ перекресткахъ; и вотъ тамъ, гдѣ семья не въ силахъ противопоставить этимъ соблазнамъ свою воспитательную нравственную силу или гдѣ ея вовсе нѣтъ, тамъ жажда наслажденій и удовольствій, пробуждаемая всей жизнью города, какъ сильнымъ возбуждающимъ средствомъ, вступаетъ въ тѣсный союзъ съ нищетой и гонитъ неуравновѣшенныхъ людей и еще не созрѣвшихъ дѣтей на преступные пути, такъ какъ иными путями масса часто не можетъ добиться возможности удовлетворенія. Не даромъ главными поставщиками дѣтей-преступниковъ являются города. Нищета есть и въ деревнѣ, но тамъ нѣтъ второго дѣтища промышленно-капиталистическаго вѣка и... тамъ почти нѣтъ мѣста дѣтямъ-преступникамъ. Въ городѣ все слишкомъ кричитъ о соціальномъ и хозяйственномъ неравенствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ сознаніи массъ укрѣпляется убѣжденіе, что они такіе же люди, съ такими же естественными правами и въ правѣ предъявлять тѣ же повышенныя требованія къ соблазни-

тельнымъ благамъ жизни. Итоги мы наблюдаемъ теперь. Достаточно существованія явленія дѣтей-преступниковъ, чтобы понять, какъ тяжко боленъ весь общественный укладъ нашей жизни.

Все это совершалось при очень интенсивномъ участіи того фактора, который мы называемъ алкоголизмомъ. На этой почвѣ шло также чрезвычайно быстрое разрушеніе семьи, потому что во власть алкоголя, сѣявшаго раздоръ между родителями и между родителями и дѣтьми, вслѣдъ за родителями нерѣдко попадали и дѣти. Компетентные изслѣдователи вездѣ указываютъ на тѣсную связь гибели семьи съ развитіемъ алкоголизма. Такъ, Канель „Алкоголизмъ и борьба съ нимъ“ стр. 224, говоритъ: „Въ Англіи пьянство является причиной развода въ 30% всѣхъ случаевъ разрыва между супругами, въ Даніи—въ 25%, въ Швейцаріи—въ 33%, въ Россіи—въ 40%...“ Далѣе идетъ очень поучительное указаніе на интересный опытъ Швейцаріи, который показалъ, что гдѣ питейныхъ заведеній больше, тамъ и разводовъ больше. Конечно, и здѣсь какъ къ первопричинѣ приходится обращаться въ большинствѣ случаевъ къ тягостнымъ матеріальнымъ условіямъ.

Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что стремленіе къ заключенію браковъ въ массѣ перемѣстилось по возрасту вступающихъ въ бракъ, но оно едва ли особенно уменьшилось въ общей массѣ, и тѣмъ не менѣе именно въ массѣ семья часто оказывается изъ-за экономическихъ условій (хотя и не изъ-за однихъ ихъ) разрушенной въ большей степени, чѣмъ въ состоятельныхъ семьяхъ. Въ массѣ положеніе часто принимаетъ совершенно безнадежный характеръ, такъ какъ тамъ господствуетъ уже совершенно оголенный факторъ борьбы за существованіе, подчиняющій себѣ всю жизнь семьи. Именно тутъ семья, выведенная на арену ожесточенной борьбы, все больше и больше утрачиваетъ характеръ нравственнаго союза, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней съ необычайной легкостью въ пролетарскихъ условіяхъ порывается между родителями и дѣтьми одна связь за другой. Семья, въ которой нерѣдко отецъ и мать съ утра и до вечера работаютъ вдали отъ дѣтей и приходятъ домой — если они вообще приходятъ — въ измученномъ состояніи, нуждаясь въ отдыхѣ и покоѣ, такая семья при скудныхъ средствахъ, конечно не можетъ создать настоящей поры золотого дѣтства. На мѣ-

стѣ уюта, тепла, родительской ласки поселяются пустыня, холодъ, заброшенность и грубый случай, и все это часто заливается горемъ, создаваемымъ алкоголизмомъ измученныхъ и озвѣрѣвшихъ родителей. Нельзя не признать большой справедливости въ словахъ Рюле, утверждающаго, что „рай пролетарскихъ дѣтей представляетъ собой пустынный, лишенный солнца садъ, растоптанный и разрушенный вандализмомъ развивающагося капиталистическаго строя".

Въ нашъ промышленный вѣкъ человѣкъ оказывается на крайне двойственномъ пути. Съ одной стороны, онъ вступилъ на путь широкаго демократизма, передъ нимъ открывается возможность, если онъ силенъ, ловокъ и удачливъ, пройти по всей восходящей лѣстницѣ жизненныхъ кальтурныхъ благъ и положеній въ нашей общественной жизни. Размахъ жизни даже самого простого человѣка въ принципѣ признается чрезвычайно большимъ; сословіе, рожденіе все больше отодвигается на второй планъ, и личности предоставляется какъ будто право и свобода пробивать себѣ дорогу по своему личному усмотрѣнію. Въ результатѣ человѣкъ, родившійся въ какомъ-нибудь медвѣжьемъ углу и въ глубокихъ низахъ народной массы, можетъ вознестись на большую высоту современнаго общественнаго или капиталистическаго положенія.

Но рядомъ съ этой „свободой", открываемой индивидуалистическимъ хозяйственнымъ строемъ, обнаруживается другая сторона жизни. Вы можете чувствовать себя абсолютно потерянным въ милліонномъ городѣ и не быть знакомымъ съ семьями, съ которыми вы живете въ одномъ домѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ насъ находится въ колоссальной зависимости отъ людей, странъ и порядковъ, о существованіи которыхъ мы и не подозрѣваемъ; на почвѣ промышленно-капиталистическаго развитія и отдаленныя части міра оказываются тѣсно связанными въ ихъ жизни — прежде всего, экономически — другъ съ другомъ. Стачки, кризисы, крахи, неурожаи, политическія осложненія, — все это даетъ волны крупнаго масштаба, настолько крупнаго, что эти волны немедленно катятся широко во всѣ стороны, доходя до Азіи, Европы и т. д. Экономическая зависимость людей другъ отъ друга развилась въ ужасающихъ размѣрахъ. Стоитъ фабрикѣ, заводу остановиться, и въ итогѣ этого вольнаго или

невольнаго акта одного заводчика или фабриканта тысячи семействъ оказываются выброшенными на улицу. Въ этихъ условіяхъ нерѣдко ударъ по врагу (напримѣръ, во время войны) становится крайне болѣзненнымъ ударомъ по самимъ себѣ. Современная ужасающая война дала и даетъ намъ яркій образчикъ тѣсной связи между народами; только сознаніе тѣсной всеобщей взаимозависимости могло навести на мысль побороть противника тѣмъ, что его изолируютъ отъ другихъ странъ; и средство это стало въ наше время страшнымъ оружіемъ, котораго одинаково боятся всѣ народы.

Семья во многихъ и многихъ случаяхъ перестала быть самодовлѣющей единицей, способной пробиться въ жизни собственными силами. То же, какъ извѣстно, отмѣчается и относительно цѣлыхъ странъ. Онѣ вынуждены прибѣгать къ продуктамъ, создаваемымъ другими. Даже крестьянинъ пользуется массой покупныхъ продуктовъ не только въ одеждѣ; но и въ пищѣ, а о городской массѣ и массѣ промышленныхъ районовъ и говорить нечего. Все это создаетъ крайнюю обостренность въ экономическомъ отношеніи. И вотъ однимъ изъ естественныхъ результатовъ въ этомъ положеніи является нарушеніе мирной атмосферы семейной жизни. На плечи родителей ложатся тяжкія заботы о пропитаніи семьи и воспитаніи дѣтей, которыхъ теперь уже нельзя просто, безъ всякой сознательной подготовки выпустить въ жизнь. Заботы эти оказываются настолько велики и тяжелы, что онѣ грозятъ перетянуть ту чашку вѣсовъ, на которой лежатъ блага, ожидаемыя отъ жизни въ семьѣ. Ожесточенная, голая борьба за существованіе такимъ образомъ является первымъ, и, можетъ быть, наиболѣе грознымъ разрушителемъ семейнаго довольства и счастія, а главное, — согласія между супругами. Все это ложится неописуемой отрицательной тяжестью на дѣтей. Такая семья утратила уже самый существенный элементъ, дѣлавшій ее способной быть органомъ воспитанія.

Эта борьба за существованіе настолько тяжело отзывается на судьбѣ дѣтей, что она приводитъ или прямо къ нежеланію имѣть дѣтей, даже жертвуя своимъ здоровьемъ, расточаемымъ на всякаго рода предохранительныя мѣры, или же, по меньшей мѣрѣ, выливается въ стремленіе по возможности ограничить количество дѣтей. Если прежде семьянинъ, жившій на просторѣ

патріархальнаго уклада жизни, гдѣ у него былъ свой домъ, своя земля, гдѣ онъ все, въ чемъ онъ нуждался, производилъ самъ, радовался появленію дѣтей, какъ будущихъ сотрудниковъ, какъ благословенію Божію, то теперь картина рѣзко измѣнилась. Живя въ тяжкихъ матеріальныхъ условіяхъ, люди часто вынуждены смотрѣть на появляющихся дѣтей какъ на „лишніе рты"; конкуренція уже начинаетъ врываться тогда *внутрь* семьи и нарушать ея цѣлостность и единство. Въ то время, какъ мы съ точки зрѣнія педагогики, разсматривая семью, какъ органъ воспитанія, утверждаемъ, что одного ребенка мало, что семья съ однимъ ребенкомъ ненормальная, неполная семья, жизнь идетъ противъ насъ и создаетъ стремленіе ограничить количество дѣтей нерѣдко однимъ ребенкомъ. Эти условія часто приводятъ мать къ нечеловѣческому выводу: „Слава Богу! Господь ребеночка прибралъ къ себѣ". Намъ вспоминаются горькія, но во многомъ правдивыя слова Авг. Бебеля [1]), что забота въ современной массовой семьѣ увеличивается тѣмъ болѣе, чѣмъ плодовитѣе оказывается супружеское общеніе, т.-е. *чѣмъ больше оно выполняетъ свое назначеніе*. Крестьянинъ, напримѣръ, радуется каждому теленку, принесенному ему коровой, онъ съ удовольствіемъ считаетъ поросятъ, рожденныхъ ему свиньей... но онъ смотритъ угрюмо, если его жена къ числу его дѣтей, которыхъ онъ считаетъ возможнымъ вырастить безъ особенныхъ заботъ, даритъ ему новое прибавленіе, и еще мрачнѣе смотритъ онъ, если новорожденный имѣетъ несчастіе быть *дѣвочкой*". Экономическія условія вторглись въ семью и открыли уже *внутри* нея просторъ губительной конкуренціи. Какъ должно житься дѣтямъ въ этой атмосферѣ, это понятно само собой. И это уклоненіе отъ дѣтей есть общее явленіе какъ на низахъ, такъ и на верхахъ народа: на низахъ боятся разоренія и нищеты, на верхахъ опасаются, что забота о дѣтяхъ поглотитъ личную жизнь. И тамъ и тутъ крѣпнетъ желаніе или не имѣть дѣтей вовсе или ограничить ихъ. Это направленіе „противъ дѣтей" незамѣтно широко захватываетъ женскіе круги, что особенно печально, даже помимо того, что на этомъ пути идетъ разрушеніе здоровья женщины.

Уничтоженіе необходимыхъ условій нормальнаго воспита-

---

[1]) «Женщина и соціализмъ», переводъ В. А. Поссе, стр. 147.

тельнаго функціонированія семьи сказалось въ частности въ уничтоженіи внѣшней возможности извѣстнаго постоянства, именно осѣдлости. Въ промышленныхъ странахъ и районахъ, а теперь отчасти даже и въ земледѣльческихъ малоземельныхъ мѣстностяхъ рабочія массы вынуждены передвигаться соотвѣтственно найму и спросу съ мѣста на мѣсто. „Происходящее изъ того же источника колоссальное увеличеніе способовъ передвиженія и поводовъ къ нему вноситъ съ собой невѣроятное безпокойство во всю жизнь такихъ центровъ, и все это вмѣстѣ со многимъ другимъ, стоящимъ съ нимъ въ связи, чего мы не станемъ перечислять въ отдѣльности, и не можетъ вліять иначе какъ разлагающимъ образомъ на такой нѣжный, основывающійся на опредѣленномъ постоянствѣ жизненныхъ условій организмъ какъ семья.[1]). Трудно себѣ представить, сколько бѣдъ въ семейную жизнь и жизнь дѣтей вноситъ уже одна эта неустойчивость.

Это разрушительное дѣйствіе отсутствія осѣдлости ярко сказывается въ жилищномъ вопросѣ. Мы отмѣтили уже раньше, что судьба семьи, какъ это ни странно звучитъ на первый взглядъ, въ значительной степени зависитъ и отъ жилищныхъ условій, въ особенности въ большихъ городахъ. Это какъ бы внѣшняя платформа для внутренняго объединенія. И вотъ эта платформа или вовсе отсутствуетъ или крайне недостаточна, какъ въ этомъ насъ убѣждаетъ жизнь большихъ городовъ. Конечно, не можетъ быть и рѣчи о той идиллической картинѣ, какую являла прежняя семья: она жила въ *своемъ* домѣ, на просторѣ, *своимъ* хозяйствомъ и т. д. Это создавало извѣстную красочность, уютъ даже въ сравнительно бѣдныхъ условіяхъ. Это помогало ткать нить традицій въ семьѣ, чувствовать и видѣть воочію свою связь съ семьей въ цѣломъ. Это было въ полномъ смыслѣ слова „насиженное“ мѣсто, въ которомъ все оказывается дорогимъ, независимо отъ того, каково оно. Только постоянное устойчивое обладаніе склоняетъ человѣка къ бережливому и любовному отношенію; только при этомъ условіи, напримѣръ, является желаніе придать своему углу уютъ и эстетичность. Сознаніе, что вы на бивуачномъ положеніи, что сегодня вы здѣсь,

---

[1]) *Наторпъ*, „Культура народа и культура личности“, стр. 45.

а завтра вы будете тамъ, и плоды вашихъ трудовъ по мѣсту и жилищу перейдутъ въ другія незнакомыя, чужія руки, естественно не можетъ располагать къ труду и созиданію.

И вотъ при колоссальной дороговизнѣ въ городахъ, какъ и во всей современной жизни культурныхъ странъ, у огромной массы семействъ уже нѣтъ возможности жить собственной семьей. Не говоря уже о томъ, что родители, а часто и дѣти разсѣяны на весь день по фабрикамъ и заводамъ, мастерскимъ и т. д, большинство живетъ въ скверныхъ сырыхъ подвалахъ, гдѣ даже днемъ приходится сидѣть при лампѣ: болѣе того,— большинство не имѣетъ возможности собственными силами нанимать комнату-квартиру и вынуждено дѣлить ее на углы, которые сдаются, а это уже обозначаетъ большой надрывъ, а то и полное уничтоженіе семейной жизни: дѣти и родители не одни, между ними и рядомъ съ ними становятся чужіе и часто совершенно неподходящіе люди. Селятся часто цѣлыми семьями, мѣшая и отравляя существованіе другъ другу. Паденіе идеала цѣльной семейной жизни объясняется во многомъ современными ужасными хозяйственными условіями. Вопросъ о жилищной бѣдѣ только одна частность.

Въ воспитаніи противосемейственнаго направленія у молодежи уже съ дѣтства этотъ факторъ играетъ очень большую роль. Больше всего шансовъ на такое направленіе тамъ, гдѣ людямъ приходится проводить свое дѣтство въ атмосферѣ, отравленной скученностью и домашнимъ адомъ. Приведемъ маленькій примѣръ изъ жизни, который намъ пришлось наблюдать. Пока молодая интеллигентная семья жила съ двумя дѣтьми,— желанными дѣтьми,— въ атмосферѣ мира и любви, малыши часто мечтали, что они вырастутъ, женятся и у нихъ будутъ дѣти. Прошли годы, семья разрослась, увеличились заботы, семейный миръ да ладъ пошатнулся, увеличились конфликты, и хорошій уголокъ засорился и утратилъ свою прелесть: въ эту пору дѣти уже не мечтали больше о томъ, чтобы основать семью.

Тѣмъ безотраднѣе картина въ массѣ. Извѣстный изслѣдователь жизни рабочихъ Ф. Ностицъ говоритъ по этому поводу: семейныя добродѣтели, любовь къ порядку, хозяйственность, чувство семейственности не процвѣтаютъ въ такихъ условіяхъ. Неудовлетворительное жилище лишаетъ очага и мира, въ осо-

бенности оно ведетъ къ пьянству. Распивочныя заведенія нигдѣ не посѣщаются въ такомъ большомъ количествѣ, какъ въ кварталахъ съ плохими квартирами. Совмѣстная жизнь лицъ различнаго возраста и пола благопріятствуетъ половой безнравственности, чувство стыдливости разрушается, супружеская невѣрность становится обыкновеннымъ явленіемъ и даже кровосмѣшеніе перестаетъ быть чѣмъ-то исключительнымъ. И все это совершается на глазахъ у дѣтей и часто при ихъ непосредственномъ участіи. Часто въ дыму и чаду, въ обществѣ бывшихъ людей дѣти начинаютъ хирѣть духовно и физически уже съ перваго дня своей жизни и затѣмъ даютъ огромный контингентъ преступниковъ, проститутокъ, бывшихъ людей.

Въ центрѣ причинъ, создающихъ всѣ эти бѣды и наносящихъ ударъ за ударомъ семьѣ, какъ органу воспитанія, надо поставить уничтоженіе семьи, какъ трудовой *производительной* организаціи. Только при сохраненіи такого характера семья открываетъ настоящую картину живой трудовой связи родителей и дѣтей, трудового содружества отца и матери, это то, что является незамѣнимымъ воспитательнымъ факторомъ. Говорить о трудѣ мало, надо показать этотъ производительный и тѣмъ самымъ глубоко поучительный трудъ въ повседневной жизни, трудъ какъ регулярное явленіе, надо дать почувствовать его, дать принять въ немъ посильное, непосредственное участіе. Все это большею частью оказывается безжалостно и безслѣдно сметеннымъ современнымъ машиннымъ фабричнымъ и заводскимъ производствомъ. Въ то время какъ въ прежней семьѣ въ каждой ниточкѣ, въ маленькой вещицѣ домашней утвари была видна рука и часто рука знакомаго и близкаго человѣка, и тѣмъ самымъ въ ней открывался просторъ уюту, теплотѣ, связямъ и любви, теперь все больше выдвигается и въ массѣ покупное, безличное, машинное, и дѣти съ первыхъ годовъ своей жизни привыкаютъ къ мысли о „покупкѣ“. Семья понемногу цѣликомъ превращается въ потребительскую организацію, и дѣтямъ приходится видѣть только *итоги труда*, а на мѣстѣ стараго воспитательнаго фактора, обладавшаго величайшею силой, остается часто пустое мѣсто, потому что общество еще не рѣшило для массы вопросъ, какъ быть, чѣмъ замѣнить исчезнувшій изъ семейной жизни факторъ.

Это непосредственное созерцаніе труда, жизнь въ атмосферѣ труда, посильная мелкая помощь ему имѣетъ колоссальное значеніе для воспитанія дѣтей потому, что только въ этихъ условіяхъ цѣнность и смыслъ труда перестаютъ быть для нихъ какимъ-то отвлеченнымъ, а потому и мало доступнымъ имъ явленіемъ; трудъ тутъ одѣвается въ плоть и кровь и много говоритъ душѣ дѣтей при помощи цѣлаго ряда яркихъ посредниковъ: о немъ говорятъ не только органы чувствъ, собственныя руки, но и любовь къ родителямъ: живая связь въ семьѣ не можетъ не крѣпнуть при этихъ условіяхъ, семейная любовь должна согрѣть и трудъ, и обратно. На этомъ конкретизмѣ дѣтей, на непосредственномъ участіи въ трудѣ и воспитаніи и даже обученіи трудомъ, какъ извѣстно, построена вся теорія и практика, такъ называемой, трудовой школы.

Но у семьи, какъ производительно-трудовой организаціи, имѣются и иныя важныя положительныя стороны. Черезъ нее дѣти безъ всякой искусственности, просто и естественно пріобщаются къ жизни, у нихъ вырастаетъ *чувство жизни*,—это то, на отсутствіе чего теперь раздаются безконечныя жалобы. Созерцая только итоги труда и пользуясь ими, не оправдавъ этого пользованія своимъ участіемъ въ трудѣ, хотя бы въ видѣ мелкихъ проявленій, живя въ современныхъ каменныхъ лѣсахъ, городахъ, дѣти теряютъ иниціативу, теряютъ чувство жизни, не могутъ брать настоящаго здоровымъ образомъ и часто тоскуютъ по жизни, не замѣчая, что они въ полосѣ своеобразной и настоящей жизни. Утративъ производительный характеръ, семья лишается своихъ настоящихъ воспитательныхъ жизненныхъ соковъ. Эта утрата отразилась особенно тяжело на ея судьбѣ, какъ органа воспитанія.

Въ семьѣ, какъ производительно-трудовой организаціи, даны всѣ основы для нормальнаго функціонированія органа воспитанія, потому что въ ней открывается возможность *свѣжести* и *непосредственности* передачи. Въ ней нѣтъ нужды тратить слова и опасаться, что они не дойдутъ до сознанія дѣтей. Трудъ говоритъ самъ за себя и учитъ живымъ примѣромъ. Въ атмосферѣ труда и жизни и лицезрѣнія трудящихся невозможно или, во всякомъ случаѣ, трудно жить празднымъ. Все воспитаніе въ основныхъ его и наиболѣе дѣйствительныхъ моментахъ проте-

каетъ подражательнымъ путемъ, образцами, средой и ея атмосферой. Въ семьѣ, какъ производительно-трудовой организаціи, и даны живые образцы, и вотъ эти-то существенные элементы оказываются уничтоженными или подорванными въ современной семьѣ.

Съ этимъ связана и утрата нѣкоторой доли уваженія къ родителямъ, признанія ихъ авторитета, потому что они стали въ большинствѣ случаевъ *только* родителями, т.-е. они дали только жизнь дѣтямъ, но оказываются не въ силахъ или не въ состояніи быть вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ *дѣйствительными учителями и воспитателями* въ духовно-трудовомъ смыслѣ. Ихъ авторитетъ на этомъ пути утрачиваетъ реальную подпочву. Въ рожденіи больше говоритъ природа, чѣмъ сознательная воля; при томъ это единичный актъ; въ ученіи и воспитаніи говоритъ постоянное, живое, сознательное усиліе и оно ставится невольно и безсознательно въ великую заслугу. Вѣдь, такъ естественно, чтобы отецъ и мать и учили и воспитывали, чтобы они явились источникомъ, изъ котораго дѣти будутъ черпать свои жизненныя свѣдѣнія. Но масса родителей теперь выбилась изъ этой колеи: она часто не учитъ и не воспитываетъ, родители нерѣдко вовсе и не въ силахъ отвѣчать на современные запросы дѣтей. Въ итогѣ авторитетъ, поддерживающій семью, утрачивается; нѣтъ уже болѣе тѣсной связи между родителями и дѣтьми. Уходъ и отрывъ отъ семьи совершается съ большой легкостью, такъ какъ въ такой семьѣ крѣпкія связи и не завязываются.

Родители часто начинаютъ ощущать необходимость воспитанія дѣтей уже какъ тяжесть, какъ нежелательное бремя. Это объясняется тѣмъ, что въ семьѣ, потерявшей производительно-трудовой характеръ, т.-е. перемѣстившей трудъ отца или матери изъ непосредственной семейной обстановки во внѣшній міръ, на чуждую, столь далекую дѣтямъ фабрику или заводъ, что въ такой семьѣ функціи труда и воспитанія и обученія уже больше *не совпадаютъ*, а, можетъ быть, даже и не соприкасаются. Трудъ родителей далекъ, тѣмъ самымъ для дѣтей отвлеченъ и ихъ не можетъ ни учить, ни воспитывать. Трудиться въ этихъ условіяхъ значитъ выполнять одну функцію, а учить и воспитывать— другую. Такъ какъ трудъ въ массѣ поглощаетъ все время и

энергію, то для второго не остается уже времени, а жизнь и любовь къ дѣтямъ требуетъ своего. Отсюда и рождается ощущеніе обязанностей воспитанія какъ непосильной тяготы и стремленіе уклониться отъ нея.

Кромѣ того, и выполнимость функцій воспитанія ставится подъ сомнѣніе. Въ нетронутой, неразрушенной промышленнымъ вѣкомъ семьѣ воспитаніе и ученіе шло естественнымъ, почти исключительно безсознательнымъ путемъ; оно творилось какъ бы само собой, не тяготя сознанія индивида, протекая въ общей колеѣ труда. Теперь иное: при раздѣленіи труда и воспитанія выставляется уже опредѣленное требованіе къ сознанію и умѣнію индивида воспитывать, требуется сознательная замѣна ушедшаго фактора. Масса родителей къ этому и не подготовлена, и, затрачивая всѣ силы на заработный трудъ, не чувствуетъ въ себѣ ни силъ, ни желанія взять на свои плечи всю полноту этихъ заботъ. Страдаютъ отъ этого и взрослые, душа человѣка раздваивается. Характерно, что въ наше время часто профессіоналу учителю, интеллигенту, профессору и т. д. приходится воспитывать и учить чужихъ дѣтей, а для своихъ у него часто уже ничего не остается. Но главная тяжесть, тяжесть послѣдствій всего этого ложится, конечно, на дѣтей. На этой почвѣ рушится семья и вмѣстѣ вырастаетъ въ большую опасность все растущее направленіе или уклонъ противъ семьи и противъ отцовства и материнства, или, во всякомъ случаѣ, люди ищутъ какой-либо иной формы рѣшенія этой жизненной проблемы.

Такими и подобными причинами объясняется отчасти и то, что семья теряетъ во многихъ случаяхъ еще одинъ существенный элементъ, именно—характеръ устойчиво постояннаго союза, эту важную черту семьи, какъ органа воспитанія. На бракъ все больше и шире перестаютъ смотрѣть какъ на *союзъ на всю жизнь*,—то, чѣмъ была крѣпка нравственно-воспитательная сила семьи. Часто нежеланіе имѣть дѣтей объясняется именно тѣмъ, что дѣти предполагаютъ такой союзъ, что они являются большимъ препятствіемъ къ расторженію брака и связываютъ своихъ родителей невидимыми нитями, обладающими въ извѣстныхъ случаяхъ большой принудительной силой. Насколько велико движеніе въ эту сторону, сторону облегченія расхожденія родителей въ случаѣ нужды, это видно изъ того, что даже законодатель-

ство и при томъ консервативное церковное законодательство оказалось вынужденнымъ пойти на уступки и увеличить число законныхъ поводовъ къ разводу. Такимъ образомъ, фактически признается уже утрата семьей характера *союза на всю жизнь*, а въ итогѣ семья лишается многихъ шансовъ на педагогическій успѣхъ.

Но и тамъ, гдѣ сохраняется союзъ, какъ видимость семьи, на самомъ дѣлѣ часто нѣтъ изъ числа ея основныхъ элементовъ полноты родительскаго элемента. Мы уже упомянули о пресловутомъ модномъ лозунгѣ нѣкоторыхъ представительницъ, такъ называемыхъ, либеральныхъ профессій, отстаивающихъ принципъ „дѣтей безъ мужа“. Какъ ни малочисленны такого рода сознательно ампутированныя семьи, тѣмъ не менѣе такой лозунгъ является важнымъ симптоматическимъ явленіемъ для крайне тяжелаго кризиса, который переживаетъ семья. Онъ краснорѣчиво говоритъ о полной педагогической слѣпотѣ носителей этой идеи и о безнадежномъ эгоизмѣ, такъ какъ интересы здороваго, полнаго воспитанія дѣтей оставлены здѣсь въ сторонѣ и на первый планъ выдвинуты интересы работъ эмансипированной женщины, которая боится появленія въ семьѣ мужа и отца своего ребенка, какъ возможной помѣхи своимъ профессіональнымъ интересамъ и препятствія къ осуществленію своей свободы. А между тѣмъ, конечно, женщина — мать одна не можетъ дать всѣхъ необходимыхъ воспитательныхъ элементовъ въ семьѣ, она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ никогда не замѣнитъ отца, хотя она является, естественно, большимъ центромъ и душой въ семьѣ, чѣмъ онъ. Разладъ между отцомъ и матерью сталъ слишкомъ широкимъ явленіемъ и этотъ разладъ слишкомъ часто кончается раздѣльной жизнью супруговъ. Было бы большой наивностью думать, что семейныя драмы проходятъ безслѣдно мимо дѣтей, даже и маленькихъ. Уходъ родителей или одного изъ нихъ при этомъ не является фактомъ чисто интеллигентской жизни; онъ сталъ уже очень широкимъ явленіемъ жизни трудовой, рабочей и частью даже крестьянской массы. Отцы и матери вынуждены часто проводить свою трудовую жизнь на сторонѣ, въ „отхожихъ промыслахъ“, живутъ въ прислугахъ, въ швейцарахъ, въ дворникахъ, во всякаго рода иныхъ службахъ, появляясь въ своей семьѣ только наѣздами. Въ городѣ часто наблюдается при этомъ,

что черезъ нѣкоторое время семья въ деревнѣ оказывается совсѣмъ покинутой, а въ городѣ возникаетъ новая. Все это вмѣстѣ съ характеромъ промышленной жизни ведетъ къ тому, что и дѣти очень рано становятся самостоятельными и быстро отрываются отъ семьи.

Въ одномъ изъ докладовъ на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ по семейному воспитанію [1]) мы находимъ интересныя анкетныя свѣдѣнія, рисующія положеніе семьи съ матерью, занятой службой; отецъ въ большинствѣ случаевъ вовсе не принимаетъ никакого участія въ воспитаніи или очень мало, удѣляя только случайные остатки своего времени отъ занятій всякаго рода другими дѣлами. На вопросъ, кто замѣняетъ отсутствующую мать, получился отвѣтъ: *прислуга*, и только въ $^1/_8$ родственники. Въ анкетѣ далѣе слышатся безконечныя жалобы на вредныя послѣдствія, въ особенности отсутствія матери въ семьѣ, на возникающіе на этой почвѣ недочеты во всѣхъ направленіяхъ въ воспитаніи дѣтей.

Въ уходѣ женщины изъ семьи большую роль сыгралъ, конечно, промышленный переворотъ: машинное, фабричное производство устранило старые методы домашняго изготовленія, силы традиціонной госпожи семьи теперь освободились въ значительной степени и, естественно, ищутъ себѣ примѣненія въ иной области. Фабрики, заводы, ремесла и профессіи все шире и шире открываютъ доступъ женщинѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ семья все больше и больше становится лицомъ къ лицу съ мыслью, что она должна какъ-то внутренно переродиться и занять какое-то иное положеніе.

Но было бы несправедливо и неправильно объяснять все чисто экономическими причинами. Среди другихъ факторовъ, много сдѣлавшихъ въ области расшатыванія семьи, какъ традиціоннаго органа воспитанія, мы подчеркнемъ рѣзко индивидуалистическое направленіе нашего времени.

Какъ бы ни оцѣнивалось наше время, оно все напоено настроеніемъ крайне индивидуалистическаго характера. Потребность изжить, выявить и почувствовать свою личность и именно въ ея индивидуальныхъ, неповторяющихся сторонахъ перестала

---

[1]) Труды, т. I, стр. 165.

быть въ наше время привилегіей узкой среды верховъ интеллигенціи и воплотилась въ неудержимое жизненное стремленіе въ широкихъ кругахъ. Въ этомъ смыслѣ Уайльдъ только ясно формулировалъ то, что отвѣчало всему настроенію нашего времени: талантъ мой я отдалъ моей книгѣ, мой геній—моей жизни. Прожить красиво, интенсивно, чувствуя всесторонне богатство своего „я“ стало настоящей задачей всей жизни развитой человѣческой личности. Какъ и надо ожидать по всему существу индивидуализма, онъ, обострившись, неизбѣжно велъ и ведетъ къ крайнему эгоизму и погонѣ за наслажденіями, къ гедонизму. Личность въ такую эпоху всѣми силами стремится освободиться отъ всего, что могло бы стѣснить или связать ее какими бы то ни было обязательствами, что могло бы стать на пути къ удовлетворенію ненасытимой жажды въ наслажденіи и устремленію къ выявленію своего индивидуальнаго „я“. Именно въ это время, какъ извѣстно, въ интеллигентскихъ кругахъ обнаруживается симптоматическое стремленіе не имѣть собственной постоянной квартиры, чтобы не быть прикованнымъ къ мѣсту, чтобы имѣть при первомъ желаніи возможность уѣхать въ другое мѣсто. Про одного извѣстнаго писателя разсказываютъ, что онъ всегда держалъ наготовѣ свои дорожныя вещи, чтобы при первой смѣнѣ настроенія тронуться въ путь. Непостоянство настроеній, этотъ бичъ семейной жизни, стало теперь колоссально распространеннымъ явленіемъ, при чемъ оно одѣвается даже извѣстнымъ ореоломъ незаурядности и ему на помощь приходитъ сознательное культивированіе такихъ настроеній.

Отсюда и родилось опасеніе мужчины, что жена и семья свяжетъ его, и то же опасеніе, только направленное на мужа и дѣтей, захватываетъ довольно широкіе круги женщинъ. Только въ атмосферѣ такихъ настроеній можно понять явленіе, которое отмѣчаютъ въ литературѣ и которое наблюдается и въ жизни: именно, что по взглядамъ многихъ современныхъ людей самое трудное въ бракѣ это—обязанность супруговъ жить вмѣстѣ. И это понятно: теперь, когда мужъ и жена оказываются въ дѣйствительности большими индивидуалистами и считаютъ своимъ долгомъ давать возможно большой просторъ своимъ индивидуальнымъ вкусамъ и настроеніямъ, трудно ожидать, чтобы они часто шли рука объ руку по одной колеѣ; трудно даже ждать,

что въ нужныхъ случахъ они смогутъ найти возможность примиренія; имъ, естественно, необходимость постояннаго сожительства должна рисоваться какъ большая угроза свободѣ выявленія ихъ „я“, потому что всякія мелочи жизни будутъ давать тысячи поводовъ для неизбѣжныхъ конфликтовъ и превратятъ домашнюю жизнь такихъ гедонистовъ въ сущій адъ. И эта идея не только констатируется, какъ фактъ, но она въ извѣстной части новѣйшей литературы стала предметомъ своего рода пропаганды. Понятія „мужъ“ и „жена“, „семейное счастіе“ получили въ широкой жизни привкусъ буржуазности, банальности, обыденщины, которыя способны затянуть незаурядную личность и уничтожить ея лучшія творческія стороны, а большинство теперь стремится видѣть въ себѣ незаурядную натуру. Намъ остается только добавить, что это явленіе не случайное, что оно не есть продуктъ интеллигентской идеологіи; то, что интеллигенція проявила какъ осознанное, въ массѣ сказалось смутно и скрыто.

Все это въ очень сильной степени переживается женщиной. Чувствуя вѣковыя организаціи, какъ невыносимую несправедливость по отношенію къ себѣ, она рвется теперь на широкій просторъ жизни, часто совершенно ошибочно истолковывая смыслъ и пути своихъ стремленій [1]). Въ этой атмосферѣ эгоистическій гедонизмъ нашелъ для себя чрезвычайно благопріятную почву. Жажда жизни обуревающая современныхъ людей и въ особенности женщинъ-интеллигентокъ, сгущается въ наше время настолько, что часто уже совершенно исключаетъ сознаніе какихъ бы то ни было,—въ томъ числѣ и *семейныхъ*,—обязанностей и желаніе считаться съ ними: долгъ передъ своей *собственной* личностью, своимъ „я“, его выявленіемъ заслоняетъ все. Здѣсь можетъ быть, кстати будетъ напомнить о Норѣ Ибсена, которую авторъ заставляетъ принести въ жертву воскрешенію своей собственной личности своихъ собственныхъ дѣтей, а тѣмъ болѣе мужа [2]). Такимъ родителямъ, конечно, уже трудно нормально выполнять тѣ функціи, которыхъ отъ нихъ требуетъ семья, какъ органъ воспитанія: дѣти и семья ложатся слишкомъ тяжелымъ бременемъ на

[1]) См. *М. Рубинштейнъ* „Женскій вопросъ, какъ проблема культуры“, Вест. Воспит. 1911.

[2]) Сравн. также *В. М. Хвостовъ*. „Женщина и человѣческое достоинство“, стр. 434 и сл.

плечи такихъ индивидуалистовъ потому, что они требуютъ много самопожертвованія [1]). Мы напомнимъ здѣсь знаменитую фразу Гегеля, что съ момента рожденія дѣтей наступаетъ начало конца жизни родителей. Правда, здѣсь остается незамѣченной другая сторона этого факта, но объ этомъ будетъ рѣчь дальше. Въ данномъ случаѣ важно установить только, что большинство теперь не видитъ возможности поставить брачно-семейную жизнь и воспитаніе дѣтей въ центръ своей жизни и ищетъ иного содержанія. Это внесло и вноситъ большое разстройство въ традиціонной органъ воспитанія—въ семью.

Такимъ образомъ въ разрушеніи семьи дѣлается еще одинъ дальнѣйшій шагъ, это—утрата духовнаго единства, что является простымъ прямымъ слѣдствіемъ изложенныхъ нами причинъ. Но это слѣдствіе послѣдовательно расширяется въ утрату не только духовнаго, но и духовно-нравственнаго единства. Судьба этого единства ставится подъ сомнѣніе, а часто и прямо рѣшается въ отрицательномъ смыслѣ, какъ только семья не только борется за внѣшнее существованіе, какъ цѣлая единица, но *внутри* ея поселяется конкуренція, борьба и всякаго рода междоусобія. О нравственномъ единствѣ въ этомъ случаѣ уже не можетъ быть и рѣчи, и семья утрачиваетъ и въ глазахъ дѣтей свой живой и мощный авторитетъ, который въ нормальныхъ условіяхъ является большимъ непроизвольно воспитывающимъ факторомъ, а въ трудныхъ случаяхъ жизни служитъ поддержкой и способенъ удержать отъ многихъ отрицательныхъ поступковъ. При утратѣ согласія и появленіи розни въ той или иной формѣ выступаетъ уже оголенный животный факторъ борьбы за существованіе. Особенно губительнымъ оказывается, конечно, раздоръ между родителями, и именно эта реформа внутреннихъ семейныхъ неурядицъ оказывается наиболѣе распространенной, а затѣмъ уже присоединяются къ разладу и дѣти.

Намъ хотѣлось бы еще разъ въ интересахъ истины и жизненнаго рѣшенія необычайно важнаго вопроса объ органѣ воспита-

---

[1]) Уже Руссо, негодуя на современныхъ ему французскихъ женщинъ за ихъ нежеланіе имѣть дѣтей и давать дѣтямъ то, что имъ должна дать мать, высказываетъ опасеніе, что на этомъ пути человѣчество идетъ къ вымиранію. См. „Эмиль", стр. 15 (изд. „Педагогической библіотеки" К. И. Тихомирова).

нія подчеркнуть, что въ кризисѣ семьи повинны не только объективныя условія, но и то, что уже вполнѣ находится во власти человѣка, это—такъ называемые субъективно-духовные факторы. Тутъ большую роль играетъ чисто индивидуальное отношеніе къ семьѣ: стоитъ убѣдить себя, что семья мѣшаетъ, что дѣти это—тягота жизни и т. д., и многимъ они представятся дѣйствительно тягостными, и обратно. Люди, къ сожалѣнію, слишкомъ любятъ ссылаться и взваливать все на факты и фактическую дѣйствительность и часто забываютъ великую истину, высказанную Гегелемъ, что міръ взглянетъ на тебя такъ, какъ ты посмотришь на міръ. Въ вопросѣ о судьбѣ семьи большую роль сыграли новые идеалы мужчины и женщины, новые взгляды на отношеніе половъ, развитіе эмансипаторскихъ ученій [1]).

Въ наше время приходится считаться, какъ съ важнымъ факторомъ, съ *противосемейной пропагандой.* Указывая на громадныя опасности, угрожающія человѣку въ годы роста и развитія, одинъ авторъ справедливо говоритъ [2]): „Колоссальная театральная и литературная промышленность прямо превозноситъ въ тысячахъ уголовныхъ романовъ и тому подобныхъ вещей преступленіе, извиняетъ насиліе, систематически порождаетъ нервное перераздраженіе... Вмѣсто мыслительнаго процесса порождается сенсація, атлетизмъ, вмѣсто силы воли развитіе воли задерживается или направляется на явно вредныя представленія своего времени. Въ двойной степени грѣшатъ въ области половой жизни". Далѣе авторъ вполнѣ основательно указываетъ на пагубное для дѣтей высмѣиваніе семейной жизни, морали и т. д. И это дѣйствительно такъ: школа винитъ семью, семья дискредитируетъ всѣми доступными ей способами школу и учителей, общественное мнѣніе осуждаетъ ихъ обоихъ вмѣстѣ и само осуждается ими. Такъ подтачиваютъ они другъ друга въ глазахъ своихъ и въ особенности въ глазахъ дѣтей, для которыхъ ихъ междоусобіе не можетъ пройти незамѣтно; въ результатѣ дѣти не вѣрятъ никому изъ нихъ и чуждаются ихъ. Воюя противъ недостатковъ конкретной школы, семьи, общества, мы

---

[1]) *Ел. Ланге* „Женскій вопросъ", (изд. Космосъ), стр. 71.

[2]) *Drigalsky* „Das Entwicklungsalter und seine Gefahren", Zeitschrift für pädagogische Psychologie 1914. I. s. 23.

должны были бы уберечься отъ разрушенія самаго принципа ихъ, но мы этого не дѣлаемъ и совершаемъ даже часто такое разрушеніе подъ красивымъ флагомъ плохо понятаго прогрессизма. Такъ обстоитъ дѣло и со школой, начиная съ университета и кончая народной школой, и съ семьей, и съ обществомъ, и дѣти идутъ полнымъ ходомъ по этому пути при интенсивномъ содѣйствіи „разрушаемыхъ". Къ этому присоединяется педагогически глубоко-ошибочное явленіе: подчеркнутое ухаживаніе за дѣтьми. Въ сущности, вѣдь, плохо рабство дѣтей у родителей, но плохо и рабство родителей у дѣтей. Пока что семья, какъ органъ воспитанія, несетъ все это на своихъ плечахъ.

V.

О профессіи и материнствѣ.

Намъ остается теперь отмѣтить только еще одинъ фактъ: это—антагонизмъ между материнствомъ и профессіей. Опасенія женщины, что дѣти и семья явятся большой помѣхой въ профессіональной дѣятельности, какъ показываетъ жизнь, далеко не напрасны и ведутъ очень часто къ тому, что или страдаетъ профессіональная работа, или же въ большинствѣ случаевъ, такъ какъ профессія связываетъ, страдающей стороной являются семья и дѣти. Для рѣшенія вопроса о судьбѣ семьи, какъ органа воспитанія, это обстоятельство является необычайно важнымъ. У насъ очень часто подчеркиваютъ, что на многихъ и многихъ великихъ людей огромное положительное вліяніе оказали ихъ матери. Но, можетъ быть, именно тутъ особенно важно отмѣтить, что почти всѣ эти женщины жили исключительно своимъ *материнствомъ*, онѣ не разрывались въ антагонизмѣ между материнствомъ и профессіей, не призирали домашній очагъ, окрестивъ его презрительной кличкой „кухни". Невольно въ этомъ случаѣ вспоминается, напримѣръ, Іоанна Шопенгауеръ, которая была извѣстной писательницей, но, безъ сомнѣнія, и плохой воспитательницей.

Какія тяжкія потрясенія переживаетъ семья на почвѣ интеллигентско-профессіональной работы, это видно хотя бы изъ слѣдующихъ данныхъ; основываясь на сравнительно большомъ исто-

рическомъ и статистически-опросномъ матеріалѣ, двѣ писательницы, Адель Гергардтъ и Елена Симонъ, въ своей работѣ „Материнство и умственный трудъ“ утверждаютъ, что большая часть профессій оказывается въ значительной степени несовмѣстимыми съ правильно поставленнымъ материнствомъ. На ту же трудность совмѣщенія материнства и профессіи указываетъ проф. В. М. Хвостовъ [1]). У него мы находимъ интересную ссылку на результаты анкеты среди слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Петроградѣ 1909 г. „Грудныхъ дѣтей имѣютъ при себѣ 14 чел. Остальныя слушательницы, имѣющія дѣтей, въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ сами ихъ не воспитываютъ. Одной изъ причинъ этого является, вѣроятно, трудность совмѣщенія материнскихъ обязанностей съ учебной работой на курсахъ. По крайней мѣрѣ, всѣ матери, за единичными исключеніями, указываютъ на то, что дѣти препятствуютъ систематическому посѣщенію курсовъ и активному участію въ семинарскихъ и прочихъ занятіяхъ“. На несовмѣстимость профессіи и материнства указываетъ на основаніи анкетнаго матеріала Дорошевская въ докладѣ „Какъ складывается воспитаніе въ семьѣ, гдѣ мать занята работой внѣ дома“ на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ по семейному воспитанію [2]), о чемъ мы уже упоминали раньше. Та же мысль въ еще болѣе энергичной формѣ подчеркивается другой докладчицей, М. И. Сулима [3]). Извѣстная писательница Елена Ланге съ большой жизненной правдивостью говоритъ [4]): Материнство и профессія являются не только во *внѣшней* жизни, но и въ *душѣ* женщины оспаривающими одна другую сферами интересовъ. Онѣ стоятъ, какъ двѣ мельницы у ручья ея жизненной силы, которыя по большей части въ состояніи поддерживать полную дѣятельность только одной изъ нихъ: такъ всегда одна у другой отнимаетъ воду“.

Бебель въ своей книгѣ „Женщина и соціализмъ“ (стр. 524) такъ формулировалъ требованія эмансипированной женщины: полная соціальная и экономическая независимость, равное вос-

---

[1]) Въ своемъ трудѣ „Женщина и человѣческое достоинство“ стр. 445.
[2]) Труды, т. I.
[3]) Труды, т. I, стр. 155.
[4]) „Женскій вопросъ“, изд. Космосъ, стр. 98.

питаніе, свобода развитія, свобода и независимость въ выборѣ спутника жизни, бракъ — дѣло *частнаго* договора. А извѣстная писательница Элленъ Кей дала [1]) въ противовѣсъ такимъ стремленіямъ любопытный шаржъ мозговой женщины: „Таблицы, по которымъ мозговая женщина распредѣляетъ свое время, не знаютъ коллизій. Ея распорядокъ дня ясенъ. Дѣтскіе сады, школы и дортуаръ для дѣтей, число которыхъ точно устанавливается государствомъ. Автоматически сервированные обѣды изъ общей кухни. Въ комбинированномъ рабочемъ и спортивномъ платьѣ отправляется она на мѣсто работы. По окончаніи работы пять минутъ разговора по телефону съ каждымъ изъ дѣтей, два часа занятій спортомъ и жизни на свѣжемъ воздухѣ. Пополудни десять минутъ разговора по телефону съ мужемъ, тридцать пять минутъ отдыха, чтобы собрать свои мысли; вечеръ принадлежитъ собраніямъ благотворительнаго или общественнаго характера. По воскресеньямъ приглашается мужъ и дѣти, при чемъ три часа опредѣляются на искорененіе ихъ недостатковъ“. Въ этой картинѣ-шаржѣ мастерски нарисовано торжество машиннаго вѣка даже въ интимной жизни личности.

Что касается низшихъ видовъ профессіональной работы, какъ работа на фабрикахъ, заводахъ и т. д., то здѣсь профессія и материнство находятся въ еще значительно большемъ конфликтѣ, потому что условія такого труда поглощаютъ все время, въ то время какъ у женщинъ, занятыхъ интеллигентскимъ трудомъ, все-таки оказывается больше времени и возможности хоть немного располагать собой или обезпечить уходъ и заботу о своихъ дѣлахъ. Только въ условіяхъ сельскаго хозяйства положеніе значительно лучше, но отчасти и туда уже проникаютъ новыя условія. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что, несмотря на всю неурядицу, которая господствуетъ въ массѣ интеллигентскихъ семей, вопросъ объ органѣ воспитанія въ широкой народной массѣ стоитъ въ значительно болѣе острой формѣ, такъ какъ тамъ онъ рѣшается большею частью въ зависимости не отъ доброй воли индивида, а отъ опредѣленныхъ объективныхъ условій, разрушающихъ семью или ослабляющихъ ее, какъ органъ воспитанія.

---

[1]) „Ueber Liebe u. Ehe“ s. 239 и сл.

Такимъ образомъ наше время оказывается лицомъ къ лицу съ вопросомъ объ органѣ воспитанія. Жизненно, правдиво рѣшить этотъ вопросъ не менѣе важно во всякомъ случаѣ, чѣмъ рѣшить вопросъ о всеобщемъ обученіи. Отъ правильнаго рѣшенія этого вопроса зависитъ все наше будущее. Къ нему мы и обратимся въ слѣдующихъ главахъ.

VI.

Въ защиту общественнаго воспитанія.

Въ предыдущихъ главахъ мы сдѣлали попытку выявить тѣ элементы, на которыхъ зиждется въ нормальныхъ условіяхъ педагогичечкое значеніе семьи, и затѣмъ, опираясь на этотъ анализъ, освѣтили ея современное положеніе. Мы далеки отъ мысли утверждать на основаніи указанныхъ фактовъ полную гибель семьи. Наоборотъ, мы глубоко убѣждены, что отъ кризиса семьи до гибели ея еще *очень далеко*. Какъ читатель увидитъ дальше, мы не сомнѣваемся, что семья снова заживетъ нормальной жизнью, хотя бы въ какой-либо нѣсколько видоизмѣненной формѣ. Но все-таки выводы наши развернули передъ нами крайне печальную картину разрушенія или большого надрыва того органа, на который по прежнему и общество, и отдѣльныя лица продолжаютъ возлагать опредѣленныя большія отвѣтственныя задачи. Можно даже утверждать нѣчто большее: чѣмъ сильнѣе сгущаются тучи надъ современной семьей и чѣмъ больше увеличиваются нападки на нее, тѣмъ энергичнѣе становится защита этой исконной формы сожительства людей и тѣмъ интенсивнѣе пробивается сознаніе, что безъ семьи общественная жизнь утрачиваетъ свой жизненно необходимый ей элементъ, что поскольку мы вѣрили въ общественную жизнь, постольку же намъ послѣдовательно необходимо утверждать вѣчность семьи. Опасности, реально угрожающія семьѣ, вызвали къ жизни повсюду въ культурномъ мірѣ различнаго рода организаціи, предназначенныя служить укрѣпленію семьи, съѣзды по семейному воспитанію и т. д. Еще недавно и у насъ въ Россіи на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ по семейному воспитанію раздавались убѣжденные голоса, утверждавшіе, что „пока существуетъ человѣчество, будетъ, ра-

зумѣется, существовать и семья въ ея существенныхъ чертахъ“ [1]). Тамъ, гдѣ не дѣлается радикальной попытки отрицать возможность общества безъ семьи, все-таки высказывается твердое убѣжденіе [2]) *„что семья должна быть сохранена въ будущей культурѣ.* Семья представляетъ такую большую цѣнность въ жизни человѣчества, что отказаться отъ нея значитъ сдѣлать все содержаніе жизни значительно болѣе тусклымъ и бѣднымъ“.

Но и защитники семьи, конечно, не могутъ не считаться съ печальными фактами дѣйствительности, и такимъ образомъ, начинаютъ появляться различные планы спасанія и поддержанія семьи. На проекты общественнаго воспитанія въ прошломъ мы уже указали раньше во второй главѣ. Здѣсь мы имѣемъ въ виду современные планы. Для иллюстраціи укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, одна изъ наиболѣе видныхъ представительницъ женскаго движенія, Е. Ланге, предлагаетъ [3]) создать посредствомъ соотвѣтствующихъ хозяйственныхъ реформъ и законодательныхъ мѣропріятій такой порядокъ вещей, при которомъ навязывали бы работницѣ профессіональный трудъ *не въ большемъ* размѣрѣ, чѣмъ какой она способна нести въ интересахъ своего материнства. При этомъ нерѣдко указываютъ на то, что даже въ массѣ понемногу начинаетъ уменьшаться количество рожденій въ семьѣ и этимъ значительно облегчается подсобная работа женщины внѣ семьи. Въ то время какъ проведеніе такой помощи требуетъ по существу широкихъ соціальныхъ реформъ, встрѣчаются проекты, прямо приноровленные къ современному положенію. Это мѣры чисто-капиталистическаго порядка, сближающіяся съ идеей найма. Напримѣръ, I. Tews требуетъ въ интересахъ сохраненія семьи отъ государства и общества, чтобы они ввели особую денежную помощь семьѣ, согласованную съ количествомъ дѣтей и предназначенную облегчить семьѣ тяготы воспитанія дѣтей. Авторъ этого проекта разсчитываетъ, что такая мѣра увеличитъ количество браковъ, рожденій и попутно внесетъ большое оздоровленіе въ сферу половой жизни людей.

---

[1]) „Труды съѣзда“, т. I, стр. 96. Тѣ же мысли встрѣчаются въ докладѣ *М. И. Сулима* и во многихъ другихъ, какъ и въ общемъ настроеніи съѣзда.

[2]) *В. Хвостовъ*, „Женщина и человѣческое достоинство“, стр. 456.

[3]) „Женскій вопросъ“, перев. подъ ред. Ю. И. Айхенвальда, стр. 109.

Съ любопытнымъ образчикомъ мѣръ, проектируемыхъ въ интересахъ укрѣпленія материнства и семьи, мы встрѣчаемся у представительницъ женскаго движенія, сочетавшихъ въ причудливое единство радикальныя требованія и консервативныя идеи. Такъ, напримѣръ, Сулима въ своемъ докладѣ на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ по семейному воспитанію [1]), требуя для женщины самаго широкаго доступа къ образованію, вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ: „Что касается труда женщины на томъ поприщѣ, гдѣ первенство до сихъ поръ принадлежало мужчинѣ,— наука, служба общественная, физическій трудъ, — то все это должно быть доступно женщинѣ лишь въ томъ случаѣ, *если у нея нѣтъ ея прямыхъ обязанностей въ семьѣ*". Видя главное назначеніе женщины въ материнствѣ, Сулима полагаетъ, что бѣгство женщинъ изъ семьи въ значительной степени прекратилось бы, если бы ея обязанности матери-воспитательницы и хозяйки были оцѣнены по достоинству очень высоко. Поэтому докладчица предложила утвердить право матери на половину того, что зарабатываетъ отецъ, а въ выставленномъ ею тезисѣ (5-мъ) идетъ еще дальше, требуя, чтобы „трудъ матери-воспитательницы оплачивался внѣ зависимости отъ положенія мужа".

Нѣкоторымъ изъ этихъ идей нельзя отказать въ извѣстной цѣлесообразности и большой доли справедливости, но у всѣхъ этихъ проектовъ есть тотъ крупный недостатокъ, что они или опредѣленно непригодны для основательнаго рѣшенія всей этой сложной жизненной задачи и годятся только, какъ хорошія вспомогательныя мѣры, или же предполагаютъ необычайно радикальную перемѣну во всемъ соціально-экономическомъ укладѣ нашей общественной жизни. Въ наше время поэтому весь вопросъ все больше принимаетъ характеръ дилеммы:—семейное или общественное воспитаніе?

Въ самомъ дѣлѣ. Уклоненіе отъ семьи, какъ органа воспитанія, возможно въ двухъ направленіяхъ: одно это—радикально-общественное воспитаніе и другое это—индивидуальное, единичное воспитаніе. Но эта идея замѣны семьи воспитателемъ немедленно отпадаетъ для насъ, какъ широкій педагогическій вопросъ, потому что на этомъ пути, помимо опасности утраты

---

[1]) „Труды съѣзда", т. I, стр. 154 и сл.

человѣчески мягкаго, интимно-личнаго характера воспитанія, открывается перспектива такой аристократизаціи воспитанія, которая дѣлаетъ воспитаніе только удѣломъ немногихъ лицъ. Къ этому можно прибавить еще цѣлый рой всякаго рода педагогическихъ недочетовъ этого индивидуальнаго пути и, такимъ образомъ, вопросъ о немъ мы можемъ оставить совершенно въ сторонѣ и обратиться къ указанной нами дилеммѣ, а именно ко второму ея члену, общественному воспитанію.

Современному обращенію мысли къ общественному воспитанію способствовали не только объективныя условія нашей жизни, не только обобществленіе труда и производства и т. п., но и нравственные мотивы. Такъ, напримѣръ, необходимому стремленію видѣть въ семьѣ нравственно-цѣнную организацію мѣшаетъ современный хозяйственный строй: онъ вынудилъ семью покинуть положеніе экономической самодовлѣющей единицы и низведъ ее на уровень жестокой конкуренціи, культивируя въ ней эгоистическія стремленія добывать средства только для *своей* семьи, обезпечивать только ее, что, конечно, значительно подрываетъ нравственную цѣнность семьи. Далѣе, защитники общественнаго воспитанія подчеркиваютъ, что въ современномъ положеніи семьи кроется большое внутреннее противорѣчіе: съ одной стороны, она должна быть органомъ воспитанія, но не имѣетъ необходимыхъ данныхъ для этого, а съ другой,—она обнаруживаетъ явную тенденцію ограничить число рожденій до минимума и вступаетъ въ противорѣчіе съ самой собой, потому что, напримѣръ, семья съ однимъ ребенкомъ не будетъ полной семьей и не обладаетъ достаточной полнотой элементовъ, чтобы нормально выполнять миссію органа воспитанія.

Наконецъ, въ отвѣтъ на утвержденіе вѣчности семьи апологеты общественнаго воспитанія говорятъ, довѣрчиво опираясь на еще не окончательно удостовѣренный, значительно упрощенный научный выводъ: „Было время, когда семьи не было. Что такое семья? Отецъ, мать, дѣти. Но было иначе: было царство женщинъ, матріархатъ. Было равенство половъ; дѣти не принадлежали мужу, а роду. По мѣрѣ того, какъ создавалась собственность, появилась семья вмѣстѣ съ правомъ наслѣдованія. Но такое положеніе придетъ къ концу. Семья основана на правѣ собственности отца и потому утвержденія о вѣчности семьи

дѣлать нельзя“ [1]). Все растущую соціализацію воспитанія вынуждены признать и убѣжденные сторонники семейнаго воспитанія[2]).

Мы не станемъ подробно излагать, въ чемъ будетъ заключаться общественное воспитаніе. Наиболѣе законченную и продуманную форму его далъ греческій мыслитель Платонъ, развившій планъ своеобразнаго военно-соціалистическаго государства [3]). Его идеи во многомъ предвосхитили взгляды современныхъ сторонниковъ общественнаго воспитанія, которые собственно почти нигдѣ не провели своихъ проектовъ въ формѣ широко продуманной системы, за исключеніемъ утопическихъ романовъ, въ которыхъ рисуется общая картина. Но принципъ его остается вполнѣ яснымъ: на мѣсто семьи, утрачивающей свое значеніе, при радикально проведенномъ общественномъ воспитаніи становится опредѣленная общественная организація, руководимая свѣдущими спеціалистами-педагогами, которой и поручаются дѣти съ момента ихъ рожденія или только нѣсколько позже. Эти учрежденія не разъ назывались компрометирующимъ именемъ „дѣтскихъ казармъ“, и поводъ къ этому подали слѣдующія соображенія: соціализація воспитанія неизбѣжно ведетъ къ соціализаціи цѣлаго ряда другихъ сторонъ жизни, находящихъ теперь себѣ мѣсто въ семейной жизни. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что весь укладъ сожительства представителей двухъ половъ долженъ принять значительно измѣненныя, менѣе устойчивыя формы, такъ какъ главный факторъ устойчивости—дѣти—переходятъ уже всецѣло въ руки государства или общества. Они будутъ рождаться въ соотвѣтствующихъ учрежденіяхъ, а затѣмъ поступаютъ уже всецѣло въ руки призванныхъ воспитателей. Большинство сторонниковъ общественнаго воспитанія настаиваетъ на томъ, что физическое материнство не совпадаетъ съ желаніемъ быть и духовной матерью, и часто мать теперь видитъ большую тяготу въ обязанности воспитанія дѣтей: у ней часто нѣтъ не только умѣнія, но и желанія отдать дѣтямъ свои силы. Всякое общественное воспитаніе неизбѣжно связано съ идеей

---

[1]) „Труды перваго всероссійскаго съѣзда по семейному воспитанію“ т. I, стр. 103.

[2]) Тамъ же, стр. 23.

[3]) См. гл. II. Болѣе подробно *М. М. Рубинштейнъ* «Педагогическія идеи Платона». Вопросы философіи и психологіи, 1914, кн. IV.

радикальнаго освобожденія силъ женщины для общественной и профессіональной работы. Дѣтямъ, такимъ образомъ, совершенно не можетъ быть мѣста въ семьѣ, и они живутъ въ особыхъ домахъ въ опредѣленномъ количествѣ. Такъ какъ роль воспитателей здѣсь съ самаго начала не совпадаетъ съ ролью родителей, то такія учрежденія ихъ противники и окрестили именемъ казармъ.

Оставаясь справедливыми, мы должны, конечно, признать, что съ представленіемъ о такихъ учрежденіяхъ не слѣдуетъ ассоціировать привкусъ всеобъемлющаго казеннаго казаремнаго однобразія, хотя извѣстная доля его окажется совершенно неустранимой. Эти учрежденія можно мыслить и въ видѣ особыхъ дѣтскихъ садовъ, или въ видѣ домовъ ребенка въ духѣ Монтессори, съ тою только разницей, что дѣти поступятъ при радикальномъ общественномъ воспитаніи уже всецѣло въ вѣдѣніе этихъ учрежденій. Во всякомъ случаѣ основной принципъ организаціи общественнаго воспитанія вполнѣ ясенъ: онъ ставитъ на мѣсто семьи опредѣленную общественную организацію и дѣтей въ этомъ случаѣ воспитываютъ въ обществѣ другихъ дѣтей внѣ всякаго обязательнаго отношенія къ кровному родству опытные профессіоналы-воспитатели, оплачиваемые за свой трудъ государствомъ или обществомъ.

У сторонниковъ общественнаго воспитанія есть много справедливыхъ основаній указывать на цѣлый рядъ положительныхъ слѣдствій, къ которымъ должно повести общественное воспитаніе. Чтобы понять такія ссылки, надо просто поглубже вдуматься въ понятіе семьи и въ тотъ тяжкій кризисъ, который она теперь переживаетъ. Эти слѣдствія настолько ясно вытекаютъ изъ создавшагося положенія, на которое мы указали въ предыдущихъ главахъ, что намъ нѣтъ нужды излагать ихъ здѣсь подробно. Апологеты общественнаго воспитанія просто указываютъ на то, что семья теперь утрачиваетъ одинъ за другимъ свои основные педагогическіе элементы, что въ ней, въ той тѣни, которая осталась отъ настоящей семьи, нѣтъ возможности воспитывать дѣтей и, закрывая глаза на дѣйствительность, мы фактически оставляемъ дѣтей просто безъ всякаго организованнаго надзора, т.-е. часто открываемъ широкій просторъ случайнымъ впечатлѣніямъ улицы и случайнымъ воздѣйствіямъ окружающихъ условій.

При общественномъ воспитаніи на мѣсто естественныхъ воспитательныхъ элементовъ выступятъ педагогическіе суррогаты,

но они рисуются сторонникамъ общественнаго воспитанія единственнымъ цѣлесообразнымъ путемъ. Они говорятъ намъ, что въ то время какъ теперь ребенокъ часто отданъ въ массѣ во власть неразумныхъ родителей, неприспособленныхъ къ роли воспитателей, безсильныхъ выполнить ее по всѣмъ условіямъ своей жизни, такъ что поддержка со стороны инстинкта, кровнаго родства сводится къ нулю, при общественномъ воспитаніи дѣти съ первыхъ шаговъ своей жизни всѣ безъ исключенія будутъ созрѣвать подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ умѣлыхъ, подготовленныхъ воспитателей. Пусть ихъ отношенія къ дѣтямъ не будутъ согрѣты любовью, основанной на кровномъ родствѣ, но у нихъ будетъ идейная любовь къ своему дѣлу.

Особенно важнымъ нужно признать тотъ аргументъ, что дошкольный періодъ, какъ мы отмѣтили раньше, пересталъ въ наше время быть періодомъ простого безмятежнаго физическаго выростанія: педагогика энергично подчеркиваетъ громадное значеніе этого періода для всего дальнѣйшаго развитія, какъ духовнаго, такъ и физическаго, и мы не можемъ предоставлять дѣтей въ эту пору ихъ жизни игрѣ случая и родительскаго усмотрѣнія. Кромѣ того, и жизнь все больше и больше требуетъ, чтобы и въ этотъ періодъ уже давать дѣтямъ правильныя свѣдѣнія, удовлетворять ихъ духовныя потребности и постепенно подготовлять незамѣтный переходъ къ школѣ. Такія задачи оказываются совершенно не подъ силу современной массовой семьѣ, ихъ можетъ рѣшить только раціонально проведенное общественное воспитаніе, организованное по всѣмъ правиламъ научной педагогики. Въ этой, такъ сказать, интеллектуальной части организаціи воспитанія общественное воспитаніе занимаетъ по всей справедливости очень сильную позицію.

Намъ далѣе справедливо указываютъ на то, что въ то время какъ раціональная педагогика все больше и больше подчеркиваетъ воспитательное значеніе труда и живого примѣра, семья теперь все больше лишается этого элемента, такъ какъ трудъ родителей переносится на далекія фабрики и заводы; общественное воспитаніе открываетъ широкую возможность поставить на мѣсто этого естественнаго условія искусственный факторъ, потому что всякій дѣтскій домъ можно организовать, какъ маленькую трудовую общину, въ центрѣ которой будетъ стоять

образцовый трудъ взрослыхъ воспитателей. Мы на этомъ пути впервые обрѣтаемъ широкую возможность поставить дѣтей съ ранняго возраста въ положеніе не только потребителей, что крайне вредно дѣйствуетъ на нихъ, но и заставить почувствовать въ себѣ производителей, что является незамѣнимымъ воспитательнымъ факторомъ. Въ этихъ условіяхъ, кромѣ того, мы вырываемъ вообще дѣтей изъ власти всѣхъ тѣхъ случайностей, которымъ подвержены семья и жизнь дѣтей въ ней, въ особенности въ массѣ. Всякій согласится съ тѣмъ, что атмосфера неустойчивости является плохой сферой воспитанія, а между тѣмъ дѣти вынуждены жить всѣми экономическо-соціальными превратностями, черезъ которыя вынуждены проходить семья и взрослые. Только при общественномъ воспитаніи дѣти уйдутъ изъ подваловъ и отравленныхъ смрадомъ, тѣснотой, физическими и духовными грязными испареніями и т. д. условій и попадутъ въ дѣйствительно гигіеническія условія.

Что касается духовно-нравственнаго единства, то оно, повидимому, рисуется радикальнымъ сторонникамъ общественнаго воспитанія такъ, что на мѣсто узко-семейнаго единства, притомъ все болѣе и болѣе уходящаго въ область прошлаго, станетъ у нихъ общественное единство, которое не будетъ уже оставлять мѣста эгоизму, какъ это случается съ семьей, вынужденной въ предѣлахъ своего же общества вести конкурирующую борьбу въ эгоистическихъ цѣляхъ съ другими семьями. Дѣти уже рано начнутъ сживаться съ мыслью объ общественныхъ общихъ интересахъ, они съ дѣтства будутъ неизмѣнно вскармливать въ себѣ стойкій соціальный характеръ, пріучатся къ широкой общественной жизни,—умѣніе, которое семья совершенно не въ силахъ развить. Взамѣнъ нарастающаго неустойчиваго семейнаго единства здѣсь появится широкое, но зато вполнѣ устойчивое общественное единство. Совмѣстная дѣятельность въ широкомъ союзѣ съ равными и приблизительно одновозрастными людьми дастъ очень благопріятную почву для развитія соціальныхъ симпатическихъ чувствъ [1]).

При общественномъ воспитаніи можно было въ значительной степени обезвредить тѣ соціально-экономическія невзгоды,

---

[1]) См. къ этому *Nagy* „Psychologie des kindlichen Interesses“.

которыя приходится нести на своихъ плечахъ въ нашихъ условіяхъ не только взрослымъ, но вмѣстѣ съ ними и дѣтямъ. Въ то время какъ теперь съ обездоленнымъ неудачникомъ или нищенствующимъ отцомъ катится по наклонной плоскости вся семья, и въ дѣтяхъ гибнутъ неповинно и безсмысленно члены будущаго общества, въ то время какъ теперь съ дѣтства поселяется рознь между дѣтьми по ихъ воспитанію и условіямъ ихъ жизни, тогда можно было бы поставить ихъ въ одинаковыя условія и такимъ образомъ открыть просторъ для развитія своихъ духовныхъ и физическихъ силъ наиболѣе цѣннымъ и способнымъ изъ дѣтей. Въ этихъ условіяхъ можно было бы прежде всего въ широкой мѣрѣ парализовать пагубное вліяніе городовъ и городской культуры на дѣтей и выполнить то требованіе, на которомъ настаиваетъ разумная педагогика и къ которому въ сущности съ такой неудержимой силой тянутся сами дѣти: созданіе цѣлесообразной среды и окружающихъ условій, въ первую очередь, выростаніе на лонѣ природы или, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ ней.

При общественномъ воспитаніи открывается также возможность воспитывать не только силами взрослыхъ, но и собственными силами дѣтей. Воспитаніе у родителей оставляетъ слишкомъ мало простора для развитія умѣнія служить себѣ своими собственными силами; тамъ плохо развивается идея цѣлесообразной самопомощи, и на мѣсто принципа „помогай себѣ самъ“ становится постоянная помощь и забота родителей или полная безпомощность и безпризорность. Привычка къ „помочамъ“ глубоко нежизненна. Общественное воспитаніе и тутъ, по мнѣнію его защитниковъ, даетъ возможность развить навыкъ къ самопомощи. Въ этомъ случаѣ можно было бы сослаться на примѣръ практики въ домахъ ребенка Монтессори. Такіе примѣры есть и у насъ, и даже съ дѣтьми изъ чисто-деревенской, мало культурной среды. Блестящее указаніе на возможность проведенія дѣтской самопомощи даже въ глухихъ деревенскихъ углахъ даетъ А. М. Померанцева-Фролова въ докладѣ „Деревня и ея дѣти“ на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ по семейному воспитанію [1]). Г-жа Померанцева-Фролова, устроительница ясель

[1]) Труды съѣзда, т. II, стр. 491 и сл.

и питательныхъ пунктовъ, должна была при скромныхъ средствахъ справляться съ очень большимъ числомъ дѣтей нуждѣ прибѣгла къ помощи старшихъ дѣтей въ роли нянекъ, опытъ неожиданно показалъ ей, что эта мѣра не только осуществима, но и оказываетъ благотворное вліяніе на всѣхъ дѣтей. Крестьянская женщина, конечно, не въ силахъ дать того, что дастъ такая умѣлая идейная руководительница своимъ питомцамъ, потому что для воспитанія дѣтей недостаточно одной родительской любви къ нимъ.

Наконецъ, послѣдній аргументъ, какъ намъ кажется, особенно сильно дѣйствующій во всемъ этомъ вопросѣ, заключается въ томъ, что такимъ путемъ не только дѣти освобождаются отъ гнета семейныхъ случайностей и получаютъ возможность здороваго тѣлесно-духовнаго выростанія, но высвобождаются продуктивныя силы взрослыхъ, особенно женщины, и открывается возможность широкой независимой личной жизни. Эти надежды особенно окрыляютъ радикальныхъ представительницъ женскаго движенія настаивать на общественномъ воспитаніи. Когда передъ ними встаетъ непримиримая дилемма, материнство или профессія, то они отдаютъ предпочтеніе второму ради не совсѣмъ правильно понятыхъ интересовъ своей личности и ея потребностей въ жизни. При этомъ они справедливо указываютъ, что въ массѣ мать и по внѣшнимъ, и по внутреннимъ основаніямъ не можетъ выполнить своихъ обязанностей, а интеллигентныя женщины въ большинствѣ, гдѣ ихъ не отрываетъ отъ семьи профессія, занимаются не воспитаніемъ дѣтей, а часто влачатъ жалкое паразитарное существованіе: онѣ все равно отдаютъ дѣтей въ дѣтскіе сады и ужъ непремѣнно на руки боннамъ и гувернанткамъ, а сами затѣмъ скучаютъ, ищутъ романовъ и флирта, и семья гибнетъ безповоротно. При освобожденіи отъ нежеланной роли воспитательницы и при опредѣленной профессіи будетъ тотъ выигрышъ, что женщина перестанетъ, по крайней мѣрѣ, жить бездѣятельной жизнью, а, можетъ быть, и дѣйствительно найдетъ себѣ удовлетвореніе, какъ личности, и перестанетъ быть тѣмъ живымъ манекеномъ, въ какой ее превращаютъ сплошь и рядомъ современныя условія ея жизни.

VII.

Противъ исключительнаго общественнаго воспитанія.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ положительныя стороны общественнаго воспитанія, на которыя болѣе или менѣе справедливо указываютъ его апологеты. Можно было бы значительно увеличить эти указанія въ детальную сторону, но мы здѣсь ограничимся, соотвѣтственно нашимъ задачамъ, только общимъ очеркомъ.

Поскольку рѣчь идетъ о безпризорныхъ и отвергнутыхъ или брошенныхъ родителями дѣтяхъ, не можетъ быть никакихъ колебаній: они пока что должны быть переданы въ вѣдѣніе общественнаго воспитанія; какъ бы оно плохо ни было, оно всегда лучше, чѣмъ ничто, а тѣмъ болѣе, если оно будетъ организовано такъ, что въ немъ будутъ использованы всѣ положительныя стороны, которыми, безъ сомнѣнія, обладаетъ общественное воспитаніе. Но рѣшаетъ ли это весь вопросъ? Мы глубоко убѣждены, что на этотъ вопросъ надо отвѣтить безусловно отрицательно.

Прежде всего, во всей постановкѣ и задачахъ радикально проведеннаго общественнаго воспитанія кроется одно основное недоразумѣніе. Стоитъ только внимательно вглядѣться въ его сущность, чтобы убѣдиться, что всеобщее общественное воспитаніе въ его цѣломъ радикальномъ видѣ мыслимо только въ не менѣе радикально и всесторонне осуществленномъ соціалистическомъ общественномъ строѣ. Это необходимо хотя бы уже потому, что всѣ дѣти будутъ воспитываться одинаково и будутъ предъявлять государству и обществу совершенно одинаковыя правовыя и соціальныя требованія; далѣе, въ основу этого пути, внѣ всякаго сомнѣнія, должно лечь требованіе открытой лѣстницы образованія и жизненной роли для болѣе одаренныхъ при полномъ равенствѣ, иначе болѣе сильные въ соціальномъ или матеріальномъ отношеніи люди не захотятъ оставить своихъ менѣе или слабо одаренныхъ дѣтей позади. Наконецъ, этотъ путь предполагаетъ въ сущности, если его додумать до конца, полную соціализацію или обобществленіе дѣтей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полное уничтоженіе семьи. Что связь общественнаго

воспитанія съ соціалистическимъ общественнымъ строемъ не случайна, это лучше всего видно изъ того, что проекты общественнаго воспитанія вырастали исключительно на почвѣ соціалистическихъ теорій. Такъ было у Платона, такъ было у Фихте, и наиболѣе пышно расцвѣла эта исторія въ соціалъ-демократическихъ ученіяхъ. Этимъ самымъ уже сказано, что радикальное общественное воспитаніе совершенно неосуществимо въ нашихъ условіяхъ, какъ и вообще весь вопросъ находится въ очень значительной степени въ зависимости отъ крайне сложныхъ соціально-экономическихъ условій. И вотъ тутъ получается странный кругъ: провести общественное воспитаніе въ его радикальномъ цѣломъ видѣ, замѣнивъ имъ семью цѣликомъ, можно только при широко осуществленномъ соціализмѣ, а назначеніе его—бороться съ данными условіями воспитанія и парализовать ихъ губительное вліяніе. Если соціалистическимъ чаяніямъ суждено осуществиться, то жизнь въ семьѣ при сокращеніи рабочаго дня, при наступленіи объективныхъ условій человѣческой жизни для всѣхъ людей, должна вполнѣ оздоровиться и открыть возможность здоровому воспитанію дѣтей въ семьѣ. Когда окажутся подъ руками естественныя средства, никто, конечно, не захочетъ питаться суррогатами.

Во всякомъ случаѣ искренне и до конца проведенное требованіе общественнаго воспитанія понятно только въ соціалистическихъ условіяхъ и въ устахъ соціалиста; иначе оно является плодомъ мало продуманнымъ въ его слѣдствіяхъ, плодомъ безпредѣльнаго личнаго эгоизма и распущенности и желанія безнаказанно свалить со своихъ плечъ слѣдствія своихъ дѣяній, съ прямымъ сознаніемъ гибели ни въ чемъ неповинныхъ существъ—дѣтей.

Требуя радикальнаго общественнаго воспитанія, апологеты его должны естественно предполагать, что ихъ питомцы, воспитанные по человѣчески, въ свѣтѣ, въ теплѣ, уютѣ, въ знаніи, просвѣщеніи и т. д., выйдутъ въ жизнь не въ современныя чудовищныя условія, въ которыхъ они окажутся абсолютно нежизнеспособными, а что они пойдутъ въ новую жизнь. Но кто ее создастъ, тотъ тѣмъ самымъ уничтожитъ и причины, разрушающія семью, и сдѣлаетъ общественное воспитаніе въ его *абсолютной* формѣ ненужнымъ. Къ этому необходимо добавить,

что въ то время какъ общественное воспитаніе требуетъ неизбѣжно соціалистическихъ условій общественной жизни, соціализмъ вовсе не ведетъ необходимымъ образомъ къ общественному воспитанію,—по крайней мѣрѣ, въ его радикальномъ видѣ,—и не только не исключаетъ семейной жизни, но открываетъ для нея перспективу оздоровленнаго существованія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, что соціализмъ обѣщаетъ удалить массу факторовъ, пожирающихъ въ нашихъ условіяхъ благополучіе семьи, какъ-то: поглощающій все дневное время рабочій день, гнетущія мелочныя матеріальныя заботы, невозможность достаточнаго обученія дѣтей и т. д. Какъ говоритъ А. Менгеръ, [1]) „преобразованіе семейнаго права ни въ какомъ случаѣ не можетъ разсматриваться какъ характерная составная часть соціалистическихъ воззрѣній на государство". „Подобно тому какъ во отношенію къ браку народно-трудовое (соціалистическое) государство проявитъ, безъ сомнѣнія, консервативный характеръ, оно сохранитъ также традиціонный порядокъ правовыхъ отношеній между родителями и рожденными въ бракѣ дѣтьми, поскольку право на существованіе и здѣсь не дѣлаетъ необходимыми существенныхъ измѣненій". Интересно, что современную моногамическую форму брака, т. е. остовъ семьи, желали сохранить такіе вожди соціализма, какъ Луи Бланъ, Родбертусъ, Лассаль и Карлъ Марксъ.

Но въ сущности въ педагогикѣ надо считаться съ болѣе близкой дѣйствительностью такъ, чтобы контактъ между цѣлями и возможностью ихъ осуществленія носилъ реальный характеръ, иначе получится подлинная утопія.

Раздумывая надъ тѣмъ тяжелымъ кризисомъ, который внѣ всякаго сомнѣнія, переживаетъ семья, намъ невольно приходитъ въ голову мысль, не совершается ли въ вопросѣ объ органѣ воспитанія „старая исторія", на которую намъ энергично указывала марксистская теорія: глядя на промышленное развитіе, изучая его, констатируя въ результатѣ накопленіе капитала, пролетаризацію и надвигающійся кризисъ, марксисты нарисовали намъ картину измѣненія соціально-экономическихъ условій по

---

[1]) „Новое ученіе о государствѣ", перев. подъ ред. Кистяковскаго, 2 изд., стр. 30 и 167.

направленію къ благодѣтельной хозяйственной катастрофѣ— перевороту, къ соціализаціи средствъ производства. Но таковъ былъ бы естественный ходъ развитія, если бы... если бы мы въ итогѣ учета жизненныхъ условій не стали во время стремиться внести необходимыя поправки въ нарастающую человѣческую бѣду, хотя бы въ видѣ разныхъ нормировокъ, соціальнаго законодательства и т. д. Въ концѣ-концовъ это, вѣдь, такъ же естественно, какъ и первое. Тотъ же характеръ развитія какъ будто рисуется слишкомъ горячимъ апологетамъ общественнаго воспитанія, считающимъ своевременнымъ уже теперь говорить о необходимости радикальнаго проведенія полнаго общественнаго воспитанія. Внѣ всякаго сомнѣнія, у общественнаго воспитанія много положительныхъ сторонъ и въ пользу его частью убѣдительно говоритъ современное положеніе семьи. Но отъ такого справедливаго признанія нѣкоторыхъ положительныхъ сторонъ общественнаго воспитанія еще очень далеко до уже совершенно неоправданнаго односторонняго абсолютированія его и полнаго устраненія семьи отъ миссіи воспитанія дѣтей..

Цѣлый рядъ вѣскихъ основаній заставляетъ насъ рѣшительно выступить противъ устраненія семьи и родителей отъ задачъ воспитанія.

Прежде всего апологеты обсолютнаго общественнаго воспитанія остановились на полпути, гдѣ останавливаться нельзя и откуда нужно додумать до конца важныя слѣдствія, вытекающія изъ института радикальнаго общественнаго воспитанія. Необходимо помнить, что вопросъ объ общественномъ или семейномъ воспитаніи неразрывно связанъ съ необычайно сложнымъ вопросомъ объ упорядоченіи половой жизни, о здоровьѣ, о переселеніи, питаніи и т. д. И вотъ, когда общественное возьметъ дѣтей всецѣло въ свои руки, то естественно, что форма взаимоотношенія половъ должна неизбѣжно радикально измѣниться. Общественники должны будутъ въ корнѣ нарушить постоянство и устойчивость въ взаимоотношеніи половъ. Съ исчезновеніемъ дѣтей исчезаетъ и семья и постоянство связи, такъ какъ сама по себѣ половая связь не претендуетъ на постоянство и ничѣмъ не гарантируетъ его. Женщина, обезпеченная общественной заботой о дѣтяхъ, и мужчина, свободный отъ обязанностей по отношенію къ женѣ и дѣтямъ, вступятъ, внѣ всякаго сомнѣнія,

на колею совершенно произвольныхъ неустойчивыхъ отношеній со всѣми проистекающими отсюда тяжкими слѣдствіями для взращиванія цѣльной человѣческой личности. На этомъ пути неизбѣжно должно возникнуть тяжкое явленіе культурныхъ бродягъ-одиночекъ, не связанныхъ ничѣмъ и не привязанныхъ ни къ чему. Здѣсь рѣчь идетъ уже не о свободѣ, которая есть величайшее благо, но которая вмѣстѣ съ тѣмъ несетъ въ себѣ устойчивость, постоянство, полноту, мотивированность и разумъ, а объ атмосферѣ грубѣйшаго произвола.

Многіе изъ соціалистовъ въ свое время и провозгласили идеалъ „свободной любви". Но здѣсь въ сущности, при вдумчивомъ отношеніи къ вопросу, должна обнаружиться еще одна возможность рѣшенія вопроса о взаимоотношеніи половъ — и при томъ болѣе послѣдовательная съ точки зрѣнія мотивовъ введенія общественнаго воспитанія, чѣмъ первая. Въ самомъ дѣлѣ. Современная наука ясно говоритъ намъ, что истинная педагогика должна видѣть начало воспитанія не только не въ народной школѣ, но даже и не въ дошкольномъ періодѣ. Мы теперь прекрасно знаемъ, какое колоссальное значеніе для здороваго выростанія имѣетъ нормальное вынашиваніе ребенка матерью. Отсюда ясно вытекаетъ требованіе, чтобы при радикально проведенномъ общественномъ воспитаніи женщина въ періодъ беременности поступила подъ строгій общественный контроль. Но необходимо тогда пойти и дальше и отдать себѣ отчетъ, что моментъ зарожденія также крайне важенъ для рожденія и воспитанія нормальныхъ дѣтей и, слѣдовательно, и сюда должно вмѣшаться общество, какъ этого и требовалъ послѣдовательный соціалистъ общественникъ Платонъ. Онъ довѣрилъ правителямъ общества подборъ подходящихъ паръ и этимъ изъялъ интимную жизнь изъ области личнаго усмотрѣнія. Но остается еще одинъ шагъ, также лежащій на этомъ пути: необходимо взяться за подготовку родителей еще до того момента, когда они окажутся способными рождать дѣтей. Въ общемъ итогѣ, если итти до конца по этому пути, игнорируя потребности личности взрослыхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и потребность въ семьѣ и дѣтяхъ, то получится полное уничтоженіе личности; общество кончитъ тѣмъ, что вторгнется въ самые интимные уголки душевной жизни человѣка и сдѣлаетъ его жизнь невыносимой.

Уже здѣсь надъ свободой и самоопредѣленіемъ личности, однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ для насъ благъ, за которымъ, главнымъ образомъ, и гонятся общественники, нависаетъ грозный вопросительный знакъ, опасность полнаго уничтоженія. Но эта опасность увеличивается еще въ слѣдующемъ отношеніи: вѣдь, въ сущности и прогрессизму можетъ привиться тягостный консерватизмъ. Истинная прогрессивность требуетъ только одного, чтобы формы жизни не отставали отъ ея содержанія, но и не опережали его, а были бы съ нимъ въ полномъ соотвѣтствіи. Вотъ этого-то истиннаго прогрессизма въ нашей жизни часто и нѣтъ: консерваторы знать не хотятъ о новой формѣ, радикалы рѣшительно отклоняютъ мысль о долѣ стараго содержанія, хотя о немъ говоритъ дѣйствительность. То же явленіе мы наблюдаемъ въ педагогикѣ. Намъ думается, что общественное воспитаніе въ абсолютной формѣ, устранивъ семью, не найдетъ вѣрнаго пути между крайностями консерватизма и нежизненныхъ новшествъ. Апологеты абсолютнаго общественнаго воспитанія забываютъ, что насиловать можетъ не только семья, но гораздо болѣе опаснымъ и сильнымъ насильникомъ и консерваторомъ можетъ явиться именно общество. Исторія даетъ тысячи такихъ примѣровъ; да это и понятно, потому что новое открываетъ и проповѣдуетъ единица, а общество переходитъ къ нему нерѣдко по мосту изъ сотенъ и тысячъ жизней новаторовъ; потому что общество въ своемъ отношеніи къ человѣку будетъ всегда несравненно болѣе разсудочно и холодно, чѣмъ семья.

Но вопросъ долженъ быть поставленъ еще острѣе. Проведеніе абсолютнаго общественнаго воспитанія по силамъ только государству, которое мыслится общественниками въ идеальной формѣ и сливается въ добромъ единствѣ съ обществомъ, т. е. опять таки уже предполагается тотъ совершенный порядокъ и тѣ совершенные граждане-люди, ради которыхъ и вводится общественное воспитаніе. Платонъ съ этого и началъ: онъ прямо говоритъ объ идеальномъ государствѣ. Но пусть такъ. Такое государство во всякомъ случаѣ также не можетъ предоставить каждой общественной ячейкѣ вести воспитаніе по своему, потому что это создастъ полный разбродъ и взаимное непониманіе и отчужденность будущихъ людей. Наоборотъ, скрыто или

явно общественники всегда предполагаютъ обладаніе педагогической истиной, которая должна опредѣлить весь ходъ воспитанія. Если этой истиной будетъ идея въ точномъ смыслѣ „свободнаго" воспитанія, т. е. абсолютно несвязаннаго самовыявленія, то она поведетъ къ полной анархіи въ дурномъ смыслѣ и по существу все-таки откроется широкій просторъ воздѣйствію, но только воздѣйствію неорганизованному, туманному, а потому и пагубному. На самомъ дѣлѣ предоставить ребенка абсолютному самовыявленію значитъ выбросить его на произволъ грубѣйшихъ случайностей, потому что онъ можетъ справиться съ ними только при чужой помощи или когда силы его созрѣютъ. До истинной свободы надо дорости и воспитаться.

Но этотъ путь въ сущности увлекаетъ только узкіе круги педагогическихъ утопистовъ. Правильнѣе предположить другое. Наиболѣе послѣдовательные изъ абсолютныхъ общественниковъ прямо поручаютъ задачу воспитанія государству. Но мы должны напомнить сторонникамъ этого пути, которымъ рисуется перспектива полной свободы и индивидуализаціи воспитанія, что какъ организованное общество, такъ въ особенности государство являются правовыми учрежденіями и потому они всегда будутъ опираться, гдѣ это понадобится, на принужденіе и власть; у нихъ совершенно неизбѣжны твердо выкованныя правила и правопорядокъ. „Государство есть организація, т. е. *союзъ, устроенный и живущій на основаніи обязательныхъ правилъ*... Основное полномочіе государства есть *полномочіе на власть*" [1]). Обладая опредѣленной идеей, общество-государство будетъ тѣмъ болѣе энергично подчинять ей всѣ начинанія, что оно неизбѣжно должно стремиться къ установленію тѣснаго сплоченнаго единства во множествѣ своихъ гражданъ. Какъ общество, такъ и государство значительно менѣе склонны мириться съ нарушеніями установленнаго порядка и новшествами, чѣмъ семья. Конфликтъ изъ-за нихъ въ семьѣ будетъ разрѣшаться домашнимъ способомъ, иногда болѣе грубымъ, но всегда болѣе допускающимъ возраженія и противодѣйствіе. То же самое будетъ и съ общественнымъ воспитаніемъ: оно слишкомъ сложная и мало подвиж-

---

[1]) *И. А. Ильинъ*. „Общее ученіе о правѣ и государствѣ", въ „Основахъ законовѣдѣнія", 4 изд. Думнова, М. 1915, стр. 72 и 74.

ная машина, чтобы былъ возможенъ и былъ допущенъ простой переходъ къ новому, возможный въ семьѣ. Каждый знаетъ, что семья, какъ ячейка, легче рискнетъ на новый опытъ, легче можетъ приноровиться къ новому, чѣмъ общество и государство, для которыхъ это всегда является колоссально трудной задачей. Да и семья легче отразитъ и почувствуетъ новыя вѣянія жизни. Вотъ почему мы думаемъ, что при наличности семьи легче будетъ пробиться новому. А объ этомъ приходится думать, потому что мы, смертные, никогда не будемъ обладать непогрѣшимой вѣчной истиной и намъ надо всегда считаться съ возможностью перехода къ слѣдующему этапу. Только при объединеніи семьи и общества мы избѣгнемъ опасностей консерватизма и нежизненнаго новаторства: семья и общество будутъ уравновѣшивать другъ друга.

Что общественное воспитаніе не только не гарантируетъ индивидуальности и абсолютной свободы самоопредѣленія, а наоборотъ введетъ тягостное принужденіе, это лучше всего видно изъ теорій Платона, Фихте и другихъ общественниковъ. Можно съ увѣренностью сказать, что оно должно будетъ даже *начать* съ принужденія, какъ это дѣлаютъ Платонъ и Фихте. Оно должно будетъ повести къ установленію *закона*, что родители лишаются права на дѣтей и дѣти должны немедленно поступать въ общественное вѣдѣніе. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ началѣ, и позже въ безчисленныхъ случаяхъ будетъ оказано яростное сопротивленіе, что отрывъ дѣтей будетъ понятъ, какъ тягчайшее посягательство на неотъемлемыя права человѣка. Вмѣсто свободы и индивидуализаціи въ перспективѣ, такимъ образомъ, появляется опасность угнетенія и постриженія всѣхъ подъ одну общественную гребенку.

Какъ ни тяжело въ этомъ сознаваться, а, очевидно, буржуазно-капиталистическій хозяйственный строй незамѣтно пропиталъ и мысли тѣхъ, кто сознательно стремится къ его полному уничтоженію. Иначе трудно понять такое выраженіе, какъ характеристика материнскаго инстинкта, какъ „пережитка“ [1]). Это даже для нашего времени черезчуръ щедрая дань общему уклону

---

[1]) Труды перваго всерос. съѣзда по семейному воспитанію, т. II стр. 483.

къ фабричному производству. Идея общественнаго воспитанія въ ея *полной* радикальной формѣ является въ значительной степени дѣтищемъ разсудочно-машиннаго вѣка и производства en gros. Она стала возможной только на почвѣ индустріальной эпохи и вскормлена ею. Тѣмъ болѣе странное впечатлѣніе получается, что она нашла себѣ самыхъ горячихъ сторонниковъ въ рядахъ непримиримыхъ враговъ буржуазно-промышленнаго уклада, какъ у соціалистовъ, такъ и у лицъ, напримѣръ, съ толстовскими идеалами. Но мы не поклонники того, что создала и создаетъ эта эпоха, и намъ совсѣмъ не пристало узаконять ея слѣдствія. Въ числѣ ихъ находится и разрушеніе семьи.

Въ числѣ прямыхъ слѣдствій педагогическаго фабричнаго производства, при условіи полнаго отстраненія семьи отъ воспитанія, явится умерщвленіе живого и личнаго фактора, напоеннаго сложной гаммой родственныхъ чувствъ и основанныхъ на нихъ переживаній. Всякое общественное учрежденіе, какъ бы оно совершенно ни было, будетъ всегда заключать въ себѣ неустранимый *безличный* элементъ. Хотя всѣ общественныя единицы, какъ утверждаетъ исторія культуры, развились такъ ли иначе, прямо или косвенно изъ семьи, но онѣ настолько разрослись, что ушли уже очень далеко отъ интимнаго личнаго характера семьи. Та же зависимость ихъ отъ семьи, какъ отъ своего первоначальнаго источника, подчеркиваетъ лишній разъ необходимость семьи для ихъ нормальной жизни [1]). Намъ прежде всего представляется, что общественное воспитаніе, какъ единственная форма воспитанія, неминуемо пойдетъ рѣзко разсудочнымъ путемъ, холоднымъ, построеннымъ, можетъ быть, по послѣднему слову педагогической науки, но все-таки лишеннымъ живого духа кровной человѣческой любви, оперирующей незамѣнимыми воспитательными факторами, чутьемъ и чувствомъ. Лишенное тепла согрѣвающаго чувства родственныхъ связей, общественное воспитаніе легко можетъ привести къ атомизаціи, къ раздробленію людей, мало способствуя вмѣстѣ съ тѣмъ и

[1]) См., напримѣръ, *Липперта* „Исторія культуры", стр. 146: „Ясно *огромное* значеніе семьи для *всѣхъ* организацій человѣчества: однѣ вышли непосредственно изъ нея, другіе образовались изъ подражанія и заимствованія ея чертъ".

индивидуализаціи, потому что учрежденіе какъ учрежденіе всегда будетъ придерживаться извѣстной средней колеи. Этотъ атомистическій распадъ, какъ мы уже отмѣтили раньше, ярко проявился въ нашей общественной жизни: весь укладъ нашей жизни выноситъ человѣка на широкій просторъ общественной жизни, гдѣ человѣкъ часто чувствуетъ себя болѣе одиноко, чѣмъ въ пустынѣ; чувство субъективной оторванности, какъ извѣстно, нигдѣ не устанавливается съ такой силой, какъ на фонѣ объективныхъ связей, господствующихъ въ современномъ человѣчествѣ. При чрезмѣрно разросшемся обществѣ личность легко утрачиваетъ конкретное чувство своей близкой принадлежности къ нему и своей близкой связи съ нимъ; этимъ объясняется то, что современные люди нерѣдко въ такой тяжкой степени испытываютъ чувство одиночества, хотя ихъ окружаютъ тысячи подобныхъ имъ людей, принадлежащихъ къ тому же обществу.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ выводу, что и у исключительнаго общественнаго воспитанія неизбѣжно будутъ очень крупные недостатки, не говоря ужъ объ утопичности его проведенія. Главный недостатокъ его сводится въ общемъ къ тому, что въ немъ обнаруживается рѣзкое преобладаніе интеллектуализма, голой разсудочности. Апологеты этой идеи готовы по пальцамъ перечесть, что нужно дѣтямъ, и забываютъ о томъ, о чемъ говорилъ Песталоцци и на что указываетъ на каждомъ шагу сама живая жизнь: у дѣтей имѣются тысячи оттѣнковъ переживаній и потребностей, которыя совершенно не поддаются научному разсудочному учету и открываются только тонкому чутью и такту матери, потому что между ней и ея дѣтьми протянуты миріады невидимыхъ нитей, сотканныхъ инстинктомъ и кровной связью; когда ребенокъ еще не владѣетъ рѣчью, между нимъ и его матерью уже идетъ тотъ безмолвный діалогъ, о которомъ говорилъ Песталоцци и который нельзя замѣнить никакими разсужденіями и интеллектуальными средствами. Мы не должны ни на минуту забывать, что интеллектуализмъ является основнымъ грѣхомъ нашей школы, что мы слишкомъ много думаемъ о головѣ нашихъ питомцевъ и черезчуръ легко забываемъ объ ихъ сердцѣ и волѣ, а между тѣмъ оба эти фактора имѣютъ первостепенное значеніе для всей сферы воспи-

танія, даже для интеллектуальнаго воспитанія [1]). Исключительное же общественное воспитаніе безсильно сдѣлать много въ этомъ отношеніи. Въ постоянныхъ рѣчахъ объ умѣломъ и знающемъ воспитателѣ кроется огромное недоразумѣніе: во-первыхъ, непрерывныя указанія и постоянный — видимый или невидимый, безразлично,—контроль и руководство далеко не всегда желательны, а общественныя учрежденія неминуемо должны будутъ пользоваться ими очень широко; во-вторыхъ, надежды на то, что всемогущая научная педагогическая психологія детально освѣтитъ намъ всѣ закоулки дѣтской души, должны быть признаны безусловно преувеличенными; тактъ и чутье должны предполагаться всегда [2]); мы знаемъ, что ученый психологъ можетъ иногда оказаться очень не блестящимъ знатокомъ человѣческой души внѣ своего кабинета въ живой дѣйствительности и въ живомъ общеніи. Такимъ образомъ, наука—важная помощь, но по отношенію къ человѣческой душѣ она вовсе не является ключомъ ко всѣмъ замкамъ и не замѣнитъ того чутья, которое дается кровною связью и материнской любовью. Поэтому намъ представляется глубокимъ заблужденіемъ ожиданіе, что тѣ же люди въ массѣ учителей и воспитателей, ставъ не родителями, а воспитателями *чужихъ* дѣтей, прозрѣютъ и будутъ обладать абсолютной истиной и абсолютно истинными методами воспитанія. Геніевъ педагоговъ и при общественномъ воспитаніи будутъ немного, а масса отъ одной науки не станетъ идеальными воспитателями; между тѣмъ абсолютное общественное воспитаніе по всему его складу должно предполагать ихъ.

Но намъ скажутъ: пусть педагоги „Божьей милостью" рѣдки, но, вѣдь, и родители „Божьей милостью", идеальные родители рѣдки, и у семьи, значитъ, получается то же положеніе? Это правильно, но правильно только отчасти: и въ семьѣ возможны ошибки и ошибки крупныя, но тамъ, во-первыхъ, разсудку приходитъ на помощь чувство и инстинктъ, а, во-вторыхъ, родительскія ошибки никогда не будутъ учтены дѣтьми съ той безпощадной строгостью, какъ ошибки чужихъ людей. Тамъ, гдѣ

---

[1]) См. *М. М. Рубинштейна*, „Очеркъ педагогической психологіи въ связи съ общей педагогикой", (3 изд. М. 1918) гл. о памяти, мышленіи, волѣ и др.

[2]) См. тамъ-же ч. I-ая и гл. объ экспериментальномъ методѣ.

родителямъ поможетъ инстинктъ, кровная связь и любовь, абсолютные общественники окажутся слѣпыми и безпомощными. Въ чемъ общественное воспитаніе безусловно сильно и значительно сильнѣе семьи, это область *сознательно-разсудочнаго* воздѣйствія на дѣтей, лучше всего поддающагося научно-педагогическому изученію. Но эта область преобладаетъ въ обученіи, но не въ воспитаніи, гдѣ она занимаетъ второстепенное мѣсто. Въ области эмоціонально-волевого воспитанія здоровая семья оказывается совершенно незамѣнимой. Только черезъ нее и можетъ установиться настоящее неподдѣльное чувство жизни у дѣтей.

VIII.

Въ защиту семейнаго воспитанія.

Громадную силу семьи, несмотря на всѣ ея слабости и даже современную надорванность, составляетъ то, что она живетъ *естественной, органической* связью ея членовъ. Члены семьи связаны массой общихъ жизненныхъ интересовъ, кровнымъ родствомъ, наслѣдственностью, группой сходныхъ чертъ, привычекъ, склонностей, инстинктовъ; поэтому они легче могутъ понять другъ друга,—даже безъ словъ, безъ разсужденій.

Вл. Соловьевъ былъ глубоко правъ, причисляя [1]) семью къ разряду *естественныхъ* группъ, реально расширяющихъ жизнь личности. Только то, что дала намъ природа, какъ естественное, мы въ культурѣ должны обратить въ нравственно-облагороженный факторъ. Въ семьѣ, по его мнѣнію, находитъ свое воплощеніе крѣпкая неразрывная связь человѣчества, его прошлое, настоящее и будущее... „Почитаніе предковъ и основанное на немъ семейное воспитаніе побѣждаютъ безнравственную рознь и возстановляютъ нравственную солидарность людей въ порядкѣ времени или *послѣдовательности* бытія“ [2]). Это то, чего общественное воспитаніе дать не можетъ.

---

[1]) Собр. соч. VII. стр. 420, „Оправданіе добра“.

[2]) Тамъ же, стр. 433.

Прошлое и будущее человѣчества внѣ кровныхъ связей слишкомъ отвлеченны, чтобы ихъ могъ реально почувствовать человѣкъ массы, а тѣмъ болѣе дѣти. Притомъ суетливая бездушная промышленная жизнь пропитана насквозь холоднымъ разсчетомъ, не знаетъ жалости и сама по себѣ безучастна къ живому личному переживанію человѣка; она всегда склонна, если не смягчается иными факторами, обращать человѣка въ средство, въ матеріалъ. На этой почвѣ люди могутъ очень легко утратить всякую связь между собою. Въ то время какъ широкая общественная жизнь безпрепятственно выводитъ на почву голой борьбы за существованіе, семья способна сохранить въ себѣ свою основную альтруистическую струю. Родители, трудящіеся для дѣтей и болѣющіе за нихъ, даже несмотря на всѣ свои промахи, даютъ дѣтямъ живой и дѣйствительный урокъ альтруизма, какъ бы внѣдряя въ ихъ сознаніе обязанность явить человѣческія чувства къ своимъ будущимъ дѣтямъ, а черезъ нихъ и ко всѣмъ другимъ людямъ. Эта воспитательная черта семьи пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе въ наше разрозненное и бездомовое время, какъ оно проявлялось еще недавно до современныхъ катастрофическихъ событій.

Громаднымъ преимуществомъ семьи при всѣхъ ея современныхъ недостаткахъ является свѣжесть и непосредственность передачи человѣческаго опыта. По крайней мѣрѣ, въ принципѣ въ ней всегда живетъ эта возможность, способная претвориться въ дѣйствительность, какъ только человѣкъ хоть немного высвободится изъ тисковъ нашей хаотической хозяйственной жизни. Здѣсь мы встрѣчаемся съ мыслью, которую намъ хотѣлось бы подчеркнуть особенно. Эта мысль заключается въ утвержденіи, что „любовь къ дальнему", о которой такъ красиво говорилъ Ницше и его поклонники, остается пустымъ, ничего не значащимъ словомъ, если мы не пробиваемся къ ней черезъ любовь къ ближнему. Любовь къ дальнему принимаетъ настолько отвлеченный характеръ, что лишается всякихъ слѣдовъ плоти и крови живого явленія и уже никогда не будетъ въ силахъ согрѣть человѣческое сердце и подвинуть его на истинно человѣческое дѣло. Чтобы любить дальнее, надо растворить своей любовью тотъ ледъ, который лежитъ вблизи насъ. Иного пути быть не можетъ. Общечеловѣческіе идеалы только тогда пре-

творяются въ огромную реальную силу, когда они обязываютъ насъ въ нашемъ отношеніи къ ближнему. Полюбить человѣка вообще въ идеѣ нельзя иначе, какъ полюбивъ того Ивана, Петра и т. д., которые живутъ вокругъ меня, какъ бы сѣры они ни были... И это особенно надо принять во вниманіе въ данномъ случаѣ, въ особенности когда рѣчь идетъ о дѣтяхъ. Нельзя ихъ научить полюбить человѣчество, если они не пережили этого чувства въ узкомъ кругѣ своихъ близкихъ. Общество сильно, какъ общество, какъ единство, только тогда, когда оно можетъ болѣе или менѣе безпрепятственно смотрѣть на себя какъ на семью, на своихъ согражданъ, какъ на братьевъ, составляющихъ одну семью.

Тѣмъ, кто говоритъ объ исключительномъ общественномъ воспитаніи, необходимо строго принять во вниманіе слѣдующія соображенія: человѣчество и народъ, общество и составляющая его масса, какъ и его учрежденія, являются слишкомъ *обширными* организаціями, въ которыхъ отдѣльный индивидъ можетъ легко затеряться и въ которомъ крайне трудно уловить связь людей между собой, между тѣмъ какъ въ семьѣ эти связи выявляются на конкретной родственной связи и поддерживаются мощнымъ факторомъ—инстинктомъ. Если уже взрослому въ жизни важно не утрачивать этихъ связей, если уже ему не легко реально и сильно почувствовать народныя и общечеловѣческія связи, то что же сказать о дѣтяхъ. Они мыслятъ ярко *конкретно*, и отвлеченныя невидимыя, слишкомъ широкія чтобы быть замѣтными и чувствоваться, общечеловѣческія, народныя или общественныя связи или вовсе останутся внѣ ихъ горизонта, или же какъ нѣчто отвлеченное не смогутъ оказать на дѣтей достаточно ощутимаго вліянія; при отсутствіи поучительнаго переживанія конкретныхъ семейныхъ связей, дѣти будутъ вырастать своего рода бродягами, и общество неминуемо пойдетъ по пути самаго страшнаго саморазрушенія. Общество пріобрѣтетъ въ нихъ страшныхъ бездушныхъ сочленовъ, лишенныхъ благъ, которыя можетъ дать только семья и родительская, особенно материнская любовь, жизнь въ тѣсномъ кругѣ близкихъ, общеніе на почвѣ кровнаго родства, единства интересовъ и т. д. При этомъ намъ думается, что постоянная жизнь на чужихъ людяхъ едва-ли окажется благотворнымъ факторомъ

для воспитанія у дѣтей сосредоточенности, самоуглубленія Сильный ядъ постоянной публичности можетъ отравить ихъ душу и сдѣлать изъ нихъ поверхностныхъ людей, способныхъ плыть только по поверхностному теченію общественнаго одобренія. Семья даетъ больше возможности заглянуть въ свою собственную душу. При общественномъ воспитаніи дѣтямъ придется въ большинствѣ случаевъ жить съ наглухо закрытой душой, потому что кругомъ будутъ все-таки чужіе. Указанія на дружбу и довѣріе мало убѣдительны, такъ какъ родители нормально никогда не откажутся отъ своихъ дѣтей, а дружба и довѣріе къ чужимъ создаются съ большимъ трудомъ и рушатся чрезвычайно легко, особенно у дѣтей. У семьи и здѣсь огромное преимущество.

Изъ того, что современная семья пришла въ упадокъ, нельзя дѣлать вывода, что ее нужно устранить совсѣмъ[1]).

Только конкретная, въ дѣйствительности переживаемая семейная связь съ людьми, использующая естественный мощный факторъ родственной связи, можетъ поселить жизненное пониманіе и реальное ощущеніе и общенародныхъ и общечеловѣческихъ связей. Воздѣйствіе семьи сплетается изъ такихъ мелочей, незамѣтныхъ и какъ будто незначительныхъ, что разсудокъ ихъ не можетъ учесть и не въ силахъ замѣнить искусственными мѣрами.

Какъ отвлеченны и трудны для усвоенія общенародныя и общечеловѣческія связи, это показываетъ лучше всего сама наша широкая общественная жизнь. Она намъ на каждомъ шагу показываетъ, какъ люди, способные проявлять честное и

---

[1]) Черезчуръ сгущая краски въ своей защитѣ семьи, извѣстный политико-экономъ *Шмоллеръ* говоритъ въ своемъ трудѣ „Grundriss der allgemeinen Wirtschaftslehre“ (1900 г.), стр. 251 и сл.: „Кто посылаетъ каждаго голоднаго въ ресторанъ, каждую роженицу въ родильный пріютъ, каждаго ребенка съ рожденія и до наступленія зрѣлости въ воспитательное учрежденіе, тотъ превращаетъ общество въ толпу ищущихъ наслажденія эгоистическихъ бродягъ, большинство которыхъ въ виду своего нервнаго разстройства и перевозбужденія являются кандидатами въ домъ сумасшедшихъ“. См. также интересную статью рѣшительнаго противника общественнаго воспитанія *Г. Спенсера* „Объ общественномъ воспитаніи“ въ его „Педагогическихъ статьяхъ“, изд. Школа и жизнь.

гуманное отношеніе другъ къ другу, въ своемъ отношеніи къ обществу и человѣчеству легко покидаютъ почву человѣческаго отношенія. Безпросвѣтную картину открываютъ намъ, напримѣръ, международныя отношенія: мы иногда, прочитывая газеты, возмущаемся, но все это заслоняется отъ насъ безличнымъ числомъ, напримѣръ, погибшихъ или пострадавшихъ и абсолютно не можетъ итти въ сравненіе съ тѣмъ состраданіемъ и сочувствіемъ, которое проявляемъ мы, когда изъ-за бездушнаго числа начинаютъ вырисовываться конкретные контуры болѣе близкихъ или знакомыхъ намъ людей и интересовъ, а тѣмъ болѣе, если все это протекаетъ на нашихъ глазахъ. Въ первомъ случаѣ возможно даже отношеніе, временами граничащее съ полнымъ безучастіемъ. Въ международныхъ отношеніяхъ, культурная Европа терпитъ до сихъ поръ свирѣпыя жестокости, какъ война, знаетъ такіе факты, напримѣръ, какъ вырѣзываніе армянъ, погромы евреевъ, разграбленіе Бельгіи и т. д.

Но въ сущности болѣе или менѣе аналогичное явленіе наблюдается и во внутренней жизни культурнаго народа и общества. На нашихъ глазахъ живутъ и медленной смертью гибнутъ или влачатъ жалкое существованіе тысячи и тысячи голодныхъ и оборванныхъ безпріютныхъ людей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и большинство живетъ въ этой атмосферѣ, не испытывая никакого чувства тревоги или малѣйшихъ угрызеній совѣсти. Большинство ограничивается тѣмъ, что отдаетъ имъ остатки со своего богатаго стола, а то и вовсе ничего не даетъ. Иную картину являетъ семья или отношенія, основанныя на кровной родственной связи. Тамъ всѣ основанія говорятъ за то, что въ нея никогда не отнесутся такъ безжалостно, какъ къ чужимъ, совѣсть и чувство должны будутъ заявить рѣшительный протестъ, здѣсь несравненно легче пробудиться сочувствію и состраданію. Увидѣть чужого въ положеніи нищаго или своего родного, близкаго человѣка съ просящей протянутой рукой въ дѣйствительности для человѣка обозначаетъ далеко не одно и то же, потому что во второмъ случаѣ отвлеченный принципъ, говорящій, главнымъ образомъ, только уму, одѣвается уже въ плоть и кровь и краснорѣчиво говоритъ волѣ и чувству и предъявляетъ къ нимъ рѣшительное требованіе: „Выйти изъ положенія безучастнаго, посторонняго зрителя. Недостаточно

сочувствія, твой безусловный долгъ—оказать дѣятельную помощь!" Сколько нищихъ дѣтей осаждаетъ васъ въ большомъ городѣ на каждомъ шагу и сколько равнодушія со стороны прохожихъ! И представьте себѣ, что въ одномъ изъ этихъ маленькихъ безпризорныхъ паріевъ вы узнали бы вашего сына, дочь, племянника,—однимъ словомъ, родного. Какъ бы измѣнилась вся картина! Здѣсь бы не помогла на ходу брошенная копейка: это произвело бы на васъ потрясающее впечатлѣніе... Пусть эта потребность человѣка въ конкретномъ посредникѣ даже въ такой области, какъ требованіе любви къ ближнему, есть человѣческая слабость, но она есть и существуетъ въ особенности у дѣтей. Мимо нея мы пройти не можемъ. Переживаніе конкретной семейной связи является единственнымъ мостикомъ къ насажденію чувства связи съ обществомъ, народомъ и человѣчествомъ; всѣ они должны мыслиться—по крайней мѣрѣ, у дѣтей—по аналогіи съ семьей.

Мы уже раньше указывали, что только въ семьѣ трудъ могъ бы конкретно и ощутимо, не отвлеченно освятиться своими плодами. Этимъ объясняется то, что великій педагогъ, Генрихъ Песталоцци, уже наблюдавшій промышленное развитіе и его слѣдствія и видѣвшій колоссальное крушеніе семьи, безпризорныхъ, одичалыхъ дѣтей, нищенствующихъ родителей и т. д., тѣмъ не менѣе не далъ загипнотизировать себя видомъ разрушенной и разрушающейся семьи. Онъ беретъ принципъ семейнаго воспитанія первымъ и послѣднимъ словомъ педагогики въ „Христофѣ и Эльзѣ", онъ опредѣленно указываетъ основанія этого своего убѣжденія, взгляда на семью, какъ на подлинный органъ воспитанія: семья учитъ при помощи *живого*, жизненно нужнаго, а не придуманнаго, суррогативнаго *дѣла*, учитъ дѣломъ, а не словомъ. Тутъ нѣтъ нужды говорить: ты долженъ, напримѣръ, любить людей,—то самое „долженъ", которое такъ развращаетъ; когда оно только словесное требованіе,—нѣтъ смысла говорить: ты долженъ, потому что есть вскормленная семьей и кровною связью любовь къ отцу, матери, къ братьямъ и сестрамъ, а черезъ нихъ легче пройти къ другимъ людямъ. Нѣтъ необходимости твердить: „ты долженъ трудиться, работа даетъ хлѣбъ и т. д", потому что трудятся отецъ и мать, потому что сама жизнь *безыскусственно* и безъ

словъ учитъ тутъ въ безопасной формѣ всему, что необходимо. Слово въ этомъ случаѣ только дополненіе и, падая на распаханную жизнью почву, оно уже производитъ совершенно иное впечатлѣніе.

Такова животворная незамѣнимая сила той группы чувствъ, которая мыслима только въ семьѣ и черезъ семью. Намъ думается, что мало привлекательная картина современныхъ воспитательныхъ учрежденій въ родѣ институтовъ, кадетскихъ корпусовъ, пансіоновъ и т. д. объясняется не только несовершенствомъ ихъ организаціи и недостатками педагогическаго персонала, но также и отсутствіемъ той живой струи жизни, которая должна отсутствовать во всякомъ такомъ общественномъ воспитаніи и которую можетъ внести только семья.

Жизненная семья можетъ стать первостепенной нравственной опорой, особенно въ нашихъ запутанныхъ условіяхъ, гдѣ часто бываетъ такъ трудно рѣшить, особенно дѣтямъ, что можно и чего нельзя. Она заставитъ иногда кандидата въ преступники увидѣть въ чужомъ старикѣ, объектѣ намѣчающагося проступка, своего отца; глядя на женщину, питать къ ней не только дурные помыслы, но и заставить его мысль унестись къ воспоминанію о своей матери, сестрахъ и т. д. Общественному воспитательному учрежденію всегда будетъ недоставать теплоты и естественности семьи, въ немъ всегда будетъ доля разсудочности и холодности. Нормальная семейная жизнь можетъ явиться лучшимъ противоядіемъ отъ дурныхъ нравовъ. Въ современныхъ нареканіяхъ на семью дѣлается явно нелогичный и несправедливый выводъ; въ нихъ говорятъ: въ жизни современной молодежи много печальныхъ фактовъ, слѣдовательно, семья плохая воспитательница. Но, вѣдь, извѣстно, что разладъ въ семью внесли болѣе широкія общественныя условія, а вмѣстѣ съ тѣмъ сама молодежь и другіе устанавливаютъ, что все зло порождается разрывомъ съ семьей, порываніемъ связей съ ней: но въ такомъ случаѣ напрашивается еще иной выводъ: *семья—такой положительный факторъ, отъ котораго въ воспитаніи нельзя оторваться безнаказанно.*

Мы не можемъ не упомянуть здѣсь объ одной маленькой, но вмѣстѣ съ тѣмъ характерной частности. Сами дѣти съ поразительной ясностью и разграниченіемъ оцѣниваютъ одно и

то же воздѣйствіе со стороны родителей и чужихъ людей: то, что легко и безслѣдно прощается первымъ, то оцѣнивается часто какъ жестокая, незабываемая обида со стороны вторыхъ. Маленькій примѣръ. Гимназистъ младшихъ классовъ возбужденно разсказываетъ за обѣдомъ по возвращеніи изъ гимназіи, что по словамъ ихъ преподавателя нѣмцы-учителя бьютъ учениковъ. Отецъ подтвердилъ это съ нѣкоторыми существенными оговорками и, чтобы вызвать сына на дальнѣйшія объясненія, добавилъ: да, это тяжелое и безобразное явленіе, а все-таки что-же дѣлать, если школьники совершаютъ безобразные поступки и не слушаютъ словесныхъ увѣщаній. На это получился твердый и убѣжденный отвѣтъ: „когда это сдѣлаетъ отецъ или мать, это все ничего, но чужой человѣкъ, хотя и учитель, не имѣетъ права, никогда; пусть онъ, если ужъ нужно, скажетъ отцу, а не такъ. Свои-другое дѣло".

IX.

Цѣнность семейныхъ связей для дѣтей и взрослыхъ.

Любовь къ родителямъ и любовь къ дѣтямъ—это, безспорно, великія, очеловѣчивающія средства. Холодный разсудокъ, не согрѣтый и не уравновѣшенный теплымъ органически связующимъ чувствомъ на почвѣ семьи, можетъ превратиться въ самаго опаснаго разрушителя и врага человѣчества, какого только можно себѣ представить.

Любовь къ родителямъ важна для людей по тѣмъ основаніямъ, на которыя мы уже указали раньше: черезъ любовь къ семьѣ мы приходимъ къ любви къ своему народу, обществу, человѣчеству. Но не только эти объективныя основанія говорятъ въ пользу сохраненія неразрывной связи между родителями и дѣтьми. Въ этихъ отношеніяхъ кроется въ положительномъ случаѣ неисчерпаемый источникъ положительныхъ переживаній, возможности того, что справедливо называется „золотой порой дѣтства". Даже въ отрицательныхъ условіяхъ любовь къ отцу и матери заставляетъ значительно смягчать тяжелый характеръ жизненныхъ обстоятельствъ и отношеній, любовь даетъ силы отыскивать всякія возможныя и невозможныя оправдывающія

или, по крайней мѣрѣ, извиняющія обстоятельства. Общественное воспитаніе никогда не будетъ въ силахъ замѣнить эту интимную, не поддающуюся разсудочному учету огромную положительную силу любви къ отцу и особенно къ матери. Вспомнимъ просто въ большинствѣ случаевъ свои собственныя переживанія, чтобы понять, что разсудокъ тутъ не въ силахъ понять, разсказать и замѣнить самаго главнаго. Это то, что даетъ только чувство любви, чувство кровной органической связи. Правильно отмѣчаютъ, что „каждый кусокъ хлѣба, съѣдаемый ребенкомъ, если ему даетъ его любящая мать, становится для развитія любви въ дитяти и его дѣятельности совсѣмъ инымъ, чѣмъ если бы онъ нашелъ этотъ кусокъ на улицѣ или получилъ изъ чужихъ рукъ“ [1]). Объясненіе этого кроется отчасти въ томъ, что этотъ кусокъ хлѣба перестаетъ быть безличнымъ объектомъ и оказывается напоеннымъ трудомъ и соками живого близкаго человѣка. Къ этому присоединяется еще и то, что многія и многія свои дѣйствительныя нужды и потребности маленькія дѣти не только не могутъ высказать, но и не могутъ ясно осмыслить ихъ. Чужой человѣкъ даже во всеоружіи педагогическаго знанія и любви къ дѣтямъ никогда не пойметъ ихъ такъ, какъ ихъ отгадаетъ мать, и при томъ раньше, чѣмъ ихъ замѣтилъ самъ ребенокъ, потому что ей помогаютъ настоящій неподдѣльный природный инстинктъ и материнское чутье. Только мать можетъ дать настоящую осчастливливающую ласку и привѣтъ и сердцемъ подмѣтить, когда въ ея участіи чувствуется жизненная нужда.

Всѣ эти соображенія по поводу того, какъ нужна дѣтямъ семья и особенно мать, находятъ яркое подтвержденіе въ томъ, что естественное материнское кормленіе грудью оказывается почти всегда несравненно лучше, чѣмъ искусственное питаніе, а тѣмъ болѣе суррогатами, которые даютъ часто хилыхъ людей. Одинъ авторъ, извѣстный врачъ,—кстати сказать, защищающій точку зрѣнія общественнаго воспитанія, даетъ [2]) въ освѣщеніи дѣтской смертонсти факты и цифры, заставляющія рѣшительно

---

[1]) Труды 1-го всеросс. съѣзда по семейному воспитанію, т. I, стр. 24.

[2]) Д-ръ *Кашель* „Вопросы воспитанія въ свѣтѣ соціальной гигіены“, стр. 20, 43, 49.

защищать семью и материнство; онъ показываетъ въ процентныхъ отношеніяхъ, что у дѣтей, вскормленныхъ искусственно, меньше шансовъ на жизнь, чѣмъ у дѣтей, вскормленныхъ матерью.

Но это изначальное единство дѣтей и матери или родителей нужно не только дѣтямъ, оно не меньше, если не больше нужно и матери, нужно и взрослымъ людямъ. Природа узаконила эту органическую связь въ зачатіи, созрѣваніи и кормленіи ребенка. Семья является истиннымъ продуктомъ женской души. Кромѣ этихъ и другихъ общеизвѣстныхъ аргументовъ, намъ хочется указать еще на то, что обыкновенно игнорируютъ представители радикальнаго общественнаго воспитанія. Они прежде всего не замѣчаютъ, что въ своихъ стремленіяхъ отдѣлаться отъ семьи и воспитанія дѣтей они не только подымаютъ безнадежный бунтъ противъ природы, но еще вступаютъ, несмотря на всѣ свои стремленія къ выявленію *женской* личности, на старую проторенную мужскую тропу либеральныхъ и прочихъ профессій. Нельзя не привѣтствовать отъ всей души проникновенныхъ словъ одной изъ докладчицъ перваго всероссійскаго съѣзда по семеиному воспитанію, М. И. Сулима, воскликнувшей [1]): „Пора женщинѣ сбросить съ себя, наконецъ, гипнозъ величія мужчины и перестать стремиться слѣпо во всемъ ему подражать... Надо внести въ жизнь *свои* цѣнности!“ И одна изъ величайшихъ и лучшихъ задачъ женщины, въ которой ея никто замѣнить не можетъ, это—не только *физическое*, но и *духовное материнство*.

Въ этомъ не только ея незамѣнимая роль, но въ этомъ кроется и великій осчастливливающій ее факторъ, лишь бы только она не поддавалась внушенію ложныхъ идеаловъ и не видѣла гибели тамъ, гдѣ кроется возможность ея возвышенія. Современной женщинѣ, стремящейся къ полнотѣ выявленія своей личности, слѣдуетъ всегда помнить, что именно во имя этой полноты жизни женской личности немыслимо отклоненіе материнства и обязанностей воспитательницы. То же можно сказать, конечно, и относительно мужчины, но оно особенно жизненно

---

[1]) Труды, т. I, стр. 156. Это та мысль, которую я подчеркивалъ въ моей статьѣ „Женскій вопросъ, какъ проблема культуры“, Вѣстн. восп. 1911. кн. VI.

относительно женщины. Безполой личности нѣтъ и нормально быть не можетъ, и то, что заложила природа творческаго, положительнаго, надо развить и пережить. Наша задача не бороться противъ природы прямо, а только подчинить ее контролю культуры. Женщина вполнѣ справедливо протестуетъ противъ попытки обратить ее въ насѣдку и запереть исключительно въ рамки семейной жизни, но это не поводъ переходить въ другую крайность и совершенно исключать семью и свой материнскій долгъ. Мы глубоко убѣждены, что надежды на широту и просторъ личной жизни — для женщины особенно — безъ дѣтей и отношенія къ нимъ представляютъ собой плодъ грубой роковой жизненной ошибки.

Впрочемъ, мы нисколько не сомнѣваемся, что большинство родителей и особенно матерей въ дѣйствительности никогда не согласятся на тотъ абсолютный отрывъ дѣтей, какой предполагаетъ абсолютное общественное воспитаніе. Лишить массу людей семьи значило-бы позволить современному хозяйственному строю отнять у нихъ послѣднее и, можетъ быть, самое дорогое для человѣка благо, отнять послѣднее убѣжище. Въ сущности это тоже чисто-интеллигентское „эмансипаціонное“ измышленіе, далекое отъ дѣйствительныхъ стремленій массы. Радоваться избавленію отъ дѣтей тамъ заставляетъ только горькая, невыносимая нужда. Съ ней и нужно бороться широкими соціальными мѣрами. У большинства людей держится глубокое заблужденіе, что если ихъ освободить отъ всѣхъ обязанностей и связей, то они будутъ счастливы. На самомъ же дѣлѣ, если бы это совершилось въ полной мѣрѣ, то жизнь неминуемо обратилась бы въ пустыню. Въ частности и у обязанности воспитанія своихъ дѣтей есть много своихъ радостей, есть другая сторона: это—связь черезъ дѣтей съ жизнью, сознаніе, что мы нужны жизни и она нужна намъ. Конечно, большое количество дѣтей нежелательно во всѣхъ отношеніяхъ, прежде всего—съ точки зрѣнія интересовъ самихъ дѣтей, но мы никогда не должны отказываться отъ нихъ совсѣмъ, иначе культурное общество пойдетъ къ своей гибели.

Интересная черта пробивается въ современной медицинѣ: въ то время какъ эмансипированныя женщины, съ одной стороны, и невѣжественныя, съ другой, говорятъ о дѣторожденіи,

какъ объ изнуряющемъ обстоятельствѣ, современная медицина безапелляціонно подчеркиваетъ, что роды въ нормальномъ количествѣ не только не разрушаютъ, а, наоборотъ, поддерживаютъ здоровье женщины, что они есть дѣло физіологической потребности [1]). То же самое можно сказать объ ея духовной жизни. Дѣти и отношеніе къ нимъ являются въ половыхъ отношеніяхъ мужчины и женщины основнымъ облагораживающимъ факторомъ. Половой актъ, самъ по себѣ способный вывести человѣка на путь грубо животной жизни, въ грубой его, неодухотворенной формѣ принижающій человѣка, грязный, въ семьѣ черезъ дѣтей превращается въ человѣческое дѣло и утрачиваетъ свой просто животный характеръ. Наличность или возможность дѣтей, гарантируемая семьей, лишаетъ его характера плода минутной похоти и превращаетъ сочетаніе половъ въ болѣе или менѣе устойчивый союзъ нравственно—трудового характера [2]). Ставъ матерью, женщина уже реально исключаетъ возможность относиться къ себѣ только какъ къ самкѣ, только въ грубыхъ половыхъ интересахъ. Она обрѣтаетъ тутъ свое высшее человѣческое достоинство, подымающее ее — даже при условіи ея духовной ограниченности — на недосягаемую высоту. Таковъ смыслъ слова „мать“. Отнимите дѣтей, предоставьте взрослыхъ самимъ себѣ, и вы выплывете на просторъ грубѣйшаго произвола и распущенности, въ которыхъ, какъ на кострѣ, сгоритъ наше физическое и духовное здоровье. „Исторія всецѣло подтверждаетъ“... говоритъ Елена Ланге [3]), — „что свобода (я бы сказалъ: „произволъ“, М. Р.) незаконныхъ отношеній никогда не дѣйствовала на уменьшеніе проституціи, а какъ разъ наоборотъ. Она показываетъ, что человѣческое общество нуждается въ извѣстныхъ непреложныхъ простыхъ нравственныхъ законахъ,

---

[1]) См. статью д-ра *Михайловой* «Охрана материнства съ точки зрѣнія сексуальности, равноправія, законодательства и семьи». — «Вѣст. Восп.», 1914, VII.

[2]) Сравн. *Вл. Соловьевъ* „Оправданіе добра“—собр. соч., VII, стр. 426 „Бракъ остается удовлетвореніемъ половой потребности, только сама эта потребность относится уже не къ внѣшней природѣ животнаго организма, а къ природѣ очеловѣченной и ждущей обожествленія“.

[3]) „Женскій вопросъ“, пер. Айхенвальда, стр. 83.

[redacted]авили бы границы произволу личности, если оно не [redacted]етъ впасть въ некультурное состояніе“ [1]).

Въ общемъ итогѣ мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію, что какія бы реформы въ воспитаніи ни проводились, взрослыхъ людей никогда не слѣдуетъ цѣликомъ или совсѣмъ освобождать отъ благотворныхъ для обѣихъ сторонъ обязанностей воспитанія своихъ дѣтей. Этотъ выводъ прожилъ цѣлыя тысячелѣтія и остается неизмѣнно жизненно правдивымъ и теперь. Когда-то, напримѣръ, Лукрецій утверждалъ, что въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми дается мощный толчекъ къ смягченію нравовъ. Въ міровой литературѣ не разъ рисовали намъ картину, какъ грубое общество безшабашныхъ людей иногда смягчалось и находило у себя уголокъ очеловѣченной жизни только благодаря появленію среди нихъ маленькаго безпомощнаго человѣка. И это не сентиментальная фальсификація, а голосъ настоящей жизни. Пора намъ освободиться отъ губительнаго предразсудка, что полная и цѣльная человѣческая личность можетъ выявиться въ „гордомъ одиночествѣ“, въ изоляціи себя отъ всякихъ связей. Въ частности и женщина глубоко ошибается, когда она думаетъ найти полную, цѣнную жизнь и глубокое удовлетвореніе въ полномъ освобожденіи отъ семьи и дѣтей. Усовершенствованный общественный строй, если ему суждено осуществиться, долженъ привести не къ уничтоженію семьи, а къ ея оздоровленію, къ устраненію или смягченію подрывающихъ ее факторовъ.

„Воспитатель“! восклицаетъ Руссо въ своемъ „Эмилѣ“ [2]). „Какая возвышенная душа нужна тутъ! Поистинѣ, чтобы создавать человѣка, *нужно самому быть или отцомъ или больше, чѣмъ человѣкомъ* [3]). И такую-то должность вы спокойно вверяете наемникамъ!“ Когда отецъ или мать совершаетъ педагогическія ошибки, вредъ, ихъ какъ мы это отмѣтили раньше,

---

[1]) Тотъ же авторъ справедливо говоритъ: Пониженіе нормъ никогда не будетъ имѣть никакого другого послѣдствія, кромѣ того, что человѣческія дѣянія такъ же падутъ ниже *новаго* мѣрила, какъ они падали при старомъ, слишкомъ чувствительномъ. Важно только, конечно, чтобы эти нормы не предъявляли требованій къ жизни, явно превышающихъ силы человѣка.

[2]) Изд. „Педагогической библіотеки“ К. И. Тихомирова, стр. 23.

[3]) Подчеркнуто мной. М. Р.

уравновѣшивается или смягчается взаимной любовью, кровною связью или просто тѣсными семейными взаимоотношеніями, взаимопониманіемъ родителей и дѣтей. Но когда эти ошибки совершаются чужими людьми, профессіональными педагогами, тогда весь вредъ ихъ заблужденій ложится полной тяжестью на плечи дѣтей. Болѣе того, дѣти не только не склонны извинять ихъ и этимъ смягчать ихъ вредное вліяніе, но они явно и опредѣленно склоняются къ сгущенію вины педагога, они подмѣчаютъ всякія мелочи, и то, что у отца и матери осталось бы и вовсе незамѣченнымъ, у чужихъ педагоговъ въ глазахъ дѣтей вырастаетъ въ значительный фактъ. Жизнь показываетъ, что дѣти забываютъ даже о побояхъ со стороны родителей и во всякомъ случаѣ рѣдко сохраняютъ объ этомъ злое воспоминаніе, находя большею частью смягчающія обстоятельства, но учителю и воспитателю часто не прощаютъ мелкой обиды.

Указывая на положительныя стороны семьи, мы не хотимъ, конечно, закрывать глаза на тѣ во многомъ невыносимыя черты кризиса, которыя мы намѣтили раньше; наша задача отмѣтить то незамѣнимое положительное, что остается въ семьѣ, не смотря ни на что. Пусть намъ говорятъ наблюдатели, черезчуръ сгущающіе краски, что „гимназисты отлично знаютъ публичные дома, у нихъ великолѣпныя знакомства съ проститутками. Даже тѣ мальчики, физически чистые, — вы послушайте ихъ разговоры, — вѣдь, гной, сукровица течетъ изъ устъ ихъ“... [1]). Это преувеличеніе, но даже, какъ преувеличеніе, оно страшно. Но какой-же выводъ отсюда? Гдѣ причина? Причина лежитъ въ скверной жизни взрослыхъ, въ отравленной улицѣ, въ кафе-шантанныхъ плакатахъ, и т. п., въ оборотной сторонѣ современной капиталистической культуры, въ мнимой свободѣ, въ грубомъ произволѣ дѣтей, родителей и учителей, вмѣсто самоопредѣленія, въ сентиментальномъ ухаживаніи за дѣтьми, въ раннемъ вовлеченіи въ политическую и общественную жизнь, въ дышащей дурнымъ духомъ литературѣ и т. п. безъ конца. Но одна изъ самыхъ важныхъ причинъ заключается въ отравленіи семьи, въ *отрывѣ отъ семьи*, какъ на это указываютъ анкеты среди молодежи и сама жизнь. Преждевременный отрывъ

---

[1]) *Серафимовичъ*, Русскія Вѣдомости, 1915, № 284.

отъ семьи создаетъ одиночество, дѣйствительное *сиротство*,— начало вступленія на наклонную плоскость. Верните оздоровленную семью, мать, отца! Призывайте людей къ сознанію ихъ первыхъ, важнѣйшихъ обязанностей, вотъ тотъ выводъ, который вытекаетъ отсюда самъ собой. Порученіе же испорченному обществу проведенія полной замѣны семьи абсолютнымъ общественнымъ воспитаніемъ напоминаетъ порученіе волку стеречь овцу [1]).

Въ наше время стало своего рода модой пенять на семью и школу, которыя также взаимно препираются другъ съ другомъ. Л. Н. Толстой справедливо говоритъ въ статьѣ „О народномъ образованіи": „замѣчательно то, что въ наукѣ и литературѣ встрѣчаются постоянно нападки на насиліе воспитанія семейнаго... Но на образованіе общественное не слышно нападокъ... Отчего это? Я думаю только оттого, что мы не слышимъ голоса того, кто нападаетъ на насъ, не слышимъ потому, что онъ говоритъ не въ печати и не съ кафедры. А это могучій голосъ народа—надо прислушаться къ нему". И Толстой иронизируетъ надъ усиліями изъ силъ выбивающихся воспитателей, чтобы сдѣлать дѣтей непохожими на родителей. [2]) На самомъ дѣлѣ наша литература, какъ и міровая, въ безчисленныхъ произведеніяхъ рисуетъ магическую силу связи дѣтей и родителей, особенно матери и дитяти; тамъ на тысячи голосовъ поется гимнъ материнству.

„Не было у меня въ дѣтствѣ такого горя, которое-бы не утѣшилось и не смирилось, когда она (мать) обнимала меня... Встрѣчалъ я на своемъ вѣку добрыхъ, красивыхъ женщинъ, но мать, какъ была, такъ и осталась для меня самой лучшей, самой доброй, самой прекраснѣйшей изъ женщинъ" (Засодимскій). „О святыя, благодатныя мгновенія, полныя кроткой материнской любви! Не вы-ли сдѣлали меня лучшимъ, чѣмъ я былъ? Не вашъ-ли свѣтъ запалъ въ мою душу и навсегда согрѣлъ ее"... (Шеллеръ-

---

[1]) См. *Наторпъ* „Соціальная педагогика", стр. 259: „Нравственное оздоровленіе должно начаться снизу съ основъ сферы влеченій, слѣдовательно,—съ заботъ о силѣ и чистотѣ семейной общности".

[2]) Толстой, правда, дѣлаетъ отсюда выводы, которые для насъ неприемлемы.

Михайловъ) „Сыновья любовь... эта любовь свята, и благо тому, кто хотя разъ въ жизни испыталъ ее!“ (Баранцевичъ).

Вспомнимъ „Дѣтство“ Толстого, который прямо говоритъ, что любовь къ матери и любовь къ Богу сливались у него въ одно чувство, или Короленко. А вотъ рано осиротѣвшій Надсонъ говоритъ:

„И въ тихія ночи отрадныхъ моленій
Никто надъ кроваткой моей не шепталъ“.

и дальше онъ восторженно описываетъ тотъ рай, который грезится ему съ приходомъ „мамы“. И сколько ихъ такихъ голосовъ, малыхъ и большихъ! Чтобы повѣрить этому, пусть большинство просто вспомнитъ о себѣ.

X.

Соединеніе семейнаго и общественнаго воспитанія, какъ отвѣтъ.

Изложивъ тѣ основанія, которыя побуждаютъ насъ энергично настаивать на сохраненіи семьи, какъ необходимаго органа воспитанія, мы теперь, подводя итоги, должны вспомнить, что всѣмъ этимъ семья *должна* или *могла бы* быть, но современное положеніе ея оказывается до крайности печальнымъ. Можно напомнить здѣсь о томъ положеніи, которое нерѣдко создается въ современныхъ условіяхъ, когда приходится выбирать, бросить ли дѣтей на произволъ судьбы, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни семьи, ни воспитателей, или же отдать ихъ въ руки общественнаго воспитанія. Ясно, что здѣсь и противнику общественнаго воспитанія нужно, какъ мы это подчеркнули раньше, оставить всякое колебаніе, такъ какъ на самомъ дѣлѣ здѣсь нѣтъ возможности выбора. Но мы не должны смотрѣть на дѣйствительность фаталистически, мы должны сознать возможность повліять своимъ сознательнымъ рѣшеніемъ на жизнь, и тогда намъ представится единственно правильное рѣшеніе всего вопроса объ органѣ воспитанія въ формѣ 1) *соединенія или взаимопополненія семейнаго и общественнаго воспитанія* и 2) *насыщенія общественнаго воспитанія*, поскольку оно необходимо, *духомъ и укла-*

домъ семейнаго воспитанія [1]). Мы не видимъ рѣшительно никакихъ основаній ставить оба пути въ положеніе взаимно исключающихъ другъ друга факторовъ; взятый по отдѣльности каждый изъ нихъ окажется не въ силахъ одолѣть жизненную задачу во всей ея полнотѣ, не говоря уже о томъ, что мы окажемся въ области соціально-утопическихъ мѣръ, но вмѣстѣ они, взятые съ извѣстнымъ ограниченіемъ, дадутъ то, что нужно, и поведутъ по тому пути, на который указываетъ жизнь.

Семья *одна*, какъ органъ воспитанія, теперь уже недостаточна, какъ это мы попытались выяснить въ „Кризисѣ семьи, какъ органѣ воспитанія", по самымъ разнообразнымъ причинамъ. Ставъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ, есть ли возможность вернуть людей къ настоящей семьѣ и заставить ихъ взяться за воспитаніе дѣтей, можно ли предъявлять такія требованія, мы должны ясно и отчетливо отвѣтить: нѣтъ, это невозможно. Но это и не нужно. Не нужно потому, что всѣ условія нашей жизни рѣзко перемѣнились и очень далеко ушли отъ патріархальныхъ нравовъ и условій, въ которыхъ семья могла одна выполнить задачи воспитанія. Жизнь настолько усложнилась, и расширилась, что родительское чувство и семья, какъ воспитательный факторъ, нуждаются въ обществѣ и знаніи, какъ въ необходимыхъ помощникахъ. Жизнь назадъ не вернется, и намъ нужно только болѣе внимательно считаться съ измѣнившимися условіями. Таковы директивы, которыя намъ даютъ интересы прежде всего дѣтей, но въ томъ же направленіи, какъ мы убѣждены, ведутъ и интересы взрослыхъ.

Это рѣшеніе диктуется и интересами женщины, наиболѣе заинтересованнаго въ семьѣ лица. При измѣнившихся условіяхъ женщина ищетъ пріобщенія къ человѣческому труду. Этотъ трудъ нуженъ ей для поддержанія и здоровья ея человѣческой

---

[1]) Въ какой формѣ провести это насыщеніе общественнаго воспитанія семейнымъ духомъ, это уже особый вопросъ. Очень интересенъ тотъ планъ, который, по слѣдамъ Песталоцци, предлагаетъ *П. Наторпъ*, „Культура народа и культура личности", именно,—онъ предлагаетъ союзъ семей, гдѣ обязанности воспитанія будутъ выполняться матерями и отцами, членами союза.

личности, онъ нуженъ и для семьи. Она хочетъ быть не только матерью, но и хочетъ жить, какъ личность. Чтобы спасти ее отъ духовной гибели или упадка, ей нужно дать возможность сохранить семью и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть возможность труда. Трудъ освободитъ ее отъ многихъ отрицательныхъ, исторически наслоившихся пластовъ накипи на ея душѣ и сдѣлать ее и для семьи, и для воспитанія еще болѣе цѣнной.

Чтобы открыть ей возможность такой жизни, необходимо *разгрузить семью*, переложивъ часть воспитательныхъ задачъ, именно *наиболѣе теоретичную* часть, опредѣляемую теоріей и системой, на общество и общественное воспитаніе. Огромная часть воспитательныхъ задачъ требуетъ въ наше время спеціальныхъ знаній и умѣній, и эти задачи большей частью не могутъ быть выполнены родителями не только по суровымъ жизненнымъ условіямъ или по нелюбви къ роли воспитателя, но и изъ-за неподготовленности. Сюда нужно отнести не только требованія къ знанію, но и рядъ *практическо-трудовыхъ* умѣній, которыя нужны дѣтямъ на всѣхъ ступеняхъ: плетеніе, вырѣзываніе, лѣпка, рисованіе, посильныя занятія въ огородѣ, въ полѣ, экскурсіи, игры, и различныя формы коллективнаго сотрудничества и сообщества на дальнѣйшихъ ступеняхъ, какъ клубы, кружки, и т. д. Вся эта часть, требующая знаній и спеціальныхъ умѣній должна быть передана общественнымъ учрежденіямъ. Какъ теперь всеобщее обученіе, при которомъ дѣти проводятъ большую часть дня внѣ семьи, если оно нормально поставлено, не уничтожаетъ семьи, а, наоборотъ, способно итти рука объ руку съ ней, точно также нужно требовать *всеобщаго дошкольнаго воспитанія, воспитательнаго воздѣйствія школы и цѣла о ряда воспитательныхъ послѣшкольныхъ учрежденій*;—но все это вполнѣ мыслимо при сохраненіи семьи и *только при сохраненіи* ея пріобрѣтаетъ свою наибольшую положительную силу. На это время семья будетъ свободна отъ тяжести заботъ о дѣтяхъ, и женщина, гдѣ это нужно и гдѣ она этого хочетъ, можетъ взяться за внѣсемейный трудъ. Тогда и для родителей, и для дѣтей семья, въ которую они будутъ возвращаться — одни со своихъ работъ, другіе изъ своихъ дѣтскихъ домовъ и школъ,— перестанетъ быть домашнимъ адомъ. Общественное воспитаніе дополнитъ то, что не въ силахъ дать семья при современныхъ

условіяхъ, но въ основѣ оно само будетъ питаться тѣмъ, что можетъ дать только семья.

На всеобщее дошкольное воспитаніе въ дополненіе къ семейному и къ облегченію семьи мы, по нашему глубокому убѣжденію, должны смотрѣть какъ на *величайшую очередную* задачу всей нашей жизни. Она должна также стать въ центръ нашихъ стремленій, какъ до сихъ поръ стояла задача всеобщаго обученія, съ тою только разницею, что первая еще значительнѣе второй какъ по выполненію ея, такъ и по широтѣ ея слѣдствій. Вопросъ здѣсь идетъ о коренномъ переустройствѣ семьи и судьбы женщины, т.-е. о перемѣнѣ въ судьбѣ не только дѣтей, но и взрослыхъ, особенно женщинъ. Мы глубоко убѣждены, что въ недалекомъ будущемъ вопросъ этотъ окажется въ центрѣ нашего вниманія; въ сущности мы уже вступили на эту колею, но все это палліативныя мѣры, касающіяся только болѣе состоятельныхъ слоевъ, между тѣмъ какъ именно масса народа особенно нуждается въ радикальномъ разрѣшеніи этого вопроса. Семья же отъ этого только выиграетъ. Тогда чувство любви къ дѣтямъ возьметъ верхъ безповоротно, перестанутъ тогда видѣть въ дѣтяхъ только помѣху къ личной жизни, перестанутъ проклинать ихъ, тогда отецъ и особенно мать вернутся къ нимъ, теперь часто бѣднымъ, заброшеннымъ сиротамъ при живыхъ отцѣ и матери; дѣти тогда явятся источникомъ положительныхъ жизненныхъ чувствъ. Семейное и общественное воспитаніе взаимно пополняютъ другъ друга: въ первомъ—незамѣнимые субъективные элементы воспитанія, во второмъ — объективные; *вмѣстѣ они даютъ живое,* правдивое *цѣлое.*

Все это, конечно, выдвигаетъ вопросъ о новой постановкѣ всего дошкольнаго воспитанія. Взятыя въ подобающемъ широкомъ всенародномъ масштабѣ эти учрежденія должны явиться не плодомъ частнаго почина и случая, а стать широкой сѣтью дошкольныхъ учрежденій, дѣтскихъ садовъ, создаваемыхъ и поддерживаемыхъ на истинно демократическихъ началахъ органами общественнаго самоуправленія. Всѣ эти дѣтскіе сады должны быть не только безплатны, не только отвѣчать всѣмъ требованіямъ гигіены, но они прежде всего должны рѣшительно освободиться отъ интеллектуализма и головной культуры, которая въ наше время угрожаетъ заполонить даже и дошколь-

ный періодъ. Въ этихъ учрежденіяхъ на первый планъ должны безповоротно выдвинуться тѣ элементы семейно-трудового сообщества, которыхъ современная массовая семья дать не можетъ: въ нихъ должны не учить,—это допустимо только, какъ попутное и незамѣтное явленіе, а центръ тяжести долженъ лежать въ здоровомъ физическомъ выращиваніи, въ игрѣ на воздухѣ, въ посильныхъ работахъ, въ саду и въ огородѣ, въ пріобрѣтеніи навыковъ обслуживать свои собственныя нужды, въ взаимопомощи. Цѣнныя указанія (на ряду съ крайне ошибочными) даетъ М. Монтессори въ своей книгѣ „Домъ ребенка". Здѣсь должны прежде всего воспитываться не барчата, а дѣти *трудового* народа. Это одинаково необходимо для дѣтей всѣхъ слоевъ. Въ такихъ учрежденіяхъ народная воспитательница, которая должна встать рядомъ съ народнымъ учителемъ, необходимо должна внести въ какой-нибудь формѣ общественно-полезный трудъ, въ которомъ дѣти явятся ея дѣятельными помощниками. Такъ, напримѣръ, дѣти могутъ подъ ея руководствомъ прибрать или помочь полоть церковный, общественный или частный огородъ, они съ радостью пойдутъ на картофельное поле, чтобы помочь въ собираніи картофеля, а въ городѣ въ садъ или скверъ, чтобы навести чистоту и т. д.—все, конечно, безъ утомленія и посильно. Съ такими умѣніями и склонностями дѣти вернутся въ семью, какъ въ родную атмосферу, и оживятъ ее. Здѣсь уже не только не можетъ возникнуть опасеніе несогласованности демократической семьи и дѣтскаго сада, но, наоборотъ, дѣти принесутъ изъ трудового учрежденія въ семью то, чего ей не хватаетъ и *органически* войдутъ въ семью, какъ ея необходимые, *здоровые* элементы.

Для осуществленія этой мѣры однако же необходимы широкія соціальныя мѣропріятія. Эти мѣры настолько широко обсуждались соотвѣтствующими спеціалистами и настолько общеизвѣстны, что мы можемъ ограничиться здѣсь только коротенькимъ упоминаніемъ о нихъ. Соціальное законодательство должно не только провести всеобщее дошкольное воспитаніе и учредить вездѣ на ряду съ школой дошкольно-воспитательныя учрежденія, дѣтскіе дома или сады, гдѣ дѣти будутъ проводить основную часть дня и возьмутъ все, что можно взять въ дополненіе къ семейному воспитанію, но оно должно прямо и

рѣшительно выступить на защиту матери и дѣтей. Это требованіе диктуется всѣмъ существомъ дѣла, оно дорого педагогу больше, чѣмъ кому бы то ни было изъ представителей другихъ профессій. Женщинѣ должно быть гарантировано посильное рабочее время путемъ установленія нормы рабочаго дня; тутъ открывается безконечная (*и педагогическая*) важность защиты экономической устойчивости семьи, избавленія ея отъ грубыхъ экономическихъ случайностей нормальной оплаты труда, государственной защиты и обезпеченія материнства, беременности и періода кормленія ребенка, страхованія на широкихъ началахъ и т. д. Нужно рѣшительно выступить на радикальную защиту дѣтей отъ фабрично-заводской и другихъ формъ эксплоатаціи. Западное законодательство въ сущности уже вступило, хотя еще и нерѣшительно, на этотъ путь.

И въ самой семьѣ необходимо укрѣпить матеріальное положеніе матери и вывести ее изъ современнаго тяжкаго положенія матеріально-правовой зависимости отъ мужа. Положеніе матери должно и матеріально оцѣниваться достаточно высоко. На него необходимо взглянуть, какъ на общественное служеніе.

Въ какой формѣ можно было бы провести эту оздоровляющую семью мѣру, это пусть рѣшаетъ соціальное законодательство, но она нужна. Вступленіе въ бракъ и материнство станутъ и внѣшне болѣе привлекательнымъ явленіемъ жизни. Всѣ тѣ, кто отклоняетъ эти мѣры, какъ слишкомъ радикальныя, въ сущности помогаютъ гибели исконнаго важнаго общественнаго устоя, гибели семьи. Правда, спеціалисты указываютъ намъ (напримѣръ, Фиртъ, Веберъ), что всѣ эти мѣры мыслимы цѣлесообразно только при соціализмѣ, а при современныхъ условіяхъ всѣ эти мѣры потребуютъ такихъ затратъ, которые окажутся значительно больше, чѣмъ доходъ отъ профессіональнаго труда женщинъ. Но вопросъ о соціализмѣ или иномъ строѣ лежитъ для насъ въ иной сферѣ; мы имѣемъ право и обязаны разсмотрѣть вопросъ и въ плоскости педагогики и поставить наши требованія, не страшась ихъ радикализма или консервативности, а во-вторыхъ, пусть будутъ эти траты велики. Если бы даже это было такъ, то все это ничто въ сравненіи съ возможностью человѣческой жизни для женщины и воспитанія цѣльныхъ лич-

ностей. Если этимъ оплачивается устраненіе опасности гибели семьи, то даже огромная трата оказывается ничтожной[1]).

Само собой разумѣется, необходимо пойти дальше и въ дѣлѣ охраны дѣтей отъ возможныхъ злоупотребленій со стороны произвола родителей. Не безъ основанія нѣкоторые авторы требуютъ медицинскаго освидѣтельствованія брачущихся. Эта мѣра должна ограждать женщину и дѣтей, по крайней мѣрѣ, отъ грубѣйшаго нарушенія ихъ жизненныхъ интересовъ.

Дѣтямъ должна быть гарантирована возможность здороваго выростанія, нормальнаго воспитанія и развитія ихъ личности. Государство и общество не должно мириться съ тѣмъ, что дѣти массы гибнутъ въ чаду улицы, отъ недоѣданія и т. д. Оно должно придти на помощь семьѣ, материнству и дѣтямъ. Здѣсь педагогъ долженъ протянуть въ своихъ требованіяхъ руку соціальному политику.

Заканчивая наше изложеніе, мы въ интересахъ полноты и послѣдовательности должны подчеркнуть всю первостепенную важность для нашей проблемы правильнаго рѣшенія вопроса о подготовкѣ родителей, особенно матерей, о женскомъ образованіи. Какъ ни цѣнны родительскіе комитеты, какъ органы сближенія семьи и школы, они всетаки одни далеко не достаточны.

Та слѣпая двойственность, съ которой мы имѣемъ дѣло въ нашей системѣ образованія теперь, не выдерживаетъ никакой критики. Нельзя настаивать на необходимости семьи и въ то же время ни въ какомъ отношеніи не готовить къ ней въ школѣ, начиная съ низшей и кончая высшей,—въ школѣ, гдѣ учащіеся проводятъ огромную и важную часть своей жизни. Отсюда въ частности и выясняется широта значенія вопроса о совмѣстномъ

---

[1]) Сравн. съ этимъ слѣдующую резолюцію на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ по семейному воспитанію, принятую соединенными I и VI секціями. Труды съѣзда, т. II, стр. 486: «Воспитаніе молодого поколѣнія должно быть совмѣстнымъ дѣломъ семьи, общества и школы, для чего, съ одной стороны, должна быть установлена тѣсная связь между каждой отдѣльной школой и семьей обучающихся въ ней дѣтей, и съ другой стороны, должны быть приняты мѣры къ распространенію въ широкихъ кругахъ общества правильныхъ педагогическихъ взглядовъ и къ сплоченію родителей». Заканчивается эта резолюція предложеніемъ основанія всероссійскаго родительскаго союза.

или раздѣльномъ обученіи. Мы уже указывали въ печати на необходимость въ школѣ урока-собесѣдованія по вопросамъ отцовствовѣдѣнія и материнствовѣдѣнія,—это то, чего требуетъ жизнь отъ школы[1]). Спенсеръ въ свое время справедливо замѣтилъ[2]), что наши школы въ этомъ отношеніи представляютъ какъ будто созданіе монашескаго ордена. Школа, конечно, не научитъ многому въ этой области, и намъ не слѣдуетъ питать большихъ надеждъ на школу въ этомъ отношеніи, но дѣло здѣсь не въ знаніяхъ, которыя можетъ дать школа, а въ направленіи, которое она можетъ оживить. Главная же задача падаетъ на семью. До тѣхъ поръ, пока семья остается главнымъ органомъ воспитанія, нельзя взращивать и воспитывать дѣтей такъ, что нашимъ питомцамъ ничто не напоминаетъ объ ихъ будущей роли отцовъ и матерей, нельзя воспитывать безполыхъ существъ, видящихъ въ себѣ только будущихъ профессіональныхъ дѣятелей.

Соотвѣтствующая подготовка къ семьѣ является насущной необходимостью, особенно въ наше время, когда уже нельзя полагаться на одинъ инстинктъ, притомъ заглушенный и искаженный всякаго рода ложными сторонами культурной жизни. Культурная жизнь наша организована такъ, что она всѣми сторонами гонитъ женщину изъ семьи и отъ нея, отчуждаетъ ее отъ дѣтей и стремленія къ нимъ. Тѣмъ болѣе необходимо обратить вниманіе на воспитаніе семейныхъ склонностей, особенно материнскихъ влеченій у дѣвочекъ, иначе судьба семьи, а съ нею, можетъ быть, и общества, будетъ рѣшена въ отрицательномъ смыслѣ. Мы особенно подчеркиваемъ необходимость отраженія этой идеи въ воспитаніи дѣвочекъ, потому что, по нашему глубокому убѣжденію, вопросъ о томъ, какою будетъ семья, въ очень большой, хотя и не исключительной степени, рѣшается тѣмъ, какова будетъ женщина, потому что она, женщина-мать, нормально и наиболѣе цѣлесообразно является центромъ и душой семьи; это вѣрно хотя бы уже потому, что внутренній распорядокъ семейной жизни находится въ ея рукахъ, что дѣти всегда ближе къ ней, чѣмъ къ отцу. Дѣйствительность показываетъ

---

[1]) См. *М. М. Рубинштейнъ*. «Чего требуетъ жизнь отъ школы», газета «Школа и жизнь», 1915 г., № 3.

[2]) Педагогическія статьи, изд. «Школа и жизнь», Птрг., стр. 22.

и отклоненія, но это только исключенія, подкрѣпляющія общее правило[1]).

Ясно сознавая основное значеніе соціально-экономическихъ факторовъ въ томъ или иномъ рѣшеніи даннаго вопроса, мы все-таки не должны совершенно обезцѣнивать идеологическіе факторы; пропаганда опредѣленнаго настроенія, опредѣленная душевная культура, можетъ быть, не въ силахъ измѣнить многое во внѣшней дѣйствительности, но она способна пересоздать весь внутренній міръ человѣка, она способна освѣтить факты живымъ огнемъ и цвѣтами своей души и заставить ихъ говорить языкомъ своей личности. Фактовъ нѣтъ безъ насъ, только мы создаемъ ихъ для себя и мы окрашиваемъ ихъ и въ розовый, и въ черный цвѣтъ. Наше поклоненіе фактамъ слишкомъ часто превращается въ грубое идолопоклонство; но стоитъ намъ распознать этихъ идоловъ, какъ наше рабство превратится въ господство. Намъ необходимо не только осуществить соціальныя реформы, но намъ необходимо, насущно *неодходимо выступить и противъ дискредитированія семьи и материнства,* противъ противосемейной пропаганды, которая до сихъ поръ продолжаетъ и въ литературѣ, и въ жизни почти безпрепятственно вершить свою разрушительную работу. Идейная борьба съ этими разрушителями должна вестись на всемъ фронтѣ, въ семьѣ и школѣ. Она должна побудить насъ обратить при этомъ особенное вниманіе на женское образованіе, на воспитаніе дѣвочекъ, какъ будущихъ матерей, носительницъ семейнаго начала. *Необходимо сознательно культивировать духъ семейственности нашей молодежи.* Несмотря на присущія Руссо преувеличеніе и однострононность, мы не можемъ не напомнить въ заключеніе объ одномъ его глубоко знаменательномъ изреченіи[2]): „Хотите каждаго вернуть къ его первѣйшимъ обязанностямъ, — начинайте съ матерей: вы будете изумлены перемѣнами, которыя произведете“.

---

[1]) Лозунгъ «школа должна готовить къ жизни» привелъ въ Германіи къ тому, что нѣмцы, хотя и односторонне, но всетаки откликнулись на эти запросы жизни. См. очень поучительную статью *Л. Нейманъ* «Дополнительныя народныя школы Германіи» гл. X., журналъ «Вѣстникъ воспитанія», 1915 г., кн. VIII, стр. 82 и сл.

[2]) „Эмиль, или о воспитаніи“, изд. „Педагогической библіотеки“ Тихомирова, стр. 17.

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стар.

От автора 3

I. Проблема органа воспитанія, какъ основная педагогическая проблема 5

II. Изъ исторіи вопроса 11

III. Элементы семьи, какъ органа воспитанія 18

IV. Современный кризисъ семьи, какъ органа воспитанія 36

V. О профессіи и материнствѣ 52

VI. Въ защиту общественнаго воспитанія 55

VII. Противъ исключительнаго общественнаго воспитанія 65

VIII. Въ защиту семейнаго воспитанія 76

IX. Цѣнность семейныхъ связей для дѣтей и взрослыхъ 83

X. Соединеніе семейнаго и общественнаго воспитанія, какъ отвѣтъ 91